

Франклин Меррелл-Вольф

Философия Сознания-без-объекта
Размышления о природе Трансцендентального Сознания

Перевод – Нестеров Г.В., 2010

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧАСТЬ 1. ОСНОВА ЗНАНИЯ	
Глава 1. Идея и её соотнесение.....	5
Глава 2. Мистическое раскрытие.....	13
ЧАСТЬ 2. АФОРИЗМЫ О СОЗНАНИИ-БЕЗ-ОБЪЕКТА	
Глава 3. Уровни мысли.....	45
Глава 4. Афоризмы о Сознании-без-объекта.....	48
Глава 5. Общее обсуждение Сознания-без-объекта.....	51
Глава 6. Комментарии к афоризмам.....	77

Предисловие

Хотя настоящий труд предполагает знакомство с моей предыдущей работой «Пути к Пространству», его можно читать независимо. Первая книга – это запись трансформации в сознании, происходившая в течение самого процесса, и поэтому, хотя она и представляет наиболее близкий взгляд, ей всё же недостаёт в силу этого некой объективной оценки, которая может быть дана лишь на расстоянии. В настоящей книге пересмотр записи, сделанный постфактум, составляет материал второй главы. Перспектива в данном случае, естественно, более широка. В результате интерпретация, следующая за трансформацией, обладает более полным логическим единством. Первая книга была, по необходимости, скорее потоком идей, скомпонованных по мере их появления на авансцене сознания, а не систематизированным изложением. Написанное было справедливо для того дня или момента и синоптично по форме лишь в той степени, в которой оно было связано с развитием концепций. Многие проблемы остались не до конца освещёнными, и это было сделано преднамеренно, чтобы впоследствии развить мысль более широко. Настоящий труд призван заполнить бреши, оставленные предыдущей работой.

Однако, несмотря на моё намерение создать логически организованную систему, я обнаружил, к некоторому своему удивлению, что мысль продолжает развиваться в направлениях, мною не предвиденных. Формальная систематическая организация рушилась снова и снова по мере того, как поток захлестывал дамбы предполагаемой структуры. Как следствие, настоящий труд стал лишь чем-то более систематизированным по сравнению с предыдущим, однако не сумел удовлетворить требованиям законченной системы. Очевидно, что время для объединения всех частей ещё не назрело. Некоторые проблемы получили более полное освещение, но в процессе возникли другие, оставшиеся незавершёнными.

Тот, кто знаком с Пробуждением, становится отчасти поэтом, не важно, был ли он поэтом до этого. Мысль уже не может оставаться чисто формальной. Поэт открывает, тогда как интеллект систематизирует. Один распахивает Дверь, тогда как другой организует управление. Эти функции являются взаимодополняющими. Но в их сочетании есть свои недостатки, равно как и преимущества. Мысль, стремящаяся к организованной системе, совершенной во всех отношениях, вечно находит новые Двери, открытые в неизведанные пространства, и тогда появляется необходимость в реорганизации. Перспективы, возникающие с каждым новым Открытием, слишком заманчивы, чтобы ими пренебречь, и, кроме того, на Истину нельзя легко закрывать глаза. Поэтому система никогда не завершается. Прошу критиков простить мне этот недостаток, если это вообще недостаток.

В настоящей книге я посчитал даже логически невозможным избавиться от личного фактора. Я бы хотел писать так, как писал Спиноза, но в настоящее время мы уже не вольны пренебрегать эпистемологической проблемой. Мы также не можем принимать концепции по их виду за носителей Знания. После Канта мы должны постоянно проверять авторитет всяких концепций. Всегда спрашивается, что означают данные концепции. И обычно они означают нечто, что само не является концепцией. Как же тогда соприкоснуться с самим этим нечто? Когда дело касается обычного опыта, проблема довольно-таки проста и зачастую разрешима, однако Сознание, которое открывается в процессе трансформации, – далеко не проезжая дорога, поэтому к нему нельзя подходить поверхностно, дабы не обманывать доверие читателя. По этой причине приводится обзор процесса трансформации, чтобы обеспечить основу для более систематизированного обсуждения.

Сегодня нет нужды доказывать, что существуют состояния мистического сознания, обладающие позитивной индивидуальной и социальной значимостью. Многие авторы признанной интеллектуальной и научной компетенции уделили серьёзное внимание

предмету и не только продемонстрировали действительность мистических состояний сознания, но и нашли их влияние на мироощущение и характер превосходным, по крайней мере, во многих случаях. Могу перечислить таких людей, как Уильям Джеймс, Джон Дьюи, Бертран Рассел, Джеймс Х. Льюба и Алексис Кэрел, не говоря уже о великих немецких идеалистах, либо напрямую писавших из пробуждённого мистического состояния, либо, по крайней мере, хорошо знавших об его существовании. Однако, за исключением Уильяма Джеймса и немецких идеалистов, среди этих учёных существует общая тенденция полагать, что никакое подлинное знание реальности, «вещи-в-себе», не может прийти из мистического опыта. Поэтому главной проблемой настоящей работы стала демонстрация, насколько это возможно, достоверности философских оценок, проистекающих из мистических или гностических корней. Таким образом, я был вынужден уделить серьёзное внимание философскому и психологическому критицизму и развивать свои тезисы с оглядкой на ловушки, расставленные подобным критицизмом. Многие из этого критицизма является откровенно вызывающим и не может быть просто оставлено в стороне. Для тех, кто обладает поэтической прозорливостью или интуитивным восприятием незамутнённой религиозной природы, многое из критической части обсуждения покажется ненужным, а многие способы выражения неоправданно сложными и мудрёными. Таким я могу сказать: «Будьте терпеливы и помните, я пишу не только для тех, кто легко верит. Разве вы не знаете, что в этом мире есть люди с развитой интеллектуальной способностью, свысока вззирающие на вас как на благонамеренных, но доверчивых детей? Я призываю вас к почтительному вниманию, даже если вы со мной во многом не согласны».

Франклин Меррелл-Вольф

Часть 1. Основа Знания

Глава 1. Идея и её соотнесение

Назначение великой философии – служить Путём Постижения, а не просто наставником в *делании*. Древние хорошо знали это, но в наше упадочное время эта истина оказалась совершенно забыта. Добропорядочный житель современного мира вполне мог бы залиться краской, если бы подумал о том, какое суждение вынесет будущий историк о нашем веке, отмечая, как возвышенный гений и мастерство служили, главным образом, повседневным нуждам и удобству «стопоходящего, бесперого, двуногого млекопитающего рода homo» в его приспособливании к окружению, или же наблюдая, как очень изощренные и технологичные устройства создавались для уничтожения этого самого млекопитающего наиболее жестоким способом. В самом деле, когда знание служит таким целям, невежество предпочтительнее. И хотя уже плохо, когда техническое знание не находит более достойного применения, гораздо хуже и болезненнее, когда величественная Царица Знания низводится до статуса служанки мирской науки. Естественно, в силу самих своей формы и метода, мирская наука может найти своё окончательное оправдание только в делании, однако истинное назначение философии – служить более благородной и возвышенной цели. Ибо вечная функция Божественной Софии – питать знанием, служащим в первую очередь *бытию*, а *деланию* – лишь в той степени, в которой действие подчинено этому бытию.

Нынешнее, во многом, печальное положение философии объясняется, главным образом, критической сноровкой, далеко обогнавшей в своём развитии уравнивающую прозорливость. Я совсем далёк от того, чтобы сомневаться в полезности критического духа, ибо сам не из тех, кто легко позволяет себя одурачить, однако критицизм, взятый сам по себе, всегда заканчивается тупиком универсального скептицизма. Конечно же, этот скептицизм может быть по-разному замаскирован, что явствует из заявлений типа: «всякое знание – это лишь вероятное знание» или «знание – это лишь оправданная убеждённость, проверяемая тем, насколько она служит приспособливанию организма к его окружению». Или же он может вести к явному отрицанию таких понятий как Реальность или Истина. Однако, в любом случае, теряется не только уверенность, но и всякая надежда на её обретение. Есть люди со странным вкусом, которым, очевидно, нравится возникающий сумасбродный мир полной неуверенности, в котором ничему нельзя доверять, и только иллюзиям позволено питать жажду веры. Но для всех тех, в ком сильна религиозная потребность, потеря надежды оборачивается страшной трагедией абсолютного пессимизма – не того относительного пессимизма Будды, Христа или Шопенгауэра, видевших помимо безнадёжной тьмы этого бренного мира ещё и Дверь, выводящую в нетленный Свет, но пессимизма настолько глубокого, что нет никакой надежды на Свет где-либо. Где-то должна быть уверенность, если цель жизни – не просто вечное отчаяние. Но чтобы найти эту уверенность, необходимо нечто большее, чем критицизм.

В потоке опыта, проходящем мимо нас, мы не находим ни начала, ни конца. С помощью науки мы произвольно рассекаем этот поток и обнаруживаем многочисленные отношения, связывающие неопределённые части, которые мы можем назвать и организовать в системы с завидным умением. Но что касается окончательной природы этих частей, то нам ничего не известно. Откуда течет этот поток и куда? На этот вопрос века и тысячелетия знания, основанного исключительно на эмпирической данности, никогда не дадут ответа. Положение человека безнадёжно, если источник всех его знаний – опыт и ничто больше.

Но может быть существует иной источник знания помимо концепта и опыта, который является, предположительно, его единственным родителем? Великие древние утверждали, что существует, а также многие на протяжении нашей человеческой истории.

Я также утверждаю, что существует этот третий орган познания, и что он может быть постигнут тем, кто стремится в правильном направлении. И я также соглашаюсь с теми древними, которые говорили, что посредством этого иного органа можно найти ответ на вечные вопросы и достичь знания, которое не будет бесплодным, хотя его форма может оказаться самой неожиданной. Но найдётся ли место среди баррикад современного критицизма для забытой Двери? Полагаю, что да, если структуру критицизма тщательно проанализировать и отделить зерна от плевел. Ибо философский критицизм не имеет никаких полномочий закрывать дверь перед свидетельством из источника непосредственности.

* * *

Из «Критики»¹ Канта вытекает следующее важное положение: чистый разум сам по себе может выносить суждения только о возможности и предсказать существование этой возможности исключительно как возможность. Чтобы предсказать действительность существования, необходимо нечто большее. Обычно, предикация действительного существования становится возможной посредством эмпирического материала, данного чувствами. Сочетание принципов чистого разума и материала, данного чувствами, делает возможным единство опыта, в котором грубая непосредственность объединяется в целостность, организованную законом. Это обеспечивает основу доверия теоретическим построениям науки как таковой со всем, что из этого вытекает. Но в человеческом сознании существуют запросы, которые не удовлетворяются подобной интеграцией. Кант осознавал этот факт и пытался решить проблему в своей «Критике практического разума», однако не смог нащупать сколько-нибудь твёрдую почву под ногами. Таким образом, сегодня наше положение таково, что мысль не даёт надёжного, а лишь вероятное знание.

В настоящем философском очерке я не оспариваю сущностную правильность данного заключения, почерпнутого из «Критики чистого разума». Я признаю принцип, по которому *чистая* мысль может дать лишь суждение о возможном существовании. Но я иду дальше Канта, утверждая, что в совокупной организации сознания существуют фазы, которые не являются ни концептуальными, ни эмпирическими – последний термин следует понимать как относящийся к сознанию, зависящему от чувств. Я обращаю внимание на подобную фазу, которая хотя и не является активной у большинства людей, всё же освещалась некоторыми личностями на промежутке известной истории, и утверждаю, что я сам развил, по крайней мере, в некоторой степени, деятельность этой фазы. Эта фаза известна на Западе под различными наименованиями, такими как «Космическое Сознание», «Мистический Инсайт», «Специализм», «Трансгуманизм» и т.д. На Востоке она получила более систематическое освещение и описание. Так, она известна под названиями: «Самадхи», «Дхьяна» и «Праджна». Характер данной фазы сознания, что явствует из существующих описаний и на основании моего собственного знакомства с ней, имеет природу непосредственной осведомлённости об экзистенциальном содержании или значении. Данная непосредственность – гораздо более высокого порядка, чем непосредственность чувств, ибо последняя зависит от инструментария чувственных органов и функций. В отличие от опыта чувств эта редкостная фаза сознания даёт трансцендентное значение непосредственно и делает возможной предикацию его существования в суждении без нарушения фундаментальных принципов, заложенных Кантом.

Эпистемологическая критика этой трансцендентальной фазы сознания возможна только со стороны того, в ком она активна. Это справедливо по той причине, что эпистемолог, не в пример психологу, может работать только с материалом, который он действительно наблюдает в своём сознании. Его взгляд направлен внутрь, тогда как психолог – если он психолог и только – ограничен материалом, который может наблюдаться извне. Таким образом, эпистемолог занят анализом основы суждений о

смысле и значении, тогда как метод психолога удерживает его в сфере суждений касательно эмпирически существующего факта. Как следствие, открытия психолога неприменимы в отношении более субъективной сферы смысла и значения. Упущение из виду этого факта стало причиной существенной путаницы и головной боли, которых вполне можно было избежать.

Проблема, стоящая перед нами, во многом, выходит за пределы компетенции психолога, поскольку она затрагивает смысл и значение, а наблюдаемые сущности – разве что в очень незначительной степени. Вполне вероятно, что деятельность трансцендентальной фазы сознания, существование которой предсказывается здесь, может иметь сопутствующие эффекты, поддающиеся наблюдению психолога, и возможно даже физиолога. Но что бы ни наблюдалось подобным образом, это не имеет никакого отношения к внутреннему и напрямую постигаемому смыслу и значению. Очевидно, что могут наблюдаться отклонения от психологической и физиологической нормы, которые действительно имеют место. Зачастую подобные отклонения от нормы являются поводом для враждебного отношения к напрямую постигаемому смысловому содержанию. Подобная процедура не является ни научной, ни философской, ибо предполагает слепое допущение, что ценность высшего привязана к какой-то норме. Прилагая данный метод последовательно, скажем, к укладу жизни и сознанию австралийских бушменов, мы будем вынуждены прийти к враждебному заключению относительно всей высшей культуры человечества во всех её формах. Поскольку многие наши психологи и физиологи, в действительности, не придерживаются подобной последовательной позиции, мы вынуждены заключить, что они позволяют личному предубеждению играть решающую роль в своих оценках.

В текущих изысканиях часто отмечается, что некоторые концепты относятся к чувственно данным сущностям напрямую, тогда как другие – нет. Подобные сущности были названы «референтами». Отсюда положение: некоторые концепты имеют референтов, тогда как другие – нет. Обычно первым концептам придается высшая значимость, а последним – лишь та значимость, которую они приобретают, ведя к концептам, имеющим референтов. Есть даже авторы, которые отрицают существование такого понятия как концепт и признают только слова. В любом случае, концепты или слова без референтов считаются простыми абстракциями. Итак, хотя возможно и правильно считать концепты важными лишь в той степени, в которой они приводят к референтам, произвольным является допущение, что референт всегда должен быть эмпирически данным фактом. Референтом может быть содержание, данное трансцендентной фазой сознания непосредственно. В таком случае, абстрактный концепт может иметь такое же подлинное значение соотнесения, как и более конкретные идеи. Но только посредством мистического пробуждения на этот вопрос можно ответить положительно. Одним из тезисов настоящей работы является то, что абстрактные концепты или, по крайней мере, некоторые абстрактные концепты действительно означают содержание, которое можно постичь непосредственно. Таким образом, наиболее абстрактная фаза мысли может приводить к значению, по меньшей мере, столь же прямо, как и конкретные идеи. Но это значение не является чувственно данным содержанием.

Фундаментальным является положение, что некоторые концептуальные системы могут рассматриваться как *символы* трансцендентального смысла. Вероятно, мы можем считать эти символические формы соотнесения характерными для всех концептов в отношении всех референтов, будь то эмпирических или трансцендентальных. Некоторые из наиболее зрелых ответвлений современной науки, очевидно, уже приходят к подобной интерпретации своих теоретических построений. Так, в современной физике о теориях зачастую говорится как о моделях, означающих реальность или референт, который по своей природе немислим. Модель, в таком случае, не является простой фотографической репродукцией, а мыслимым и логическим шаблоном, соответствующим наблюдаемым отношениям в референте. Подобный шаблон является символом, хотя, возможно, и не в

том специфическом смысле, в котором доктор К. Г. Юнг использует данный термин. Во всяком случае, здесь – это символ отношений. В трансцендентальном смысле символ означал бы субстанции. В таком случае мы имеем сущностное различие между интеллектом, как он используется в науке, и его использованием в метафизике. В первом случае он разрабатывает символы отношений, во втором – символы субстанциальных реальностей.

Первостепенная значимость интеллекта в том, что он даёт власть. Средствами науки природа управляется и подчиняется во всё большей степени. Этот факт настолько очевиден, что не требует рассмотрения. Тот же принцип применим и к трансцендентным реальностям. Благодаря силе мысли данный регион также поддается навигации. Незрелые мистики не являются навигаторами, поэтому трансцендентное для них – как море, в котором чёлн их сознания либо дрейфует, либо ведом силами, им самим не подвластными. В подобных случаях – когда они ведомы – действует иной, незримый разум. Многие мистики дают этой управляющей силе обобщённое имя «Бог». На самом же деле, речь здесь идет о Силе, превосходящей личное самосознательное «я», постигаемой в своём действии, но непонятой в своём характере. С другой стороны, мистик, обладающий властью, может изъять слово «Бог» из своего словаря со всеми его коннотациями. Однако он знает, что термин относится к чему-то вполне реальному, хотя и очень плохо понимаемому большинством мистиков. Власть эта зависит от развития понимания и мышления, имея совершенно иной порядок отношений в сравнении с тем, что применим к чувственному опыту.

* * *

Эмпирически данное множество факта, составляющее грубый материал физической науки, – это ещё не сама наука, и не может быть таковой, будучи просто собранным, записанным и классифицированным. Чтобы придать этому множеству факта статус науки, его *всё* надо объединить интерпретирующей теорией, удовлетворяющей определённым условиям. Два этих условия фундаментальны и непреложны. Во-первых, интерпретирующая теория должна быть логическим и самодостаточным целым, позволяющим делать дедуктивные выводы. Это – абсолютная необходимость науки как таковой. Во-вторых, теория должна быть, вдобавок, таким образом построена и сформулирована, чтобы логическая цепочка следствий, из неё вытекающих, привела бы на определённом этапе к эмпирически возможному эксперименту или наблюдению, могущему подтвердить или опровергнуть следствие. Это условие не является обязательным для науки в онтологическом смысле, но является сущностной частью *эмпирической* науки. Данное условие знаменует радикальный отход современной науки от науки схоластов и Аристотеля. Это – принцип высочайшей прагматической значимости, являющийся ключом к современному западному типу господства над природой. Итак, любая организация множества наблюдаемых фактов, удовлетворяющая двум этим условиям, является наукой в современном смысле этого слова.

Но хотя два эти принципа являются единственными двумя необходимыми условиями для признания объема знаний как научного в современном понимании, на практике учёные требуют большего. Существует третье условие, служащее скорее удобству и даже предубеждённости, чем логике. Это – требование, чтобы интерпретирующая теория согласовывалась с уже установленными или признанными научными воззрениями, если нельзя доказать, что это третье условие не может быть удовлетворено без нарушения первого или второго. Долгое сопротивление принятию эйнштейновской динамики было вызвано тем фактом, что теория относительности нарушала третье условие, хотя соответствовала первым двум. Лишь с неохотой научное сообщество было вынуждено оставить классическую механику Ньютона. Многие годы последняя любовно латалась *ad hoc* гипотезами, и научное сообщество, совсем как консервативный фермер, привязанный к развалившемуся фургону, старой лошадке и

прогнившей сбреу и ненавидящий современный автомобиль, доставшийся ему даром, отказывалось иметь дело с новой теорией, хотя та удовлетворяла первому условию с необычайной красотой. И только когда теория относительности успешно прошла испытание вторым условием, а ньютоновские положения, обремененные заплатами, окончательно утратили свою логическую связность в области электродинамики, первая была волей-неволей принята. Данный эпизод из истории науки попросту иллюстрирует тот факт, что третье условие является всего лишь произвольным в логическом смысле. Однако следует признать, что это условие имеет своё практическое и психологическое оправдание. Оно является неотъемлемой частью консервативного духа, сущность которого некто выразил в следующей афористической форме: «До тех пор, пока нет *необходимости* меняться, есть необходимость *не* меняться». Слишком быстрые перемены без должного приспособления и усвоения не лишены своей опасности.

Опасность изменения – это опасность для слишком человеческой природы учёного, а не для самой науки. Третье условие существует для защиты учёного, поскольку он является человеческим существом, и совершенно неуместно, когда дело касается собственно науки. Я разговаривал с научно ориентированными умами и развивал концепции, подразумевающие или явно выражающие реальность трансцендентного, против которых у них не было логических возражений, но затем они прикрывались спасительным третьим условием, воображая, что такое их положение будет безопасным. Не стоит пугать боязливых детей слишком сильно, и пока третье условие используется в качестве защиты для хрупкой человеческой природы учёного, с ним следует считаться. Однако это третье условие не является частью науки как таковой и не должно использоваться для отрицания *истины* любой интерпретирующей теории.

Сегодня в широкой сфере биопсихологических наук, включающей всего человека, насколько тот является объектом науки, а также в большей части философии, преимущественный упор делается на Дарвина. Значение дарвинизма двояко: меньший аспект его безвреден и вполне разумен, однако больший его аспект суть зловредная сила – возможно даже зловреднейшая – серьёзно угрожающая высшему благу человеческой души.

В более узком смысле Дарвин сделал существенный научный вклад. Посредством фактов, наблюдаемых Дарвиным, понятие органической эволюции прочно вошло в фокус нашего сознания. До этих пор вклад Дарвина позитивен и, я полагаю, перманентен. Но в более широком смысле дарвинизм означает нечто большее. Эволюционный процесс рассматривается им как слепая механическая сила, стоящая у истоков жизни и ответственная за всякое развитие, включая человека, даже наиболее культурного. Факты могут требовать, и, я полагаю, действительно требуют некой концепции эволюции для своего объяснения. Но существуют и другие концепции относительно природы эволюции, радикально отличающиеся от идеи Дарвина, объясняющие факты или могущие быть приспособленными для такого объяснения. Эволюция может пониматься как техника разумного процесса и может широко рассматриваться как следствие инволюционного процесса. Эволюция при таком понимании не входит в дарвинизм в его негативном аспекте.

Первые два условия научного метода не обязывают слепой и механический взгляд на эволюцию быть научно обоснованной интерпретацией. Ориентация части учёных на этот радикально антитрансцендентальный взгляд является просто уступкой искусственному третьему условию. Однако следует признать, что механическая интерпретация имеет определённые выгоды. Тому, кто не любит тайн, может показаться, что здесь мы имеем ключ к пониманию жизни во всех её проявлениях – прямому и объективному пониманию. В результате чувства и интеллект становятся всем необходимым для покорения жизни. Но в этом много иллюзии. Ибо когда биолог приходит за разъяснением своих жизненных феноменов к химику, химик оказывает ему холодный прием, заявляя, что он не находит химические феномены, способные

удовлетворить нужды биолога. Когда же тот обращается к *самой* основной физической науке, т.е. к физике, обнаруживается, что ещё с 1896 года физика с головой ушла в мистицизм, и тогда материалист-биолог остаётся без какой-либо фундаментальной поддержки своей теории.

Представление, что в чисто натуралистическом смысле живому организму свойственно восходить по шкале, бесспорно, является научно обоснованным фактом. Мы действительно обнаруживаем огромное разнообразие уровней в иерархии живых существ, начиная от минерала или близкого к минералу и заканчивая Буддой, однако наукой ещё не доказано, что подобное разнообразие уровней не может быть следствием периодического или постоянного истечения энергии из трансцендентальных начал. Если причина восхождения по шкале трансцендентальная, тогда она не *натуралистическая*.² Помимо этого соображения – которое пока я буду считать чисто умозрительным – существует и веское позитивное доказательство того, что в чисто натуралистическом смысле всякая функция в природе стремится к угасанию. Физики говорят нам, что во всех своих наблюдениях от лаборатории и до астрофизики они не находят исключения из второго закона термодинамики. Выражаясь простым языком, этот закон утверждает, что всякая энергия стремится «течь с горы», т.е. из центров высокой концентрации в области низкой концентрации, как от звёзд в глубины пространства. И далее, энергия способна совершать работу только когда находится в состоянии подобного течения, и утрачивается на последней стадии рассеивания. Всё это попросту означает, что чисто натуралистическая тенденция направлена к деградации.

Разве мы не в праве рассматривать жизнь как своего рода энергию? Не будет ли подобный взгляд последовательным приложением третьего условия, поскольку он является продолжением уже признанных научных взглядов? Но если рассматривать природную жизнь как энергию, то не будет ли тогда правильным считать, что эта энергия не составляет исключения из общего закона, находящего повсеместное подтверждение в наблюдениях физиков? Если ответ на эти три вопроса утвердительный, тогда нам следует считать природную жизнь, взятую в изоляции от какого-либо трансцендентального источника энергии, стремящейся к деградации. Последствия такого альтернативного взгляда далекоидущие. К примеру, этнолог уже не будет оправдан, считая культуру так называемых примитивных людей многие объясняющими зачатками высшей культуры, поскольку подобная примитивная культура окажется на деле деградировавшей культурой, а значит не истоком, а концом процесса деградации. Мы уже не найдем оправдания, считая нечто подобное вуду примитивной формой религиозного сознания или семенем, из которого, в конечном итоге, расцветает высшее религиозное сознание, но увидим в этой форме религиозной практики деградировавшее состояние религии – то, чем становится религия в руках расы, идущей к своему угасанию. В качестве другого примера мы обнаружим, что редуктивный подход в аналитической психологии полностью утратил всякий смысл.³

Далее в этой книге у меня ещё будет возможность более широко развить линию аргументации, намеченную выше, в связи с наиболее распространенной психологической интерпретацией мистических состояний сознания. Ибо создаётся впечатление, что та недооценка, которую можно наблюдать в подобных интерпретациях, во многом является следствием предосудительной позиции, происходящей от приверженности враждебному аспекту дарвинизма. Пока что я намерен ограничиться лишь общим рассмотрением соотношения идей.

* * *

Следующая глава призвана заложить основу знания, на которой, главным образом, будет строиться дальнейшая интерпретация. Это, по большей части, описательно-повествовательное изложение следует понимать как имеющее то же методологическое значение, что и лабораторная запись при создании научной теоретической интерпретации.

Но здесь непосредственно данный материал – не того объективного сорта, который изучается в научной лаборатории. Он является тем, что обнаруживается преимущественно сознательным проникновением в субъективную сферу сознания. В данном случае то, что соответствует грубому материалу научной теории, суть качества и состояния, обнаруживаемые погружением в «я», а не наблюдением «не-я». Референтная основа для интерпретации подобного рода достаточно необычна, если весь объективный материал научных теорий можно назвать обычным в том смысле, что последний, в принципе, доступен для так называемого пятичувственного сознания. Лишь немногие человеческие существа установили сознательный контакт с обсуждаемой зоной, но такие всё-таки есть, и они понимают друг друга при встрече. Данный факт крайне важен, поскольку говорит о том, что субъективное царство не является чем-то абсолютно уникальным в человеке, не имеющим ничего общего с другими. Безусловно, существуют незначительные особенности субъективной зоны, которые уникальны, точно так же, как один человек отличается от другого, и один тип людей не похож на другой. Но эти отличия становятся всё меньше с глубиной проникновения, тогда как постепенно растёт согласованность инсайта, которая в конце стремится стать абсолютной. В самом центре стоит Просветление, которое, по сути, идентично для всех людей. Я должен оставить данное утверждение в догматической форме, поскольку его нельзя ни доказать, ни опровергнуть объективным способом.

Первоначальная и наиболее поверхностная стадия субъективного проникновения является, бесспорно, сугубо личной, ибо нельзя начать ниоткуда, кроме как с себя – конкретного индивидуального существа в определённой точке пространства и времени. Первая опасность на Пути – это опасность быть захваченным этой исключительно личной субъективностью на неопределённый период времени. И тот, кто увяз в этой точке, вряд ли сделает первый шаг по лестнице. Подлинное проникновение лежит за пределами личного «я». Вырываясь за пределы личной стадии, это «я» быстро вырастает в безличность, пока не обретает качество Универсального Принципа. Таким образом, внутренняя основа является общей для всех точно так же, как объективное содержание сознания является общим для всех людей. Подобно эмпирическим учёным, которые, в общем, понимают образ мысли друг друга, те, кто в определённой степени знаком с безличным «я», понимают специфический язык друг друга, по крайней мере, в его основах. Конечно, здесь есть разногласия, как есть различия в научной специализации, ограничивающие полноту взаимопонимания. В целом, специалист по субатомарной физике не может изъясняться на специфическом языке специалиста по биологии, но что касается общих детерминантов эмпирической науки как таковой, между ними существует взаимопонимание. Здесь определённо можно провести аналогию с мистиками. И данный факт является подлинной причиной смущения со стороны не мистически настроенного исследователя мистических состояний сознания. Существует согласие, а расхождения несущественны для того, кто обладает Видением, однако они безнадёжно запутывают непосвященного.

В отчёте, приведенном в следующей главе, часть материала, несомненно, является уникальным в том, что касается индивидуальности. В этом отношении есть определённые отличия от других отчётов, которые можно встретить в литературе. Но очень скоро содержание приобретает всё более универсальный характер. Подтверждения тому можно также найти, обратившись к соответствующей литературе. Именно это более универсальное содержание составляет основу для дальнейшей интерпретации. Основа эта, действительно, является общей для всех людей, но обычно она затеряна в Бессознательном и ждёт, всегда готовая открыться Свету Сознания, пролитому на Самоё Себя, на Свой Источник.

¹ «Критика чистого разума» Иммануила Канта – самый значимый труд во всей западной философской литературе.

² «Натурализм» здесь призван обозначить теорию, по которой чувственно наблюдаемая природа является всей реальностью.

³ В аналитической психологии подход, объясняющий возникновение комплексов, проистекающих из бессознательного, причинными факторами, лежащими в сознательном прошлом, называется «редуктивным». Ему противоположен «конструктивный» подход, наделяющий подобные комплексы символическим значением или же значением, могущим проявиться в будущем. См. «Определения», глава 9 юнговских «Психологических типов».

Глава 2. Мистическое раскрытие¹

Ещё будучи аспирантом на кафедре философии Гарвардского университета в 1912-13 годах, я окончательно убедился в возможном существовании трансцендентальной фазы сознания, которую нельзя ограничить рамками наших обычных форм знания. Несколько факторов повлияли на формирование такой убеждённости. Во-первых, существенная доля западной философии, начиная от греков и до наших дней, казалось, подразумевала своего рода проникновение в Реальность, которое не сводилось к наблюдению и не выводилось из непосредственного опыта путём логической дедукции, каким бы тонким ни был ход рассуждения. В то же время, то чувство уверенности, которое несёт в себе истина, постигнутое мною в моих занятиях чистой математикой, не находило своего удовлетворительного объяснения ни в одной из тех философских интерпретаций, которые стремятся показать, что математика рождается из фактов внешнего мира путём простого абстрагирования. На протяжении всех моих занятий меня не покидало ощущение, что у истоков математики находится какая-то тайна, лежащая гораздо глубже всего того, что доступно чувствам. Помимо этого, в течение примерно трех лет я имел определённый контакт с буддийской, ведантической и теософской фазами восточной мысли, и во всех них особенно поражала явственность некоего трансцендентального сознания. С другой стороны, как своего рода доказательство от противного, различные философии, отказывающиеся признавать всякую трансцендентальную или мистическую реальность, производили эффект бесплодности, делающий их далеко не удовлетворительными. Тем временем, под поверхностью моего сознания теплилась смутная вера в то, что действительно адекватное объяснение реальности должно удовлетворить всё и вся, а значит не быть бесплодным. Но диалектические и полемические процессы различных западных школ мысли были не в состоянии привести к всесторонне удовлетворительному решению, которое, уделяя должное внимание нуждам опыта и разума, в то же время удовлетворяло бы потребность в уверенности и глубине. Однако свидетельства истории делали очевидным то, что, по крайней мере, некоторым из людей удалось достичь этой уверенности, которая была и разумной, и глубокой. Поэтому мне представлялось вполне вероятным, что должна существовать разновидность сознания или знания, ещё не постигнутая эпистемологией и психологией в их развитии на Западе.

В то время у меня не было ясного представления о том, каким должно быть это знание, или каковы способы его достижения. Я имел небольшое знакомство с восточными руководствами по трансформации и осознал, что они указывают на такой тип сознания, который, хотя и не активен у большинства людей, всё же потенциально достижим любым человеком. Сначала я пытался интерпретировать материал, содержащийся в данных руководствах, в концептуальных формах западной мысли, но всегда терпел неудачу в подобных попытках. Вскоре я уже знал достаточно, чтобы понять, что в этих руководствах сокрыто нечто, поскольку заметил определённые тонкие аффективные изменения, которые они производили во мне, а также возникало ощущение чего-то близкого, что всё же ускользало от моего понимания. Так я начал убеждаться в чём-то скрытом, с чем эти руководства были связаны, ибо никак иначе нельзя было объяснить то, что поначалу они делали меня рассеянным и беспокойным. Желание умственного покоя иногда заставляло меня отречься от них, но затем я осознавал, что подобная позиция является произвольной и искусственной, а значит отказом от честного поиска реальности, какой бы она ни была, и это вновь вынуждало меня возвращаться к этим будоражающим руководствам.

Вскоре стало очевидно, что для успешного завершения поиска в данном направлении я должен оставить всё, что связывало меня с академическими кругами Запада. Руководства требовали посвящения всей жизни или полной самоотдачи, а подобные требования несовместимы с позицией опытного *пробования*, когда часть человека стоит в стороне, оставаясь как бы про запас. Снова и снова я наталкивался на

положение, что ради достижения трансцендентного человек должен отринуть всю свою личность целиком, а не только какую-то её часть. Для меня такой шаг не был лёгким. Годами я сопротивлялся, посвящая часть себя, но при этом удерживая определённый резерв. За всё это время я достиг лишь жалких и неутешительных результатов и часто сожалел о предпринятом. Но вскоре я понял, что зашёл уже слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Я уже знал достаточно, чтобы навсегда утратить прежние интересы, но ещё не достаточно, чтобы обрести покой и удовлетворение. Несколько лет я пребывал в состоянии подобной нерешительности без какого-нибудь видимого прогресса. Но время шло, мирские желания постепенно исчерпывались, уступая место твердой решимости отказаться от всего, что ещё удерживалось, и тем самым завершить эксперимент.

С годами у меня сложилось лучшее представление о цели и о причинах, лежащих в основе требований руководств. Всё это позволило прилагать больше усилий, так что я начал экспериментировать более свободно с различными трансформационными техниками, попадавшими мне на глаза. Все они, или почти все, были восточного происхождения, и в большинстве случаев я разочаровывался в их эффективности. Но впоследствии я понял, что существует несколько техник, и что они призваны удовлетворить нужды различных темпераментов и психических организаций. Со временем стало понятно, что есть существенные различия в темпераменте и психике между представителями Востока и Запада, и что данный факт требует модификации методов. Поэтому я начал искать неизменные элементы в различных техниках, пытаюсь проникнуть в их суть. В конце концов, я повстречал одного восточного мудреца, мышление и темперамент которого были мне особенно симпатичны. Этим мудрецом был ведантический философ, известный как Шанкара. Я обнаружил, что целиком согласен с наиболее фундаментальными фазами его мысли и вполне готов применить его высокоинтеллектуальную технику. Именно в трудах этого мудреца я, наконец, нашёл те средства, которые оказались эффективными в осуществлении искомой мной трансформации.

В то время я встречался с различными людьми и группами, предлагавшими и оказывавшими помощь на пути, которым я следовал, и, должен признать, все они дали мне нечто полезное, способствующее прояснению моего понимания. Но никто из них не предложил методов, которые оказались бы эффективными для меня. Почти все они делали упор на чувственной трансформации и не могли удовлетворить интеллектуальные запросы, которые всегда были сильны во мне. Из всех тех Учителей, которых я встречал, будь то вживе или посредством письменного слова, один лишь Шанкара полностью удовлетворил интеллектуальную сторону моей натуры. И хотя я многим обязан тем, кого знал так или иначе, всё же за Шанкарой остаётся решающее слово.

Но даже у Шанкары я не нашёл всех деталей метода, ставшего окончательно эффективным. Мне самому пришлось разработать определённые приспособления, удовлетворяющие потребности западного человека с академическим образованием. Ни одно из этих приспособлений не подрывает основы учения Шанкары. Но добавленное мною в своего рода творческом поиске оказалось решающим по своему воздействию. В настоящее время я убеждён, что подобного рода творческие открытия жизненно необходимы для вызова самопроизвольной трансформации.

За период, непосредственно предшествующий часу успешного завершения поиска, длившегося примерно четверть века, некоторые характерные особенности трансцендентного сознания теоретически прояснились. Я интеллектуально осознал тот жизненно важный факт, что трансцендентное сознание отличается от нашего обычного сознания в первую очередь тем, что это – состояние сознания, в котором различие между субъектом сознания и объектом сознания исчезает. Это – состояние, в котором самотождественность и сфера сознания слиты воедино. Это является главной характеристикой, по которой всякое обычное сознание можно отличить от

трансцендентного. Первое целиком принадлежит тому типу, который можно назвать субъектно-объектным или относительным сознанием.

Вторым фактом первостепенной значимости, как я теперь понимаю, было то, что как бы общим знаменателем обеих разновидностей сознания является субъект или самость. Данный факт в значительной степени тождествен фундаментальному открытию Декарта, то есть когда всё подвергается критическому исследованию, всё же невозможно сомневаться в своём собственном бытии, как бы мало мы ни понимали природу этого бытия. Я также обнаружил сущностную вневременность субъекта или самости, и что в чистом виде, не смешиваясь ни с каким объективным элементом, он никогда не может быть *объектом* сознания. Я с лёгкостью осознал, что если чистая субъективность или собственно способность осознавать является перманентным или неизменным элементом, а значит, как следствие, должна стоять в стороне от времени и не затрагиваться никаким ходом событий, то она, неизбежно, является бессмертной. Я понимал, что подобного рода бессмертие целиком безлично и само по себе не означает неограниченное постоянство свойств личности, отличающих одного человека от другого. Однако обретение одного бессмертного элемента даёт утешение и уверенность гораздо более высокого порядка, чем любого рода вера. Достигнув этой точки в развитии своего понимания, я действительно приобрел нечто важное, что спустя несколько лет оказалось ключом, открывшим Дверь к трансцендентному уровню сознания.

Хотя помимо только что изложенных принципов или фактов существует множество иных положений касательно трансцендентного, которые можно встретить в литературе, всё же, на мой взгляд, осознание именно этих абсолютно необходимо для подготовки понимания к Трансцендентальному Пробуждению. Эти принципы или факты носят явно интеллектуальный характер и могут быть оценены вполне независимо от какой-либо аффективной трансформации, могущей сопровождать возникновение трансцендентальной апперцепции. На самом деле, вполне вероятно, что достаточно сосредоточенная медитация на внутреннем значении этих принципов может стать эффективным средством осуществления трансформации без каких-либо дополнительных факторов. Однако они не были единственными факторами, задействованными в моем опыте, хотя и занимали лидирующую позицию.

Наряду с осуществлением предварительной интеллектуальной подготовки, некоторые важные трансформации развивались в аффективной и конативной* сторонах моей натуры. Ещё на раннем этапе я обнаружил, что руководства настаивают на необходимости искоренения желания. Это было нелегко понять, но гораздо труднее исполнить. Желание и чувственная жизнь неразделимы, поэтому данное требование звучало как призыв к самоуничтожению. Только спустя какое-то время я осознал, что подлинный смысл этого требования заключается в изменении поляризации желания. Обычно, желание направлено на объекты и объективные достижения, в некотором роде. Необходимо придать этому желанию иную поляризацию так, чтобы вместо объектов и достижений в мире желанным стало вечное и всеобъемлющее сознание. Такое понимание прояснило смысл требования и сделало его интеллектуально приемлемым, хотя сразу же не вызвало необходимую переполаризацию. На её осуществление должно было быть затрачено время. С годами внешняя поляризация желания становилась слабее, а за несколько месяцев до радикального перехода в сознании действительно превратилась в отвращение практически ко всему мирскому. Казалось, что всё в мире лишено всякого смысла. Хотя ещё оставались огромные количества объективной мирской информации, которая была мне неведома, и которой я мог бы овладеть, и было много того, чего я никогда не испытывал, всё же я понимал, что всё это лишено глубины и представляет интерес не более чем игра в триктрак Дэвида Юма. Если бы не компенсирующая поляризации желания в противоположном направлении, то вполне вероятно, что на

* Волевой (прим. пер.).

данной стадии моё состояние сознания приобрело бы ярко выраженный пессимистический и депрессивный оттенок, но поскольку в то же время наблюдался сильный рост желания трансцендентного сознания, психическая энергия могла находить выход. Однако была критическая точка, когда меняющаяся поляризация достигла своего рода нейтрального положения.² В этой точке не было никакого явного намерения следовать куда-либо, и вся сфера интересов поблекла. Оглядываясь назад на весь свой опыт, я могу сказать, что эта стадия была единственной, угрожавшей реальной опасностью. Я посчитал необходимым компенсировать нейтральное состояние желание волевой решимостью и таким образом продолжать двигаться в избранном направлении, невзирая на отсутствие намерения.³ Но по прошествии критической точки внутренняя поляризация желания стала быстро развиваться, и вскоре спонтанное намерение сделало волевою решимостью ненужной.

Помимо препятствия, образованного желанием, направленным на внешние объекты, руководства указывают на очень существенное и тесно связанное с ним препятствие. Это – эгоизм. Сильная любовь и привязанность к эгоистической дифференциации являются непреодолимым барьером для такого рода сознания, которое не дискретно и ограничено эго, а непрерывно, свободно и безлично. Поэтому некая критическая степень ослабления или растворения эгоистической кристаллизации должна быть достигнута, чтобы трансформация сознания была успешной. Для меня не составляло труда постичь логику данного требования, но опять же, как и в случае с внешне поляризованным желанием, трудным оказалось на деле растворить эгоистическое чувство. Обычной техникой здесь является практика прикладного альтруизма, пока озабоченность самим собой не отойдёт на второй план. Но это – не единственное средство достижения подобного результата. Желание трансцендентной Самости и любовь к универсалиям также способствуют требуемому растворению эгоизма. В данной части дисциплины я обнаружил, что моя уже устоявшаяся любовь к математике и философии оказала неоценимую поддержку, что наряду с более ощутимыми средствами, в конечном итоге, привело к необходимой степени растворения.

В моём случае предварительная интеллектуальная подготовка заняла гораздо меньше времени и усилий, чем соответствующая аффективная и конативная переориентация. Что касается последней, то на неё потребовалось время. Бесспорно, если бы чувства и воля с большей готовностью отзывались на призыв понимания, трансформация сознания была бы достигнута в гораздо меньшие сроки. Но так уж устроена человеческая природа, что данная трудная фаза требует терпения и взросления, которое даётся лишь с естественным ходом времени.

Предшествуя часу радикального перехода в сознании, произошли два предварительных осознания, имеющие принципиальное значение. Первое случилось примерно за четырнадцать лет, а второе – лишь за девять месяцев до кульминационной стадии. Первое иллюстрирует важное различие между теоретическим признанием факта или принципа и своего рода подгонкой к тому или постижением того, что я назвал «Осознанием». В течение нескольких лет я был знаком с индийской концепцией Атмана и понимал, что она означает духовную «Самость» человека, постигаемую как неизменный центр сознания, на котором основывается всякое знание или сознание в относительном смысле. Я не находил никакой логической или эмпирической трудности в связи с этой концепцией и признавал её правильной. Я вполне понимал, как само собой разумеющееся, что поскольку я – это «Самость», то суждение «Я есть Атман» практически является тавтологией. Для меня никакая другая идея не могла обладать большей философской ясностью. Но однажды, когда мой друг описывал метод системного отличия «Самости» от «не-Самости», заканчивающийся суждением «Я есть Атман», я постиг в этом глубочайшую истину, имеющую колоссальное значение. С этим пришло чувство нового видения и радости. Это произвело перемену во мне, какую теоретическое признание и оценка не могли вызвать.

При анализе различия между осознанием и теоретическим признанием без осознания становится очевидным, что в последнем случае имеется качество, которое можно назвать посреднической дистанцией, тогда как в случае осознания существует близость непосредственности. Добавляется нечто нелогическое, однако, будучи нелогическим, оно не является алогическим. Частичным эффектом этого было увеличение ясности при оценке логических построений, которые последовали. Спонтанно и с интеллектуальной лёгкостью я начал приходить к выводам, которые были практически идентичны многим фундаментальным положениям Бхагавад-Гиты. Но теперь эти мысли были моими мыслями в смысле их близости и сокровенности, тогда как прежде они были просто идеями, с которыми я соприкасался в процессе чтения, часто не испытывая к ним особой симпатии. На огромной территории сознания теперь я ощущал уверенность, тогда как раньше я просто доверял или признавал исходя из теоретических соображений. Идеи, которые прежде смущали меня, теперь, определённо, обладали радостным и освобождающим свойством. И это была только мгновенная вспышка инсайта, вызвавшая такую радикальную перемену! Эффект сохранялся и с тех пор никогда не терялся, хотя свежесть инсайта постепенно поблекла и стала «обычным делом» в подоплёке моих мыслей и оценок. Многие, что прежде казалось мне непонятным в определённом классе восточного мышления, теперь понималось мной со значительно возросшей ясностью.⁴

В связи с вышеописанным осознанием мне представляется очевидным, что предшествующее теоретическое признание готовит почву ума, так сказать, для последующего постижения. Хотя есть нечто добавочное в постижении, если сравнивать с теоретическим признанием, это «нечто» не имеет природу концептов или же дополнительного опыта в смысле перцепции. Оно скорее принадлежит какому-то иному измерению сознания, не содержащемуся ни в концептах, ни в перцептах, но оказывающему радикальное воздействие на смысл. Оно может направить ход мысли к новому открытию, но само не обнаруживается в последующем анализе этого хода мысли. Формальные отношения конечного выражения мысли могут быть вполне ясными и доступными для человека с развитым интеллектом, но лишённого инсайта, и они вполне могут быть подвергнуты критике. Однако инсайт делает возможным многое, что неподвластно развитому интеллекту, лишённому инсайта. Он способен проторить путь к радикальному когнитивному открытию и облечь его в форму для брэнного мира, который со временем пожнёт его плоды, большие или малые. Но тот, кто слеп к этому измерению сознания, которое я назвал «Смыслом», увидит лишь форму, пустое очертание на поверхности. Тот же, кто пробуждён к Смыслу, в то же время распознает глубину за очертанием. Но и тот, кто не пробуждён, может, сосредоточившись на очертании посредством метода, издревле известного как медитация, обнаружить измерение смысла развёртывающимся в своём сознании. Это и есть то добавочное, то «нечто», которое превосходит концепт со всеми его мыслимыми рамификациями, то, что составляет соль этого мира.

Второе предварительное осознание имело заметно иную подоплёку, поскольку нашло выражение в суждении, к которому я не был заранее подготовлен предшествующим теоретическим признанием. Я медитировал над концепцией Нирваны, когда внезапно меня осенило, что я, в самом глубоком смысле, и есть Нирвана. Мои прежние представления на этот счёт несли в себе заблуждение, которое, хотя логический анализ должен был его рассеять, всё же упорствовало. Несмотря на противоположные утверждения, которые были мне известны, я продолжал думать о Нирване как о своего рода ином мире, состоящем в диспаратных отношениях с этим миром относительного сознания. Конечно же, я должен был обнаружить скрытую в таком подходе ошибку, ибо подобная интерпретация помещает Нирвану в относительное множество. Но, возможно, в силу интеллектуальной лености, я не довёл свою мысль до конца. В результате это осознание принесло мне новое когнитивное открытие наряду с углублением и просветлением в измерении смысла. Я легко осознал причину, по которой столь малое

можно сказать, и, в действительности, столь малое сказано, относительно Нирваны, помимо утверждения о её реальности. Внутренняя суть «я», как и Нирвана, не является объективной сущностью, а, скорее, той «нитью», на которую нанизан объективный материал сознания. Относительное сознание имеет дело с объективным материалом, но никогда не обнаруживает «нить» в качестве объекта. Однако именно эта «нить» делает всё остальное возможным. На самом деле, она суть самая непосредственная и неизменная реальность из всех. Нирвана, как и «я», не может располагаться где-либо, в определённом месте, ибо она везде и нигде как в пространстве, так и во времени. На эту «нить» пространство и время нанизаны как и всякий другой перцептуальный опыт, равно как и всякая мысль и любой другой тип относительного сознания, который только может быть.

Это второе осознание имело следствия, которые действительно проявились для меня на более глубокой стадии постижения примерно десять месяцев спустя. Очевидно, достаточно прозорливая мысль могла бы прийти к этим выводам и раньше, но со мной этого не случилось. В любом случае, теперь я понимаю, что это второе осознание содержало семя инсайта, проясняющего буддийскую доктрину анатмана, которая, в свою очередь, является важной составляющей центрального звена этой философии, равно как и её наиболее туманной доктриной.⁵ Но я вернусь к этому моменту позже, когда почва для его обсуждения будет должным образом подготовлена.

В последние два или три года перед кульминационным переходом в сознании я ощущал спад своей интеллектуальной способности. Смысл философской и математической литературы, который прежде был доступен моему бодрствующему сознанию, становился неясным. Попытки понять многое из того, что раньше давалось мне с лёгкостью, попросту нагоняли дремоту. Тогда это причиняло мне существенное беспокойство, и я опасался, не является ли это признаком преждевременного интеллектуального старения. Но это оказалось переходной фазой, ибо незадолго до кульминационной точки интеллектуальная живость вернулась, а после прохождения этой точки стала такой, какой не была никогда ранее. Осознание, помимо прочих эффектов, имеет свойство интеллектуального омоложения. Я упоминаю об этом, поскольку это может иметь значение. При ретроспективном наблюдении создается впечатление, что происходил отток личной энергии из интеллектуальной сферы на некий уровень, который сознательно не прослеживался. Пока что я не нашёл никаких свидетельств об аналогичном опыте у других при приближении мистического кризиса. Но может оказаться, что я не зря обращаю внимание на данное обстоятельство.⁶

В последние несколько недель, непосредственно предшествующих трансформации, во мне нарастало сильное ожидание и своего рода внутреннее возбуждение. Внутри себя я ощущал необъяснимую уверенность в том, что, наконец-то, окончательный успех долгих поисков приближается. Я чувствовал, что близок к открытию средств, с помощью которых смогу разрушить, казалось, непреодолимые стены, окружавшие меня. Я читал и медитировал над философскими трудами Шанкары более интенсивно, чем когда-либо прежде, и знал, что именно в них обретается жизненный ключ. В то же время, я испытывал сильную потребность в уединении. Вскоре подвернулась возможность удовлетворить эту потребность, и, прихватив с собою томик трудов Шанкары, я на несколько дней отправился в дикое и уединенное место.⁷ Изучение и мышление этого периода оказались решающими по своей эффективности. В результате идея кардинальной важности родилась в моём уме. На этот раз, как и в случае первого предварительного осознания, эта идея не была для меня чем-то новым. Она существует в литературе, и я сталкивался с ней при чтении, но тогда она пришла с такой силой нового открытия в матрице уверенности и с таким аффективным качеством, что я могу выразить её не иначе как, сказав, что это был «Свет». И хотя момент этого открытия ещё не был кульминационным осознанием, у меня есть основание полагать, что это была критическая или поворотная точка, сделавшая окончательное осознание возможным. Она коренным образом изменила основу мыслей и оценок в направлении, подтверждённом

последующим постижением. В силу той важной роли, которую сыграла эта идея, её краткое освещение представляется необходимым.

Обычной и, на первый взгляд, вполне естественной привычкой для нас является считать материал, данный чувствами, чем-то существенным. Наши наука и философия могут и не давать подобной интерпретации данного материала, но мы всё равно обычно верим, что это так. Поэтому большая часть человеческих поисков Реальности приходится на сферу вещей, данных нашему сознанию чувствами. Но когда я размышлял над идеей, что эта вселенная вещей происходит и зависит от изначальной среды, меня внезапно осенило, что в изначальной и абсолютной полноте не может быть ничего, что возбуждало бы дискретное или конкретное сознание. Известным фактом психологии является то, что продолжительное или неизменное состояние или свойство стремится стать бессознательным. Так, будучи здоровым, человек лишь слегка осознает своё тело в его органическом функционировании. Но стоит случиться болезни или травме, как человек сразу же начинает осознавать свой организм как никогда ранее. Аналогично, когда продолжительный период физической боли заканчивается, наступает конкретное осознание собственного благополучия, какого не было до боли. В подобных случаях простое отсутствие боли имеет качество активной радости, хотя то же самое физическое состояние не имело подобного качества прежде. Через боль радостное сознание здоровья открывается постижению. Итак, применяя этот принцип в онтологическом смысле, получим, что Сознание изначальной Полноты может возникнуть единственно после прохождения через опыт «отсутствия» или «пустоты», в некоторой степени. Таким образом, активное, конкретное, перцептуальное сознание можно рассматривать как возникновение специфической осведомлённости посредством частичного помутнения абсолютного и совершенно сбалансированного сознания Изначального Состояния. В результате мир вещей, данный нам в видимости через чувства, в действительности является сферой относительной пустоты. Мы начинаем конкретно осознавать, только когда воспринимаем пустоты. В этом нет ничего, что обесценивало бы позитивные открытия естественной науки. Наука изучает прямые или опосредованные детерминации чувств и определяет отношения, связывающие различные части, что делает возможным формулирование законов. Вопрос, имеют ли термины или факты науки субстанциальную основу, и, если да, то какова её природа, – это метафизический вопрос, совершенно выходящий за рамки методологии естественной науки. Научная философия проявляет подлинную критическую прозорливость, опуская понятие «субстанция» применительно к нашей разновидности науки. Она утверждает, на мой взгляд, справедливо, что наука занята терминами в различных отношениях и ничем больше. Когда же она идёт дальше, заявляя по случаю или в целом, что научное знание – это единственная разновидность подлинного знания, доступная для человека или вообще доступная, она повторяет ту же ошибку, в которой обвиняет некоторые другие философии, а именно «утверждает по определению».

Итак, если именно относительная пустота побуждает к активности конкретное сознание, следовательно, действительная субстанциальность обратно пропорциональна осязаемости или вещественности. Больше субстанции там, где для чувств её меньше, и наоборот. Таким образом, термины в отношениях чувственного мира должны рассматриваться как относительные пустоты в невидимой субстанциальной матрице. Отсюда сразу же вытекает очень важное положение. Дискретная множественность и видимый плюрализм чувственно данных вещей вполне сопоставимы с непрерывной и унитарной субстанциальной матрицей. Монистическая тенденция интерпретаций, основанных на мистическом инсайте, сразу же становится понятной, и здесь достигается примирение одного со множеством.⁸

В настоящее время я не намерен пускаться в адекватное философское обоснование данной интерпретации, а просто представляю идею, имевшую для меня решающее психологическое значение в устранении препятствий на пути к мистическому

осуществлению. По крайней мере, для меня ценность этой идеи была и продолжает оставаться очевидной.

Эта идея, тогда осознанная мной, сделала возможной эффективную концептуальную переориентацию. Совокупность бытия была поделена на две фазы. Высшую фазу я назвал «субстанциальной» или «трансцендентальной». Она была сверхчувственная и монистическая и служила основой для низшей фазы. Последней же был, по контрасту, чувственный и феноменальный мир, существующий исключительно в полной зависимости от сверхчувственного и субстанциального. В нём наличествовали бесконечное разнообразие и разделённость.

Теперь оставалось только устранить последние препятствия на пути к полному отождествлению себя со сверхчувственным и субстанциальным миром, сопровождаемому тщательным саморастождествлением с феноменальным миром. Но на осуществление этого ушло несколько дней. Тем временем я возвратился из физического затворничества к насущным заботам общественной жизни, хотя оставался в состоянии сильной ментальной отрешенности и продолжающихся раздумий. Наконец, седьмого августа 1936 года, закончив чтение труда Шанкары «Освобождение», приведённого в «Системе Веданты» Пауля Дейсена, я погрузился в медитативные размышления над прочитанным материалом.⁹ Следуя за ходом мысли, я внезапно осознал, что общей ошибкой в медитации – той, которую допускал и я, – является поиск тонкого объекта или опыта. Но объект или опыт, какой бы тонкий он ни был, остаётся феноменальной, связанной временем сущностью, а значит иным, нежели сверхчувственная субстанциальность. Таким образом, сознание, которое нужно искать, – это состояние чистой субъективности без объекта. Это соображение прояснило для меня, почему руководства с неизменным упорством настаивают на прекращении модификаций ума. Но я никогда не находил возможным полностью остановить мысль. И вот теперь до меня дошло, что успеха можно достичь просто путём отличительной изоляции субъективного полюса сознания, сместив фокус сознания на этот аспект и предоставив ментальным процессам свободно протекать в их спонтанном функционировании, но при этом оставляя их на периферии сознательного внимания. Далее, я постиг, что чистое субъективное сознание без объекта должно казаться относительному сознанию имеющим объекты. Поэтому Осознание само по себе не означает новое опытное содержание в сознании.¹⁰ Я понял, что подлинное Осознание – это просто постижение Ничто, но того Ничто, которое абсолютно субстанциально и тождественно САМОСТИ. Это был последний поворот Ключа, открывший Дверь. Я сразу же обнаружил себя тождественным Пустоте, Мраку и Молчанию, но постигал их как абсолютные, хотя и неопределимые Полноту, в смысле Субстанциальности, Свет, в смысле Ясности, и Звук, в смысле чистого, бесформенного Смысла и Значения. Углубление сознания, которое сразу же последовало, просто непостижимо и совершенно не поддается адекватному описанию. Чтобы передать Качество этого трансцендентного состояния сознания требуются концепции самого глубокого смысла и способы выражения, на которые способно лишь самое возвышенное искусство.¹¹ Однако результат всё равно окажется жалким в сравнении с самой Действительностью. Всякий язык бессилён, когда используется как инструмент для описания трансцендентного.

Существуют выводы и следствия, вытекающие из подобного инсайта, которое поддаются формулированию, и здесь человек, обладающий соответствующим умением, определённо может сделать больше, чем тот, кто мало знаком с искусством выражения. Однако непосредственные интеллектуальные и аффективные качества инсайта, хотя они и могут быть напрямую осознаны, не могут быть переданы никаким формулированием или представлением.

Чёткую разделительную грань следует провести между самим трансцендентальным состоянием сознания и его проявленными эффектами в относительном сознании. Первое – это не опыт, а Осознание или Пробуждение на

вневременном уровне сознания. Последние же суть следствия, проявленные в мире времени, а потому имеют опытное и относительное свойство. До последнего момента я был готов к тому, что личность, связанный временем человек, не разделит ни одно из этих свойств, присущих инсайту. Но очень скоро эти качества стали нисходить во внешнее сознание, что продолжается и до сих пор с той или иной периодичностью. Эти проявленные свойства имеют многое от интеллектуального и аффективного, что делает их доступными выражению.

Перечисление и описание элементов, которые были проявлены в относительном сознании на первой стадии инсайта, является следующим шагом.¹²

1. Первым осязаемым эффектом в сознании было нечто, что я могу назвать *сменой основы сознания*. С относительной точки зрения последний шаг может быть уподоблен прыжку в Ничто. Но сразу же это Ничто превратилось в абсолютную Полноту, что, в свою очередь, придало относительному миру сновидческое качество нереальности. Я знал и чувствовал, что наконец-то достиг Реального. Я не был рассеян в своего рода пространственной пустоте, а напротив расширился в Полноте вне всякой меры. Корни моего сознания, которые до того казались глубоко внедрёнными в сферу относительного сознания, были с силой вырваны и мгновенно пересажены в горнюю сферу. Ощущение подобной пересаженности продолжается и до сих пор, и оно кажется гораздо более естественным, чем прежнее состояние.

2. Тесно связана с вышеназванным *трансформация в значении Самости или «Я»*. Прежде чистая субъективность казалась мне нулем или точкой схода, тем, что имеет положение в сознании, но не имеет тела. До тех пор, пока то, что человек называет своим «я», имеет тело, оно поддается аналитическому наблюдению. Сбрасывание оболочек этого тела, пока ни одной не останется, является функцией отличительной техники в медитации. В конце остаётся то, что никак не может быть объектом, но, однако, является основанием, на которое всякое относительное сознание нанизано подобно жемчугу на нитку. В качестве символа этого предельного и неизменного субъекта всякого сознания я не могу представить ничего лучшего, чем ноль или точка исчезновения. Критической стадией в трансформации является постижение «я» как нуля. Но сразу же это «я» расширяется в неограниченную «плотность». Как будто «я» становится всем пространством. Самость – это уже не полюс или фокус, а простерта вовне, повсюду, в своего рода деполяризованном сознании, которое одновременно является и самоидентичностью, и объективным содержанием сознания. Это – несомненная трансценденция субъектно-объектных отношений. В том причина неизбежной невыразимости мистического инсайта. Любой язык основан на субъектно-объектных отношениях, и поэтому, в лучшем случае, может лишь исказить трансцендентное сознание в попытке передать его непосредственное качество.

3. Имеется чувство необычайной *глубины проникновения* с двумя фазами, едва различимыми на этой первой стадии инсайта. Первая стадия в высшей степени интеллектуальна, но сверхконцептуальна.¹³ Я осознавал мысли такой необычайной степени абстрактности и универсальности, что их интеллектуальный характер едва можно было распознать. Если бы мы рассматривали наши наиболее абстрактные концепции как конкретные тела, содержащие скрытый, но субстанциальный смысл, то эти трансцендентные мысли были бы самым смыслом без его концептуального воплощения. Это – сама суть мысли, выражение которой в объективной форме потребовало бы целых жизней, и всё равно не пришло бы к завершению. В своём относительном сознании я знал, что обдумываю такие колоссальные мысли, и чувствовал просачивание смысла от них. Любопытным образом я знал, что ЗНАЮ в космических масштабах. Однако ни один мозг не может быть столь утонченным, чтобы настроиться на великую космическую поступь этих мыслей.

Но даже за мыслями космических масштабов и бесконечной абстрактности лежали большие глубины, трансцендирующие крайние пределы интеллектуального и

аффективного. Но и в них самоидентичность оставалась нерушимой в едва различимой последовательности глубин, уходящих во всё большие бездны того, что, с одной стороны, казалось непроницаемым Мраком, но, с другой стороны, я знал, что То была сама сущность Света.

4. Я знал, что нахожусь *за пределами пространства, времени и причинности*. Как субстанциальное, пространственное и трансцендентное «Я», я знал, что поддерживаю всю феноменальную вселенную, и что время, пространство и закон – это просто самоналагаемые формы, посредством которых я могу воспринимать в относительном смысле.¹⁴ Таким образом, я не был зависим от пространственно-временного множества, а, напротив, это множество зависело от Самости, которой я тождествен.

5. Тесно связано с предыдущим постижением ощущение *полной свободы*. Я вырвался из рабства пространственно-временного множества и закона, управляющего этим множеством. Это, по большей части, – аффективное качество, однако для меня оно имеет очень существенное значение. Поиск для меня был не столько поиском блаженства, сколько стремлением удовлетворить глубокую жажду Свободы.

6. Есть ощущение *отсутствия вины*. Чувство, которое обычно называется чувством вины, греха или кармическим рабством, полностью оставило меня. Узы дискретной индивидуальности больше не существовали. Счета были закрыты, и все итоги подведены единым росчерком пера. Это сразу же пришло как аффективное качество, но я легко осознал его причину. Как индивидуальная и личная самость я был связан пространственно-временной сферой и неизбежно терпел последствия всех действий здесь, но как трансцендентальная Самость, я содержал эту сферу во всей её полноте, а не содержался в ней. Поэтому можно сказать, что все действия и их последствия содержались внутри МЕНЯ, но при этом оставляя Самость, с которой я тождествен, совершенно незатронутой.¹⁵

7. Я знал и чувствовал, что, наконец-то, нашёл *решение «неправильности»*, ощущение которой является подспудной движущей силой всякой религии и большинства философских устремлений. Под поверхностью жизни в миру кроется чувство одиночества, которое не устраняется ни объективными достижениями, ни человеческой дружбой, какой бы тесной она ни была. Религиозная и прочая литература сплошь говорит о том, что это чувство одиночества очень широко, если не повсеместно, распространено. Я склонен считать его лейтмотивом религиозного поиска. Как и остальные, я страдал от этого одиночества и понял, что порождаемое им чувство неполноценности заставляет человека принимать одну из двух альтернатив. Он может принять одиночество и отчаяться когда-либо положить ему конец, в таком случае он признает фундаментальный пессимизм неотъемлемой частью своей жизни. Но это чувство неполноценности может направить его на обнадеживающий поиск того, что решит эту проблему. Наиболее частым мистическим решением является Воссоединение с Богом, в котором обретается товарищество с трансцендентным иным. Моё собственное осознание было, скорее, слиянием в тождестве, когда самость и иное составляют одно неразрывное целое. До последнего момента трансформации я осознавал иное, в некотором смысле, которое искал, но после кульминационного момента это иное исчезло в тождестве. Следовательно, я не испытываю особой потребности в слове «Бог». Я нахожу полезным иногда использовать данный термин в буквальном смысле, поскольку он выражает определённые качества, которые я стремлюсь передать. Но его значение скорее психологическое, чем метафизическое.

Посредством Осознания я достиг состояния, в котором оставался спокойным и удовлетворённым в глубочайшем смысле. У меня лично не было необходимости искать дальше, достигать больше и выражать лучше, чтобы испытать большее наслаждение. Однако было пятно на этой удовлетворённости, выросшее из осознания боли многих миллионов живущих в мире, а также из понимания, что частное решение проблемы является лишь частью решения главной проблемы философа, который нацелен на

достижение общего решения, обладающего максимально возможной универсальностью и доступностью. Но всё это никоим образом не влияло на адекватность самого измененного состояния сознания.

8. Наблюдается заметный рост в осознании аффективных качеств *спокойствия и безмятежности*. В непосредственном присутствии трансцендентного состояния беспокоящие факторы, порождаемые мирскими обстоятельствами и силами, теряют свою эффективную потенцию. Они попросту исчезают как нечто неуместное или как нечто настолько незначительное, что попросту не обращаешь на это внимания в своём подлинном бытии. Пребывая в мистическом состоянии, нет нужды пытаться быть спокойным и безмятежным, а скорее эти качества овладевают человеком без каких-либо усилий с его стороны. В дальнейшем, когда я пребывал вне этого состояния, мне было легче оставаться спокойным и безмятежным, чем прежде, однако чем больше я выходил из состояния, тем труднее становилось поддерживать эти аффективные качества.

9. *Значение и ценность информации радикальным образом изменились*. Прежде освоение информации было для меня существенной частью поисков Реального. В трансцендентном состоянии я ощущал себя вросшим в Реальное, в смысле предельной близости, и с тех пор продолжаю испытывать это ощущение непосредственного Присутствия с той или иной силой. В настоящее время знание в смысле информации имеет значение, главным образом, как инструмент выражения или средство проявления того, что итак известно мне в самом глубоком смысле. Такое проявление полезно не только для других, но и обогащает моё собственное личное сознание. Абстрактное и сверхконцептуальное знание приобретает формальную и опытную ясность в процессе придания ему конкретного воплощения в мысли. И, тем не менее, знание как информация всегда играет лишь второстепенную роль, совершенно не сопоставимую с той жизненно важной ролью, которую оно играло прежде. Создается впечатление, что каким-то странным и непонятным образом я уже знаю всё, что только можно знать. Если я захочу, я могу придать какой-то части этого знания проявленную форму, чтобы оно открылось сознанию других, равно как и моему личному сознанию. Но нет никакой внутренней необходимости, по крайней мере, я таковую не осознаю, побуждающей меня выражать и делать проявленным. Я чувствую себя вполне свободным поступать так, как мне нравится.

10. Наиболее заметным аффективным качеством, проявленным в относительном сознании, является ощущение *счастья*. Радость осознаётся как очень яркий опыт. Она гораздо более интенсивная и удовлетворяющая, чем радость от любого опыта или достижения, известных мне в миру. Непросто описать это состояние счастья. Оно никоим образом не оргиастично или разнузданно по своей природе, напротив, оно очень тонкое, хотя и очень мощное. Всякие мирские удовольствия грубы и отвратительны в сравнении. Всякое удовольствие, в индийском понимании этого термина, будь то приятного или болезненного типа, является для меня в той или иной степени отталкивающим при сопоставлении. В частности, это счастье настолько отличается от удовольствий порока, насколько только можно вообразить. Последние сопровождаются чувством вины, и это чувство ещё долго остаётся после того, как удовольствие от порочного опыта проходит. Высшее счастье кажется почти, если не целиком, тождественным самой добродетели. Я склонен согласиться со Спинозой, утверждавшим, что подлинное счастье – это не награда за добродетель, а это *и есть* добродетель. Чувствуешь, что не может быть ничего более правильного или праведного, в данном отношении, чем быть настолько гармоничным в своём сознании, чтобы ощущать эту Радость постоянно. Это – динамическая разновидность радости, которая, кажется, растворяет всякую боль у находящихся рядом с тем, кто её ощущает. Эта Радость скорее обогащает, чем истощает других.

Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог по достоинству оценить это величайшее счастье, не испытав его непосредственно. Я чувствовал и чувствую, что никакая цена, уплаченная за него, не может быть слишком высокой, и снова и снова я обнаруживаю подобное свидетельство в мистической литературе. Кажется, что даже краткий опыт этой

Радости стоил бы всех усилий и всех страданий, которые только могут выпасть на долю человека, если бы это потребовалось для его обретения. Теперь я понимаю, почему мистический слог столь часто напоминает рапсодию. Приходится сдерживаться, чтобы не сбиться на высокопарности, особенно когда сознаёшь, что всякие высокопарности, как они понимаются в обычной сфере опыта, в действительности являются лишь жалкими умалениями. Цветистые выражения персидских и индийских мистиков вовсе не являются высокопарностями. Но такой способ выражения имеет своим недостатком то, что у читателя-немистика создается впечатление отсутствия критической перспективы со стороны автора-мистика. Даже вполне возможно затеряться в этой Радости, поэтому реальный смысл кроется за выражением «опьянение Богом». В целом, представляется вероятным, что наиболее яркое переживание этой Радости свойственно тем, у кого наиболее развита аффективная сторона натуры. Если когнитивная функция имеет сопоставимое или превосходящее развитие, то мы, скорее всего, обнаружим больше сдержанности, столь свойственной таким людям, как Спиноза или Будда.

Эта Радость представляется динамической силой. Если можно говорить о том, что можно испытывать силу в обычном понимании слова «испытывать», то тем более можно утверждать, что можно испытывать силу или в сопровождении, или тождественную этой Радости, почерпнутой из трансцендентального уровня. В моём случае ближайшей аналогией является ощущение силы, которое я временами испытывал, находясь рядом с мощным электрическим генератором.¹⁶ В этом есть нечто, напоминающее «протекание», хотя невозможно определить какое-либо направление потока в терминах наших обычных пространственных отношений. Оно вызывает чувство физиологического, равно как и эмоционального и интеллектуального благополучия. Чистая радость здоровой юности, незамутнённой проблемами, может отчасти намекнуть на это благополучие. Оно придаёт блеск жизни и набрасывает на окружение своего рода покров красоты, которая временами просто неопишима. К своему удовлетворению я обнаружил, что эта радостная сила, или как угодно её назовите, может, до некоторой степени, передаваться тем, кто находится поблизости. Я нашёл тех, кто сообщает о появлении чувства радости даже тогда, когда моё состояние никак не оглашается или как-нибудь иначе проявляется. Не так уж невероятно, что в лице этой «силы» мы имеем дело с чем-то, что может поддаваться обнаружению каким-нибудь тонким устройством. Явно существуют различимые физиологические эффекты. Нервное напряжение спадает, и потребность в обычной физической пище уменьшается. В действительности, испытываешь любопытное ощущение сытости. С другой стороны, есть некоторые побочные эффекты, говорящие о том, что организм подвергся воздействию энергетического поля слишком большой интенсивности или высокого порядка, чтобы нервная система могла его легко выносить. Что касается меня, то в последние восемь месяцев я испытываю частые колебания, то находясь в этом «поле силы», то более или менее выходя из него. Последнее я рассматриваю как своего рода пониженное состояние. Особенно в первое время и после периодов, когда «сила» и радость были особенно интенсивны, я обнаруживал в последующих пониженных состояниях лёгкое чувство усталости во всём теле. Приход радостного состояния сразу же возвращал чувство благополучия. Однако вскоре я осознал, что забота о физическом организме вызывает к осторожной сдержанности при индуцировании радостного «поля силы». Я обнаружил, что эта «сила» подвластна воле в её личном проявлении и может удерживаться в границах интенсивности, к которой организм способен приспособить себя. Со временем оказалось, что мой организм подвергается постепенной адаптации к более высокому энергетическому уровню.

Были периоды, когда эта «сила», казалось, имела природу пламени, которому я тождествен.¹⁷ Обычно это пламя не сопровождается ощущением жара, но при определённых условиях это происходит. Так, если, пребывая в «поле силы», я позволял себе испытывать беспокойные аффекции, я начинал ощущать жар в организме. Природа этого эффекта наводит на мысль, что аффективное беспокойство аналогично

сопротивлению в электрической цепи. Хорошо известно, что электрический проводник с достаточно большим сопротивлением нагревается, поэтому данную аналогию легко принять. Далее, «поле силы» иногда вызывает ощущение жара у других, кто находится поблизости. Это – объективные эффекты, вполне поддающиеся объективному обнаружению. Но их побудительной причиной является состояние сознания, которое я нахожу в значительной степени подвластным сознательному контролю посредством чисто ментального контроля без вмешательства каких-либо подручных средств. Не является ли всё это прямым подтверждением предположения Уильяма Джеймса о том, что возможно проникновение энергии в объективную сферу сознания из других областей сознания, которые обычно находятся в диспаратных отношениях с первой?

Хотя символы электромагнитного поля и огня во многом проясняют качество этой тонкой радостной «силы», им всё же недостаёт полной адекватности. «Сила» эта, в тоже время, кажется, обладает флюидным характером. В ней есть нечто от дыхания или от воды. Здесь необходимо до некоторой степени отвлечься от ментальных привычек современной химии и физиологии и попытаться воспринять смысл так, как это делали древние. Важно не думать о воде просто как об H_2O , а о дыхании – как о лёгочном ритме, подразумевающим ингаляцию и эксгаляцию воздуха. В данном случае сущность воды и воздуха заключается в том, что они являются животворящими и поддерживающими жизнь флюидами. Химические и физические свойства этих флюидов являются лишь побочными обстоятельствами. Определённым образом, что всё ещё остаётся загадкой для науки, эти флюиды жизненно необходимы для жизни. Радостная «сила» – это сама Жизнь, но это – жизнь в некотором общем и универсальном понимании, в сравнении с которой жизнь живого организма – это лишь временная модификация. Таким образом, сознательно отождествиться с этой «силой» значит сознательно отождествиться с Жизнью как принципом. Это вызывает ощущение жизни, рядом с которым обычное чувство – не более чем тень. И так же как тень смертна, высшая Жизнь явно бессмертна. Можно сказать, что время – это дитя Жизни в трансцендентном смысле, тогда как жизнь живого организма – это дитя времени. Именно в этом направлении следует искать решение проблемы бессмертия. До тех пор, пока проблема констатируется в терминах жизни живого организма, бессмертие остаётся непостижимым. На самом деле, в данном случае всякая жизнь – не более чем процесс рождения-умирания, без какой-либо непрерывности или вечности. Однако высшая Жизнь – это сама вечность. Поэтому тот, кто сознательно отождествился с высшей Жизнью, в то же самое время сознательно отождествляется и с вечностью. Таким образом, смерть как конец становится немислимой, а равно и рождение как начало.

11. Наряду с глубоким чувством радости наличествует также ощущение *Благоволения*. Кажется, будто обычная озабоченность самим собой, которая всё больше проявляет себя в столкновениях объективной жизни, спонтанно ослабевает. Это – уже не чувство деятельного альтруизма, поскольку корениться в сознании, в котором конфликт между самопоглощенностью и альтруизмом исчезает. Это – скорее озабоченность самой благостью, чем просто достижением благодати мной, как личностью. До Осознания я испытывал явное желание достижения благодати как чего-то такого, что я сам, лично, могу ощущать, однако по достижении трансцендентного состояния личная мотивация стала ослабевать. Произошло как бы расширение интереса, так что теперь достижение любого «я» – это такая же моя забота, каким было моё собственное достижение. В этом нет обычного чувства самопожертвования, а скорее растущее обезличивание воззрений. В подобном состоянии сознания вполне можно принять образ действий, который предполагал бы личное страдание, в том случае, если последний служил бы цели более широкого распространения постижения. Это – не та мотивация, в которой мысли о героизме, благородстве или награде играют какую-то роль. Это просто представляется наиболее подходящим и разумным курсом, если обстоятельства указывают на подобную необходимость. Всё это – спонтанное аффективное состояние, порожаемое самой

природой данного сознания без какого-либо этического императива. В приниженных состояниях сознания я находил это чувство существенно ослабленным, и тогда становилось необходимым транслировать его в форму морального императива, чтобы преодолеть сопротивление прежних эгоистических привычек. Однако на высшем уровне моральный императив заменялся спонтанной тенденцией, которую, с точки зрения относительного сознания, можно назвать благоволением.

Разумное обоснование такой возникающей позиции представляется мне очевидным. Когда «я» постигается как своего рода универсальная или «пространственная» Самость, объединяющая все самости, различие между «мною» и «тобой» попросту становится неуместным. Поэтому благо одной самости является неотъемлемой частью блага всех самостей. Следовательно, альтруизм и забота о самом себе становятся, по сути, одним и тем же.¹⁸

12. Наряду с трансцендентной Жизненной Силой имеется очень любопытная разновидность *когниции*. Это – не наиболее известная разновидность интеллектции. Для меня подобное проявление представляло особенный интерес, ибо в силу темперамента и образования моя ментальная деятельность является преимущественно аналитической. Анализ достигает своих результатов посредством трудоёмкого и болезненного расчленения грубого материала, полученного из опыта, и его последующей реинтеграции с помощью *изобретенных* концепций, применяемых гипотетически. Это устанавливает лишь внешние отношения и определённо предполагает «дистанцию» между концепцией и объектом, который она называет. Но есть и другая разновидность интеллектции, когда концепции рождаются спонтанно и обладают любопытным тождеством со своими объектами. Жизненная Сила либо заставляет рождаться в уме подобные концепции без сознательного интеллектуального труда, либо тесно связана с их рождением. Впоследствии, когда подобные концепции рассматривались аналитически и критически, я находил их практически непогрешимыми. На самом деле, они обычно указывали на взаимосвязи, которые были необычайно проясняющими, и позволяли мне сверять свой инсайт с осознаниями других.

Несомненно, данный когнитивный процесс является фазой того, что многие называют «интуицией». Со своей стороны, однако, я не нахожу этот термин полностью удовлетворительным, поскольку слово «интуиция» имеет множество значений, которые неприменимы к данному рода когниции. Поэтому я разработал термин, который представляется более подходящим. Я назвал это *Знанием через Тожество*. Поскольку это – непосредственное знание, оно интуитивно, в широком понимании, но оно в высшей степени интеллектуально, что отличает его от иных форм непосредственной осведомлённости, которые в большинстве своём, если не целиком, некогнитивны. Существуют интуитивные типы знания, которые совершенно алогичны, а следовательно не подходят в качестве основы для логических построений. Знание через Тожество, напротив, потенциально способно на дальнейшее развитие, характерное для чистой математики. Знание через Тожество может дать фундаментальные предпосылки или аксиомы, из которых тут же могут вырасти системы путём чисто дедуктивного процесса. Знание через Тожество не следует рассматривать как аналитическую экстракцию из опыта, а скорее как Знание, которое изначально и сопряжено с Осознаваемой, но неосознаваемой Реальностью. Оно способно прояснить опыт, но само не зависит от опыта.

Раскрытие Знания через Тожество не представляется неизбежным, и даже обычным, следствием мистического раскрытия. Мои исследования предмета привели меня к предварительному заключению, что оно возникает в случае определённого типа мистического раскрытия, примерами которого являются Спиноза, Плотин и Шанкара. В подобных случаях когнитивный интерес и способность наиболее выделяются. Однако большинство случаев, в которых мистическое чувство хорошо развито, представляется совершенно иного типа. Известные персидские мистики, предположительно, большая часть индийских мистиков, большинство христианских мистиков и мистики-натуралисты,

такие как Уитмен, совершенно очевидно, подпадают под иную классификацию. У всех них аффективное сознание является доминирующим, а когнитивные интерес и способность – хотя и не всегда – слабо развитыми. Их выражение почти всегда принимает форму искусства или стиля жизни, а не философской системы. Очевидно, интеллектуальное качество их мистического сознания подчинено аффективному, а в отдельных случаях, – даже чувственному.

13. *Нетипичные особенности.* В определённых отношениях проявленные эффекты трансцендентного сознания, испытанные мной, отличаются от типичного мистического опыта. Мне неведом так называемый автоматизм – разновидность психических проявлений, о которой так часто сообщается. Моя психическая организация, очевидно, не соответствует требуемой для подобного рода опыта. Я никогда не слышал слов, приходящих как бы с иного уровня существования и облаченных в объективные звуки. Даже мысль не казалась приходящей из внешнего по отношению ко мне источника. Мои мысли были более глубокими и более ясными, чем прежде было возможно для меня как личности, но ощущение интимного единства с мыслью было сильнее, чем когда-либо во время личного мышления. Никогда моя мысль не была медиумической. Прежде мои мысли часто были отражением мыслей других, а не полностью моим изобретением. В этом есть определённый сорт медиумизма, хотя в этом смысле практически каждый является медиумом какое-то время, а большинство – всё время. Мысли, рожденные Осознанием, – немедиумические в самом строгом смысле, поскольку это – МОИ мысли, но более чем мои *личные* мысли.

Никогда моя рука не двигалась автоматически. Написанное мной было моей собственной мыслью, с полным осознанием проблем подбора слов и грамматических конструкций. Я обнаружил, что подбирать нужные слова и правильные конструкции для меня гораздо легче, чем прежде, однако сознательный отбор производился неизменно.¹⁹

Во время нахождения в поле «Жизненной Силы» понимание становится более глубоким и более ясным, чем в «приниженном» состоянии, но это – разница в степени, а не разница двух совершенно разделённых и не связанных между собой состояний сознания такой природы, что низшее сознание совершенно не способно понять то, что написано под диктовку высшего. Низшая фаза сознания, действуя сама по себе, не понимает с такой же легкостью и не охватывает так широко движения мысли. Однако низшая фаза, до некоторой степени, охотно подчиняется влиянию высшей путем простого приложения усилий к пониманию. Эффект аналогичен наложению двух лучей света, обоим из которых я тождествен, в результате чего получается обостренное сознание, которое в одно и то же время является и относительным, и трансцендентным определённым образом, который не совсем понятен интроспективному анализу.

Эти Осознания никогда не были связаны с так называемыми фотизмами. Они определённо обладают просветляющим свойством, и я часто имею возможность использовать слово «Свет» для выражения важного качества высшего сознания, но этот «Свет» является проясняющей силой в сознании, а не светом, видимым глазами. Было очень немного так называемых фотизмов в состоянии сна или дремоты, но они не случались непосредственно в периоды более глубоких Осознаний.

Никогда не испытывал я то, что обычно называется психическим ясновидением. Возможно, мой интеллектуальный интерес действовал как препятствие для такого рода опыта. Я признаю, что питал интерес к подобному опыту и считал бы его ценным объектом для изучения, если бы он случился со мной. Но я бы не потерпел подобной способности, если бы ценой за неё стала возросшая путаница в понимании. В целом, психическое ясновидение довольно часто ассоциируется с мистическим раскрытием, что, скорее, является правилом, чем исключением. Даже существует тенденция путать это ясновидение с подлинными мистическими ценностями. Однако они никоим образом не тождественны и не всегда сопровождают друг друга.

Я обнаружил, что есть очень существенная разница между психическим опытом и интеллектуальным Осознанием. Трансцендентное Сознание в высшей степени интеллектуально, но на своём уровне Оно совершенно безлично. Чтобы установить связь между личным сознанием и трансцендентальным состоянием, необходим активный и сознательный посредник. Очевидно, что таким посредником может быть, и обычно является, иррациональная психея, которую личность более или менее осознаёт. Но посредничество может быть интеллектуальным с незначительной сознательной корреляцией с иррациональной психеей или вообще без таковой. Кажется практически очевидным, что проявленные этими двумя способами эффекты в личном сознании не должны быть конгруэнтными по форме.

14. Если *экстаз* считать состоянием сознания, всегда подразумевающим вхождение в транс, то состояние сознания, которого я достиг, и которое назвал «трансцендентальным Осознанием» – это не экстаз. Однако есть достаточно причин полагать, что экстаз или самадхи – индийский эквивалент – не обязательно означает транс. Это, прежде всего, – вопрос классификации. Если считать определяющими внешне различимые признаки или симптомы, то экстаз, в его обычном понимании, – это транс или трансоподобное состояние. Если же основой для классификации выбирается внутреннее качество сознания, тогда совершенно очевидно, что экстаза или самадхи можно достичь и без транс.²⁰ Классификация на подобной основе представляется гораздо более значимой, ибо внешние симптомы транс знаменуют и абсолютно другие состояния сознания, такие как истерия, медиумизм, гипнотический сон, наряду с экстазом в высшем понимании.

Из последующего сравнения явствует, что интеллектуальные и сознательные качества, достигнутые мной, имеют очень много общего с теми, о которых сообщает Плотин как о характерных для состояния экстаза. Я обнаружил заметное соответствие своих теперешних воззрений с наставлениями Будды и трудами Шанкары. Но ни тот, ни другой не считали состояние транс необходимым для достижения состояний, называемых дхьяной или самадхи, хотя Будда, очевидно, не имел принципиальных возражений против использования транс как средства достижения высшего состояния сознания. Скорее представляется очевидным, что состояние физического организма является делом лишь второстепенной важности, тогда как решающими являются иные факторы.

Что касается меня лично, то никогда в своей жизни я не терял объективное сознание, разве что только во сне. Во время Осознания 7 августа я постоянно осознавал своё физическое окружение и мог управлять телом свободно по желанию. Далее, я не пытался остановить деятельность ума, а просто совершенно игнорировал поток мысли. Налиествовало, однако, своего рода «приглушение» объективного сознания, аналогичное затуханию лампы без полного её угасания. В результате я оказался в своего рода смешанном состоянии, когда находился одновременно и здесь, и «Там», с объективным сознанием менее активным, чем обычно. Вполне вероятно, что концентрированное внутреннее состояние было бы полнее и чётче, если бы объективный поток сознания был остановлен полностью как в транс, но об этом я не могу судить на основании личного опыта.²¹

* * *

Литература на предмет мистических состояний очень ясно раскрывает их преходящий характер. Часто состояние длится лишь мгновение и, как утверждается, редко может превышать два часа по длительности. Естественно, единственной фазой подобных состояний, обеспечивающей возможность измерения времени, является период их наложения на объективное сознание. Сокровенное содержание этих состояний само по себе никак не способствует измерению времени. Его значение, поэтому, не является функцией времени. Но если смотреть с перспективы личного сознания, то возможно установить период, в течение которого осознание было более-менее полным, и этот

период можно измерить. Что касается меня, то я не в состоянии предоставить точные данные относительно этой особенности. В течение первых десяти дней, последовавших за пробуждением, я был слишком озабочен созерцанием качеств, развертывающихся в моём сознании, чтобы думать об измерении времени, а, кроме того, тогда ещё я не был знаком с психологическими работами на данную тему и поэтому ничего не знал о нормах продолжительности. Рассматривая весь период ретроспективно, я не могу представить себе возможным точное измерение времени. Был определённо точный момент, когда состояние иницировалось, но не было такого момента, в который я бы мог сказать, что оно определённо ушло. Различима последовательность попеременных фаз и различных степеней глубины сознания, так что временами я был более трансцендентально сознателен, а временами – менее. Другая основа жизни и оценок стала нормой, так что, в каком-то смысле, осознание остаётся как постоянное состояние. Однако существуют заметные отличия фаз.

В течение первых десяти дней я попеременно то погружался, то выходил, или был более или менее погружен – не знаю, как правильнее сказать, – в то, что я назвал полем Жизненной Силы. Вскоре я обнаружил, что усиление этого поля представляет собой реальную нагрузку на организм, поэтому я сознательно сдерживал тенденцию состояний углубляться, пока, наконец, не достиг определённого привыкания и адаптации со стороны нервной системы. По прошествии десяти дней мне было сказано, что неплохо было бы записывать последствия трансформации, и тогда я занялся письмом, что продолжаю делать и теперь уже в течение четырех месяцев. И хотя поначалу попытка формулировать представляла определённое затруднение, письмо вскоре набрало силу, и теперь я нахожу, что идеи развиваются в моём сознании быстрее, чем я способен их выражать. На протяжении всего этого периода много раз сознание было преимущественно на интеллектуальном уровне с вкраплением более объективных интервалов. В начале разброс колебаний был более заметен, чем ближе к концу. Со временем личное сознание, очевидно, приспособилось к высшему уровню, так что периоды внутреннего углубления перестали быть такими контрастными как прежде. Первый период длиной чуть более месяца представляет собой отдельную фазу с ярко выраженной границей в момент своей кульминации в ночь с 8 на 9 сентября. В течение всего этого периода фокус моего сознания был преимущественно направлен на трансцендентное, тогда как в последующей фазе, продолжающейся и по сей день, я более сфокусирован на внешнем мире, приняв трансцендентное за основу. Как следствие, в определённом смысле я смотрю на эти первые тридцать с небольшим дней как на своего рода вершину сознания, время посева, дающее урожай и поныне. По-честному, эти тридцать с небольшим дней я считаю лучшим периодом в своей жизни. Обращаясь к символу, обессмерченному Платоном, я могу сказать, что тогда я вышел из «пещеры» и напрямую познал славу «осиянного солнцем» мира, после чего снова вернулся в «пещеру», но с настолько изменившимся взглядом, что уже никогда не смогу воспринимать «пещерную жизнь» столь же серьёзно, как я это делал прежде. Таким образом, в этом цикле существуют периоды, отличные один от другого.

В течение этого первого месяца поток физической жизни заметно ослаб в сравнении с предыдущей и последующей фазами. Желание чувственного существования было решительно меньше обычного. Спонтанный интерес весь был направлен на трансцендентное сознание. Физическая жизнь была явной обузой, своего рода шорами, наложенными на сознание. Я даже чувствовал отвращение к физической пище. По моему убеждению, если бы я не поддерживал угасающее желание физического существования твердой и сознательной волей к жизни, тело начало бы умирать. Я стал сверхчувствительным и находил очень трудным управлять автомобилем на дороге. Мне приходилось сознательно применять волю там, где прежде я действовал автоматически по привычке. Однако, с другой стороны, моя воля стала более эффективной, чем прежде, так что я вполне мог заменить спонтанное действие сознательным контролем. К счастью, мои прежние занятия подготовили меня к этому состоянию, и я отдавал себе отчет, что

сталкиваюсь с искушением, которое и другие встретили до меня. Ибо существует такая вещь как долг перед человечеством, которая не исчезает даже после прекращения желанной чувственной жизни. Но это не удерживало меня от помыслов, как хорошо было бы оставить всё ради трансцендентного сознания.

Одновременно с потерей желанной чувственной жизни росло ощущение силы. Я чувствовал, что обладаю сознательной властью над силами, которые обычно действуют ниже уровня сознания, и мой последующий опыт подтвердил это. Это – разновидность грубой силы без чёткого знания, как её применять. Иными словами, знание её эффективного практического использования должно быть приобретено на опыте. Но я очень чётко осознаю, что обладаю силой, которой прежде не было. Я могу выбирать и действовать сознательно там, где прежде решающим был поток бессознательных сил.

До окончания первого месяца решение продолжать существование в мире в качестве активного фактора было принято, несмотря на то отвращение, которое я питал к этой области. Я будто бы повернулся спиной к богатому источнику сокровищ, взяв лишь горсть, и зашагал назад, в сумрачный край железа и меди. Но так было нужно, и, на мой взгляд, тогда я сделал лучший выбор. Я нашёл то, что искал многие годы, и не мог видеть ничего, кроме упадка, в будущем, что касается непосредственно постижимых качеств сознания. Поэтому дальнейшее Осознание, завершившее первый цикл, стало для меня полной неожиданностью, ибо я не только не стремился к нему, но даже не подозревал, что подобное состояние существует и находится в пределах человеческой досягаемости. Уже мне было известно состояние сознания, явно обладающее качеством Освобождения. Последующий анализ мистической литературы показал, что оно, по сути, совпадало с мистическим опытом как таковым, и было явно более глубоким, чем многие мистические раскрытия. Брахманическая литература, насколько я был знаком с ней, всегда указывала на Освобождение как на вершину всякого достижения. В этой литературе я не нашёл ничего, требующего большей глубины инсайта, хотя была целая масса психических деталей, вполне чуждых моему опыту. Поэтому я был совершенно не готов к тому, что есть ещё более глубокие уровни трансценденции. Однако, будь я повнимательнее к некоторым неясностям в буддийской литературе, я был бы начеку.

Чтобы достичь определённого понимания кульминационной фазы Осознания, необходимо выделить некоторые контрастные факты, касающиеся первой фазы. Как я уже упоминал, существует достаточно подтверждений факта мистического осознания, а также его аффективного свойства, чтобы сделать его объектом желанья. Давно ещё я понял, что оно желанно и отправился на его поиски. Достаточно говорится также о причинах, по которым человек, достигший этого Осознания, должен как бы повернуться к нему спиной, чтобы продемонстрировать его желанность в социальном отношении. Но дальше, кажется, нет ничего, что могло бы стать объектом желанья. Итак, кульминационным эффектом данного Постижения в отношении желанья является то, что последнее сослужило свою службу для индивида, и больше желать нечего. В трансцендентном состоянии я определённо чувствовал полную удовлетворённость, гораздо большую, чем я ожидал. Что ещё могло быть?

Теперь я понимаю, что в этой удовлетворённости был дефект, который мешал ей быть состоянием полного равновесия. Он заключался, преимущественно, в позитивных крайностях человеческого сознания. Так, это было состояние величайших Радости, Спокойствия, Отдыха, Свободы и Знания, и всё это контрастировало с миром, как полнота контрастирует с пустотой.²² Поэтому существовало напряжение в смысле притягательности, что несовместимо с совершенством равновесия. Было различие между связанностью воплощённым сознанием и несвязанностью им, имевшее для меня значение. Я должен был сопротивляться предрасположенности к последнему состоянию для того, чтобы продолжать существование в первом. Иными словами, в первой фазе Осознания были определённые напряжения, требующие высшего решения. Но только перспектива окончательного Осознания прояснила это. Первая стадия, сама по себе, не обнаруживала

никакой дальнейшей возможности мыслимого достижения, поэтому я был склонен придавать ей **большую** значимость, чем она того заслуживала.

До сих пор я описал три сменявших друг друга глубочайших Осознания. Каждое было достигнуто в результате периода сознательных усилий, прилагаемых в соответствующем направлении. Всякий раз у меня были причины предвидеть наличие определённой цели. В первых двух случаях я отдавал себе отчёт в том, что остаётся ещё что-то, требующее постижения, поскольку чувство неудовлетворённости лишь отчасти насыщалось. В третьем случае его насыщённость казалась полной, и тогда я просто отказался от окончательного личного удовлетворения на тот период времени, который могли бы потребовать более широкие цели, выходящие за рамки личных забот. Окончательное Осознание, напротив, пришло как неожиданный дар без каких-либо сознательных усилий с моей стороны по его достижению. Таким образом, в данном случае моё личное отношение или позиция была пассивной в самом прямом смысле.

В течение дня, предшествующего последнему Осознанию, я много писал, и мой ум был особенно ясен и подвижен. На самом деле, интеллектуальная энергия достигла необычной степени интенсивности. Я пребывал в состоянии явного интеллектуального подъёма и доминирования. Данная особенность интересна по той причине, что именно такое состояние ума обычно считается наименее благоприятным для «прорыва» к мистическим типам сознания. Правило таково, что мысль должна быть успокоена или, по крайней мере, уменьшена в своей активности и игнорируема в медитации.²³ В отчётах о мистическом пробуждении почти всегда указывается, что состоянию Просветленности предшествует пусть даже краткий период спокойствия сознательной активности. Иногда этот период представляется как мгновенная остановка всей природы. Что касается меня, то мне тоже было знакомо своего рода предваряющее спокойствие перед каждым из критических моментов, хотя оно и не выглядело как остановка природы. Но в случае четвёртого Осознания преддверием было сильное умственное напряжение и необычайная интеллектуальная активность. Это уже не было вопросом поимки чего-то чрезвычайно тонкого, могущего улетучиться от дыхания ментальной или аффективной деятельности. Это был, скорее, случай встречи со всеподавляющей силой, требующей напряжения всех ресурсов сознания для встречи с ней.

Событие наступило после отхода ко сну. Я почувствовал углубляющий эффект в сознании, который вскоре приобрел или проявил яркое аффективное качество. Это было состояние глубочайшего Удовлетворения. Но здесь возникает странная и почти таинственная особенность. Язык, понимаемый как представитель чего-то иного, чем сами термины языка, перестаёт быть хоть как-то полезен на данном уровне сознания. В определённом смысле, слова и то, что они называют, сливаются в некоем тождестве. Абстрактные идеи перестают быть искусственными производными от конкретного опыта, а превращаются в своего рода универсальную субстанцию. Относительные теории знания просто неприменимы на данном уровне. Таким образом, слово «Удовлетворение» и состояние удовлетворения обладали субстанциальным и во многом невыразимым единством. Далее, это «Удовлетворение», помимо своей субстанциальности, носило универсальный характер. Оно имело характер всех возможных удовлетворений сразу и, вместе с тем, подобно «плотной» субстанции пронизывало всё. Я сознаю, насколько странно звучит подобная попытка формулирования, но приходится либо отказываться от интерпретации, либо принуждать язык выходить из норм своего употребления.²⁴

Это состояние «Удовлетворения» являлось своего рода интеграцией всех предыдущих качеств. Оно было окончательным осуществлением всех желаний, и поэтому делало любое напряжение желания невозможным. Можно желать лишь тогда, когда испытываешь определённый недостаток, неполноценность, требующую заполнения, или же ставишь перед собой цель к осуществлению. Когда во всех смыслах достигнуто всё, желанию просто приходится исчезнуть.²⁵ Результатом является полное равновесие в сознании, состояние совершенного покоя без какого-либо намерения или влечения.

Поэтому, в конечном итоге, подобное состояние является пассивным. Итак, хотя это состояние и было, в каком-то смысле, интеграцией предыдущих качеств, оно также оказалось преддверием к ещё более глубокому состоянию. Постепенно это «Удовлетворение» отошло на второй план и неощутимым образом превратилось в состояние «Безразличия».²⁶ И хотя удовлетворение обладает полнотой активных аффективных и конативных качеств, безразличие, в действительности, является аффективно-конативным молчанием. Это – конечный пункт аффективно-конативной деятельности человеческого сознания. Существует и другая разновидность безразличия, когда данная деятельность сознания как бы умерщвляется. Подобная разновидность обнаруживается в глубоко депрессивных состояниях человеческого сознания. «Высшее Безразличие», напротив, является превосходящим или противоположным полюсом, за который мотивации и чувства в обычном человеческом понимании не проникают. Но, самым категоричным образом, оно не является состоянием ущербной жизни или сознания.²⁷ Наоборот, это – и жизнь, и сознание такого превосходного порядка, что совершенно невозможно его вообразить. Концепции относительного сознания просто не могут его охватить. В каком-то смысле, это – конечная остановка, но, в то же время, это – начало всех начал. Всё можно утверждать относительно него, кроме как в ограничительном смысле, ибо в ограничительном смысле ничего нельзя сказать о нём. Это, одновременно, – и покой, и действие, и то же самое справедливо в отношении всех остальных противоположных качеств. Мне известна лишь одна концепция, которая способна вместить целиком его интеллектуальный смысл, и эта концепция – «Равновесие», но даже она является уступкой нуждам относительного мышления. Это, одновременно, – и начало, и конец всех возможностей.

В противоположность предыдущему Осознанию данное состояние не характеризовалось сильным или активным чувством радости. Его можно назвать блаженным только в том смысле, что в нём не было абсолютно никакой боли. Но я ощущал себя на таком уровне сознания, где нет необходимости в активной радости. Счастье, наряду со всеми остальными качествами, являлось частью неразрывного целого, и путём соответствующей фокусировки индивидуального внимания могло быть изолировано от остального и таким образом осознано при желании. Но у меня не было никакой необходимости в подобной изоляции. Сознание было настолько целостным, что не было нужды выделять какое-либо аффективное качество для придания ему большего богатства. Я был выше всех аффективных состояний как таковых, и поэтому мог управлять ими и проявлять любое из них по своему выбору. Я мог благословлять положительными качествами или налагать отрицательные как проклятие. Но само состояние было настолько лишено элемента желания, что у меня не было причин благословлять или проклинать. Ибо подобное совершенство не нуждается ни в увеличении, ни в уменьшении.

Находясь в этом состоянии, я вспомнил свою прежнюю мотивацию и осознал, что если бы это состояние было представлено мне в виде абстрактной идеи, оно никоим образом не выглядело бы притягательным. Но тому, кто стал этим состоянием, все прочие состояния, прежде могущие быть объектом желания, представляются жалкими в сравнении. Высочайшее человеческое устремление предвидит цель, неизбежно испорченную дефектами незрелого воображения. Относительному сознанию полное равновесие совершенного сознания должно неизбежно представляться пустотой, отсюда отрицание всякого мыслимого качества. Но отождествление с этим возвышенным Состоянием предполагает отказ от самой основы относительного сознания, а значит является трансценденцией всех относительных оценок. Возврат к этой относительной основе подразумевает сужение и помутнение сознания, принятие неизмеримой утраты. Спустя месяцы после этого Осознания, вновь вернувшись к драме относительного мира, я взираю на то Трансцендентное Состояние как на сознание самого возвышенного и желанного превосходства. Все прочие ценности стали пустыми и мелочными рядом с ним.

Тем не менее, во мне всегда жива память, и не только память, его непосредственного знания, а это суть нечто отличное от опосредованного и абстрактного его описания просто как возможного состояния.

Неотъемлемой частью этого возвышенного сознания является ощущение силы и власти буквально космических масштабов.²⁸ Походы цезарей и завоевания науки выглядят лишь детскими играми в сравнении. Ибо все эти достижения, кажущиеся столь грандиозными и впечатляющими на страницах истории, принадлежат сфере сознания, которая в самих своих корнях подчинена этой Верховной Силе и Власти. Перед обычными катаклизмами природы, если они достаточно сильны, средства наших могущественнейших правителей и нашей науки оказываются беспомощны. Но само существование этих природных сил зависит от трансцендентной и мнимой Пустоты. Тайна того, что до рождения и после смерти, кроется в Ней. Всё это, вся эта игра видимых и невидимых сил, представляется не более чем секундой мимолётного сна в безграничном пространстве Вечного. И вот, из этой Вечности вещает Голос никогда не спящего Сознания, и от величественной Властности и непреодолимой Силы этого Голоса все сны, пусть даже космических масштабов, рассеиваются.

Сейчас, пока я пишу, снова возвращается неуловимое Присутствие этого потрясающего Могушества. На этот раз, поскольку я сфокусирован на проблеме объективной формуляции, я менее слит в Тожестве, поэтому ощущаю ЭТО как «Присутствие». Этот ум, когда-то исследовавший тайны функций комплексной переменной и кантианской трансцендентальной дедукции категорий, трепещет в своём дерзании постичь ТО, что может мгновенно разрушить саму способность постижения. С радостью интеллект погрузился бы в богатое смыслом и всевещающее Молчание, где Слово-без-формы одно истинно. Это личное существо колеблется на краю бездонного Провала безотносительности, неизменно пожирающего могучие миры и солнца. Но есть ещё дела, которые предстоит сделать, ещё не время переступить черту.

В период окончательного Осознания я ощущал себя простёртым повсюду и тождественным своего рода «Пространству», охватывающему не только видимые формы и миры, но и все разновидности и качества сознания. Однако всё это находилось Там не как отдельные и объективные сущности, они были как бы слиты в своего рода начальной и конечной целостности. Казалось, что различные аспекты и формы, обнаруживаемые анализом относительного сознания, могли быть проявлены дифференцированно, если бы я того захотел, но любое подобное проявление никак не повлияло бы на совершенное равновесие этой целостности, и мне было абсолютно всё равно, проявлять их или нет. Эта целостность была, и остаётся, не чем иным, как мною, поэтому изучение вещей и качеств превратилось в простое самоисследование. Однако было бы ошибкой считать состояние чисто субъективным. Предыдущее Осознание было явно направлено в сторону субъективности, и в течение последующего месяца я ощущал себя внутренне поляризованным в необычайной степени. Окончательное Осознание, напротив, казалось движением в сознании в сторону объективности, но не в смысле возвращения к относительному миру. Конечное Состояние является таким же объективным, как и субъективным, и таким же состоянием активности, как и покоя. Но поскольку всё это сосуществует на вневременном уровне, объективность не является дискретной и дифференцированной, а следовательно совсем не похожа на относительный мир. Лишённая Бога вселенная исчезает, и на её месте оказывается не что иное, как живое и вездесущие Присутствие Божье. Поэтому, в субъективном смысле, я являюсь всем, что существует, но в то же время, в объективном смысле, нет ничего, кроме Божественного, простертого повсюду. Таким образом, уровень Высшего Безразличия может считаться конечным Пунктом, достигаемым погружением в то, что в относительном мире человек называет своим «я», а также, наравне с этим, осуществлением всего, что кажется объективным. Но эта объективность, в конечном итоге, оказывается чистой Божественностью. Таким образом, сублимированный объект и сублимированная самость

представляют собой одну и ту же Реальность, и это может быть выражено суждением: «Я есть Бог».²⁹ Достоинство Самости не ниже Божественного, но и Божественное не подчинено Самости. И только благодаря постижению этого равенства возможно человеку сохранить свою интеграцию перед лицом ужасающего, всепоглощающего Присутствия. В любом случае, сила растворения огромна, и нет никакого желания сопротивляться ей.

В течение всего периода этого высочайшего состояния сознания я вполне осознавал своё физическое тело и окружение. Мыслительная деятельность не была подавлена, а, напротив, была активной и ясной. Я постоянно осознавал свою самоидентичность в двух различных смыслах. С одной стороны, я был, и являюсь, изначальной Самостью и соизмерим с безграничным и абстрактным Пространством, но в то же самое время субъектно-объектное и самоанализирующее сознание остаётся как своего рода точка в этом Пространстве. Это можно проиллюстрировать, представив первое в виде изначального Света, субстанциального по сути, пронизывающего всё, но не исходящего ни из какого центра, а последнее – в виде сфокусированного отраженного света, наподобие прожектора. Прожектор самоанализирующего сознания можно направить куда-угодно в изначальном Свете, таким образом сделав избранные зоны самосознательными. Благодаря этому процессу я оказался в состоянии постигать своим относительным сознанием и запомнить не только смутный факт зарождающейся трансценденции, но и всё, что теперь пишу, и гораздо большее, просто не поддающееся никакому выражению. Изначальное сознание вневременно, но самоанализирующая деятельность протекает во времени. Поэтому принесённое мной в относительное состояние является именно тем, о чём я мог думать в период проникновения. Естественно, я сосредоточил своё внимание на тех особенностях, которые мне лично представлялись наиболее важными.

Мне представляется, что то, что я назвал Изначальным Сознанием, должно быть тождественно фон-гартмановскому «Бессознательному». Ибо в чём разница между «сознательным» и «бессознательным», если нет самосознания? Чистое сознание, не осознающее себя, в силу самого этого факта не знало бы, что оно сознательно. Так, человек, который не знает нездоровья или боли, во многом не осознает свой организм. Но с приходом боли он сразу же начинает осознавать свой организм как никогда прежде. Затем, с прекращением боли, особенно если она была продолжительной, он начинает осознавать благополучие в своём организме. Благополучие приобретает новую сознательную значимость. Отсюда ясно, что самосознание возникает через сопротивление, в некотором роде, интерференцию со свободным потоком сознания. Когда это происходит, возникает различие между сознанием и несознанием, не имеющее смысла прежде. Подобный ход рассуждений привёл меня к пониманию, что подлинное различие следует проводить не между сознанием и несознанием, а скорее между самосознанием и отсутствием самосознания. Когда в данной зоне нет самосознания, то оснований для предикации полного несознания в этой зоне не больше, чем для утверждения, что это – зона сознания, которое не осознаёт себя. С принятием подобной точки зрения проблема интерпретации того, как так называемое «бессознательное» проникает в сознание, существенно упрощается.

Изначальное Сознание не может быть описано как концептуальное, аффективное или перцептуальное. Создаётся впечатление, что все эти функции потенциально пребывают в Нём, но Сознание в целом представляет собою смесь всего этого и чего-то ещё. Это – глубокая, субстанциальная и живая разновидность сознания – материя, форма и осведомлённость в одном. Это – не сознание или знание чего-либо, и поэтому не является сферой отношений. Субстанциальность и сознательность не существуют как две обособленные действительности, правильнее было бы сказать, что сознание – это субстанция, а субстанция – это сознание, и что они являются двумя взаимодополняющими формами целого. Это, явно, – «плотное» сознание, совершенно отличное от абсолютно «тонких» рядов терминов в отношениях.³⁰

Находясь в Состоянии, я был особенно поражен тем фактом, что логический принцип противоречия попросту не действовал. Было бы неправильным утверждать, что этот принцип был нарушен, скорее, он был неприменим. Ибо изолировать какую-либо фазу Состояния означало тут же осознать противоположную фазу как необходимую дополнительную часть первой. Таким образом, попытки самосознательной мысли изолировать что-либо оканчивались немедленной инициацией своего рода потока в самой основе сознания, так что нарождающаяся изоляция превращалась в свою противоположность как собрата во вневременной реальности. Всякое усилие определить Состояние в категориях относительного знания наталкивалось на этот эффект потока. Однако не было ощущения пребывания в странном мире. Я никогда не знал другого состояния сознания, казавшегося столь естественным, нормальным и уместным. Казалось, я знал, что такова природа Реальности, и неким образом я знал это всегда. Скорее казалось странным, что столько лет я был самосознателен в иной форме и воображал себя чуждым этому. Это производило впечатление подлинной основы всякого сознания всех существ.

Я вспоминал свою прошлую веру в реальность страдания в этом мире. Это имело не больше силы, чем воспоминание о сне. Я видел, что в реальности нет никакого страдания, нет ни одного существа, нуждающегося в помощи. Сущностное сознание и жизнь всех существ уже пребывают в этом Состоянии, и никогда не были, и никогда не будут вне его. Этот мир со всеми его страданиями и болью, что, кажется, длится миллиарды лет, в действительности является не более чем сном, случившимся за одно мгновение. Я просто не мог ощущать какую-либо потребность или обязанность, призывающую меня к действию в этом мире. Не было никакого вопроса об оставлении кого-либо или неисполнении какого-либо долга, ибо я ощущал себя настолько тождественным всему, что самый последний мельчайший элемент расстояния исчез. Я помнил призывы о сострадании к этому миру, но эта идея не имела реальности в Состоянии, поскольку не было и никогда не могло быть того, кто нуждался бы в этом, хотя те, кто играет со сном жизни в форме, могут обманывать себя, воображая, что такая нужда существует. Но я-то знал, что в этом сне нет реальности.³¹

Императива морального закона больше не было, ибо не было, и нет, ни добра, ни зла. Казалось, я способен призвать силу, практически неограниченную. Я мог выбирать действие или покой. Выбрав действие, я мог поступать любым образом по своему усмотрению. Но действуй я, или нет, или действуй в том или ином направлении – всё это имело совершенно одинаковое значение. Не было ни правильным, ни неправильным выбирать что-либо, или, говоря иначе, не было ни заслуги, ни провинности в любом выборе. Будто бы всякий выбор тут же получал Божественную санкцию, и уже не подпадал под власть всякого меньшего трибунала.

Для меня как личности Состояние было в высшей степени привлекательным, и по мере его продолжения я, казалось, неразрывно слился с ним. Я помнил, что если, в смысле самосознания, я никогда не вернусь из него, в этом мире останутся те, кому будет не хватать меня, и кто будет страдать в своём относительном сознании. Но только через силу я позволил этой мысли овладеть собой. Из своих многолетних изучений я узнал, что существуют достижимые состояния сознания, в которых относительное состояние полностью и окончательно утрачивается. Я также был впечатлён учением, что более мудрым курсом является сопротивление этой тенденции и установление связи с относительной формой сознания. Я принял доводы в пользу последнего курса и решил какое-то время следовать ему, если когда-нибудь представится возможность выбирать. Это, однозначно, приняло форму привычки в личном сознании, и, насколько я могу судить, только эта привычка, или главным образом она, оказалась решающим фактором. Ибо в Состоянии просто нет той основы, на которой можно принимать любого рода решения, если только такая основа уже не сформирована в индивидуальном сознании в течение жизни. Как следствие, возник настоящий конфликт между притягательностью Состояния для меня как центра индивидуального сознания и отпечатком прежде

сформированного выбора, но Я в своей изначальной природе не принимал участия в этом конфликте, а стоял в стороне, безразличный к результату, вполне сознавая, что всякий результат будет Божественно правильным. Результат, очевидно, не замедлил себя ждать, ибо по прошествии времени организованный человек начал исчезать, но не в смысле исчезновения визуального объекта. Это было, скорее, похоже на исчезновение вследствие неуместности или почтения. Словно Пространство постепенно поглотило всё личное и думающее существо в своей необъятности, рядом с которой всякая обособленность суть ничто. Казалось, что как личность я беспомощен в процессе, не потому что мне потенциально не хватало силы, а просто потому, что не было причины, не было желания сделать потенциальное кинетическим. В конце концов, я уснул и проснулся следующим утром в полном осознании своих относительных способностей; результат явно был налицо. Была ли это победа? С определённой точки зрения, да. Однако, вспоминая это глубочайшее Состояние Сознания, которое и по сей день словно таится в каком-то укромном уголке моего личного сознания, я не могу сказать однозначно, что это была победа или поражение. Выбор был правильным, *поскольку никакой выбор не мог быть неправильным.*

Полный цикл этого окончательного Постижения длился несколько часов, с ясным самоосознанием на протяжении всего этого периода. Но глубина Состояния постоянно увеличивалась, и на последней стадии достигла исключительной фазы, потребовавшей от моего самосознания напряжения всех сил. В конце была достигнута стадия, в которой как то, что я назвал Самостью, так и то, что представлялось Божественным, растворились в Чём-то, ещё более трансцендентном. Не осталось ничего – лишь чистое Бытие, которое нельзя назвать ни Самостью, ни Богом. Не было ни «Я», простертого повсюду в бесконечном сознательном Пространстве, ни Божественного Присутствия всюду вокруг меня, лишь одно Сознание, лишённое субъективного и объективного элементов. Здесь всякие символы и концепции бесполезны. Но теперь я знаю, что внутри и снаружи всего есть Суть или Матрица – основа всех самостей и всех Богов, и от этого возвышенного Пика, подернутого дымкой безвременья и погруженного в плотное, непроницаемое Молчание, происходят все миры и все существа, всякое пространство и всякое время. Об этом величайшем Пике я не смог Узнать ничего больше, ибо Бездны глубочайшего Мрака и МОЛЧАНИЕ, облачённое в многослойные покровы Молчания, окутали меня и самосознание угасло. Но оттуда до меня донёсся, словно легкое дыхание сознания, Голос как бы ещё большего ЗАПРЕДЕЛЬНОГО.

* * *

Остаётся рассмотреть воздействия этих Осознаний на меня как на индивидуальный центр сознания, думающий, чувствующий и действующий в относительном мире. Естественно, здесь моё собственное представление будет неизбежно неполным, поскольку оно ограничивается интроспективным анализом, и ему недостаёт объективной оценки, которая может быть дана только со стороны. Но оно проясняет то, что никто другой знать не может, поскольку раскрывает, по мере своего продвижения, непосредственные свойства сознания.

Осознание 8-9 сентября вызвало радикальное изменение в индивидуальном сознании, если сравнивать с циклом предыдущего месяца. Как уже отмечалось, последние было, главным образом, поглощенным состоянием сознания, а физический организм стал сверхчувствительным к условиям физической жизни. Стало труднее встречать обычные проблемы, порождаемые окружением. Хаотичные силы современного города казались слишком неистовыми, чтобы их выносить. Даже в относительной изоляции пригородной общины всё ещё остаются раздражители механического века и тонкие посягательства, природу которых очень трудно определить. Моей естественной склонностью было искать уединённые места, где состязательность объективной жизни сводилась бы к минимуму. Это действительно было проблемой выносливости. Но после окончательного

Осознания я, напротив, отметил существенный рост органической крепости. И хотя я никогда не испытывал удовольствия от грубых диссонансов и взбалмошного существования современной городской жизни, я обнаружил, что теперь вполне в состоянии к ней приспособиться. Возросла способность управлять различными факторами окружения. Я, кажется, обрел способность подчинять воплощенное существование, независимо от намерения.

С интеллектуальной стороны, я отметил определённое оживление. Я обнаружил в себе способность поддерживать творческую и аналитическую активность мысли на более высоком уровне, чем прежде, и в течение более продолжительного времени. Трудные концепции легче поддаются пониманию. Мнимый эффект старения ума, который беспокоил меня какое-то время, исчез, сменившись явной интеллектуальной живостью; и это продолжается и по сей день как постоянный актив.

Аффективные изменения произошли в сторону большего обезличивания. Личная эмоциональная зависимость определённо стала меньше, и, насколько я могу судить, у меня практически не осталось личных слабостей, если таковые и имели место. Я глубоко обеспокоен благополучием, в особенности, тех, кто рядом, но также и общим социальным ростом. Однако я нахожу себя совершенно безразличным и даже испытываю некоторое отвращение к обыденным интересам, что формируют огромную часть повседневной жизни большинства человеческих существ. Я ещё не избавился от чувства негодования, но это чувство возникает, главным образом, когда я вижу быстрый рост упрямого и злобного иррационализма, столь стремительно заполонившего большую часть современного мира. При этом я осознаю это как дефект, вызванный недостаточной личной отрешённостью. Ибо если рассуждать философски, то люди имеют право учиться у своей собственной глупости, и вполне естественно, что определённый класс лидеров должен служить этой цели. И всё же мне до сих пор трудно примирить текущие тенденции морального упадка с десятилетиями и столетиями относительного просвещения, что были столь недавно. Я осознаю, что был слишком уж высокого мнения о разумности среднего человека, ибо тот, кто способен понять мудрость, заключённую в басне о курице, несущей золотые яйца, на самом деле, гораздо выше среднего уровня. Откровенно говоря, я ещё не совсем свыкся с тем разочарованием, которое испытываешь при более объективной и реалистичной оценке среднего человека, понимаемого как относительная сущность. Такая оценка отчасти является следствием возросшей ясности инсайта, и хотя я теперь гораздо лучше осознаю Сокровище, спрятанное в грязи личного человека, я также вижу более ясно и саму грязь, и её нездоровый состав. Это зрелище – не из приятных и никак не прибавляет уважения к этому миру. В общем и целом, чем объективнее моё понимание реалий этой относительной жизни, тем притягательнее становится Трансцендентный Мир.

Вероятно, наиболее важным постоянным эффектом всей группы Постижений стало утверждение знания, аффекции и чувства уверенности на новом основании, которое не является ни эмпирическим, ни интеллектуальным. Основание это сверхчувственно, сверхаффективно и сверхконцептуально, однако оно одновременно сознательно и субстанциально и обладает безграничной динамической потенциальностью. Я ощущаю себя ближе к универсалиям, чем к частностям, данным чувственным опытом, последние занимают, по сути, производную позицию и имеют лишь инструментальное значение, будучи только средствами пробуждения самосознания. Как следствие, моя окончательная философская позиция не может ограничиваться формами, считающими время, субъектно-объектные отношения и чувственный опыт изначальными и несводимыми константами сознания или реальности. В то же время, хотя я считаю Самость элементом сознания, имеющим более существенное значение, нежели перечисленные три, всё же она, в конечном итоге, также занимает производную позицию в отношении к фундаментальной Реальности. Поэтому моя позиция должна отличаться от тех форм идеализма, которые считают Самость окончательной Реальностью. По крайней мере, в некоторых важных

аспектах моя позиция согласуется с анатмической доктриной Будды, а потому существенно отличается от любой имеющейся западной системы.

¹ Основной текст этой главы писался сразу же по окончании «Путей к Пространству» и был закончен к концу марта 1937 года. Сноски были добавлены семь лет спустя. Последние отражают расширенную перспективу, ставшую возможной благодаря усиленному изучению проблемы трансформации как из западных психологических источников, так и из буддийских источников, которые не были доступны мне в освещаемый период. И хотя проблема не стала широко обсуждаемой, она привлекла внимание некоторых блестящих умов, когда-либо известных миру. Теперь мне ясно, что хотя пройденный мною путь до сих пор ещё редко кому покорялся, судя по мистическим текстам, всё же он был проторен задолго до меня. Это попросту говорит о фундаментальной универсальности проблемы.

² В символическом языке, столь часто используемом для описания стадий на Пути, эта «критическая точка» обозначена пустыней. Поле сознания орошается водами либидо (термин из аналитической психологии), и когда эти воды иссыкают, сад или джунгли, растущие на этом поле, превращаются в пустыню. Между иссушением вод либидо и их последующим прорывом с другой стороны существует большой или малый промежуток времени, по крайней мере, так было со мной. Результирующее состояние подобно сухости с отсутствием всяческих интересов. Мистическая литература полна ссылками на эту стадию.

³ На данной стадии ободрения одного знакомого Мудреца сыграли важную, возможно, решающую роль. Но хотя этот Мудрец ободрял и стимулировал мой ослабевающий интерес, он не говорил мне конкретно, что делать, предоставив решать самому.

⁴ Сравнивая Осознание с теоретическим признанием, я не обнаружил ни добавления, ни убавления мыслимого содержания. Однако в случае осознания воздействие на ум подобно оплодотворению – животворящей силе. Помимо незримого, внутреннего углубления смысла был и объективный эффект, выразившийся в том, что мысль стала течь более спонтанно, более живо и с гораздо большей уверенностью. Мысль развивалась сама, в значительной степени, без ощущения сознательного труда. В то же время я *знал* истину мысли, а не просто *верил* в неё. Однако всё, что я мог помыслить и выразить, вполне могло быть выработано обычными методами сознательного интеллектуального труда. Но в таком случае недоставало бы чувства уверенности, равно как и чувства возвышенного смысла. С этими осознаниями, помимо их трансцендентальной значимости, произошло подлинное омоложение и оживление ума. Данный факт стал особенно заметен в период последовавшей радикальной трансформации.

⁵ Доктрина несуществования атмана. Это равносильно отрицанию реальности себя, будь то в смысле личного эго или в более широком смысле субстанциального самосуществования субъекта, как в прагматических целях, так и трансцендентально.

⁶ Примерно за два месяца до «прорыва», читая курс лекций на Среднем Западе, я пережил трехнедельный период необычайной сонливости. Исключая моё пребывание за кафедрой, я испытывал желание спать практически всё время. Я просто давал волю этому желанию и спал помногу часов каждый день, но, казалось, всё равно не высыпался. Состояние изменилось совершенно внезапно, и тогда мой ум стал острее, чем когда-либо за последние несколько лет. Я испытывал сильный внутренний подъём и каким-то образом знал, что день окончательного успеха приближается. Впоследствии, при изучении трудов д-ра К. Г. Юнга по психологии трансформационного процесса, по крайней мере, некоторый смысл данной стадии проявился. Говоря языком аналитической психологии, трансформации предшествует сильная интроверсия либидо, сопровождаемая своего рода инкубационным периодом. Сон сам по себе является интроверсией, поэтому вполне понятно, что продолжительная интроверсия психической энергии должна вызывать состояние постоянной сонливости. С точки зрения аналитической психологии интроверсия либидо и инкубация суть предварительные условия для оживления содержаний бессознательных глубин психеи. Не думаю, что фон Гартман или Юнг проникли в природу Бессознательного так глубоко, как это возможно, поскольку их взгляды ограничивались методологией объективного эмпирического исследования, направляемого интуицией, но, судя по содержанию их трудов, лишённого перспективы непосредственного мистического постижения. Тем не менее, я причисляю наследие этих людей к высочайшему уровню западной литературы. Я считаю д-ра Юнга величайшим западным психологом, а фон Гартмана – философом, заслуживающим гораздо большего почтения, чем то, которым он ныне удостоен.

⁷ Во время написания «Путей к Пространству» одной из целей было отмечать не только внутренние процессы, насколько они принадлежали сфере сознания, но и внешние обстоятельства, могущие впоследствии оказаться не лишёнными значимости. Я был знаком с подобной стандартной практикой психологической лаборатории, когда субъектам или человеческим реагентам предлагалось отмечать своё физическое и психическое состояние наряду с более объективными факторами, такими как погода, внешние

звуки и т.д. Эти данные могли влиять, а могли и не влиять, на исход эксперимента, но факт их влияния или невлияния не мог быть определён до окончательного анализа результатов эксперимента экспериментатором. Я следовал этому правилу в своих записях, не всегда полагая, что записанное мною обстоятельство является значимым, а скорее стремясь записать всё то, что, по моему мнению, могло оказаться значимым впоследствии, хотя и не казалось таковым на первый взгляд. Одно отмеченное обстоятельство подобного рода оказалось на удивление значимым. Пребывая в одиночестве, я посвящал часть времени исследованию золотого прииска в районе Матер Лоуд в Калифорнии. В результате я подолгу находился под землёй, и хотя мой ум, по необходимости, был занят, в основном, конкретными деталями того, что я делал, всё же он постоянно возвращался к размышлениям над прочитанным у Шанкары, чтению которого я посвящал большую часть оставшегося времени. Тогда я ещё не знал, что стандартной практикой на Востоке является помещение кандидатов на трансформацию в пещеры на определённые и зачастую довольно продолжительные периоды времени. Действительно, создаётся впечатление, что существует некая взаимосвязь между трансформацией «второго рождения» и помещением под землю.

Исследования Юнга показывают, что в символизме Бессознательного само Бессознательное часто выступает как вода или земля, наряду с другими символами, поэтому сон или гипнотическое видение, в котором человеку кажется, будто он проникает под воду или под землю, означает интроверсию либидо в Бессознательное. В связи с трансформацией это приобретает смысл вхождения в чрево Великой Матери Бессознательного, предшествующего Второму Рождению. Итак, существует некая мистическая взаимосвязь между буквальным ритуальным воспроизведением процессов трансформации в снах или гипнотических видениях и самими снами и видениями. К подобному, по крайней мере, предположительному выводу приходишь, когда изучаешь индийскую и тибетскую тантрическую литературу, а исследования западного ритуализма только подтверждают данный вывод. Поскольку сам я никогда не ориентировался на ритуализм и не искал в нём личной выгоды, моё вынужденное заключение о том, что он имеет большое значение для трансформации, вполне объективно, тем более что я лишь впоследствии обнаружил, что неосознанно исполнил ритуал, который является сознательной практикой на Востоке.

То, что физическое помещение под землю оказывает суггестивное воздействие на неинтеллектуальную часть психеи, вполне очевидно. Но я не могу не прийти к выводу, что нечто большее, чем суггестия, имеет место. В некотором роде, жизнь происходит из земли и из моря, и поэтому не только в фигуральном смысле земля является Матерью. Итак, всякий, кто имел подлинное знакомство с литературой по трансформации, начиная от греков и до наших дней, не может не поразиться обилием символизма второго рождения. Даже Иисус говорит: «Вы должны родиться заново». Но всякая жизнь происходит из чрева. Никодим отчасти понимал утверждение Христа, но, будучи приземленным человеком, мог лишь буквально трактовать его. Подлинное созревание для нового Рождения происходит в чреве Бессознательного, и поэтому физическое помещение под землю ускоряет процесс. За разъяснениями этого следует обратиться к текущему содержанию мистической мысли. Мистик всегда видит мир связанным с внутренними психическими реалиями. Поэтому объективные отношения имеют значение, хотя степень их влияния зависит в зависимости от человека. Для одних легкого контакта с этими объективными факторами достаточно, для других требуется продолжительная дисциплина.

⁸ Мне пришло на ум, что читатель может задаться вопросом: может ли данный отчёт быть назван описательно-повествовательным, как утверждается в предыдущей главе, поскольку многое из написанного является явно дискурсивным. Но это, на самом деле, – целиком описательное повествование, поскольку представляет собой запись мыслительного процесса, происходившего и оказавшего жизненно важное влияние в прошлом. Лишь в незначительной степени это – автобиографический материал, основанный на объективной жизни физической личности. В гораздо большей степени это – автобиография интеллектуальных шагов и процессов. Таким образом, дискурсивный материал, появляющийся здесь, не является преимущественно интерпретацией постфактум, а скорее частью процесса, в котором интерпретативные факторы играли решающую роль в моём собственном сознании по мере его всё большей ориентации на трансформацию. Эти интерпретации были прагматически эффективными агентами. Содержат они или нет более объективную истину – не вопрос, стоящий сейчас перед нами. Далее я вернусь к этой проблеме.

⁹ Тогда я находился на открытом воздухе – факт, могущий быть не лишённым значения. Упоминания о важности нахождения под открытым небом, когда его ничто не заслоняет, можно встретить в мистической литературе. Эдвард Карпентер сказал, что не испытывал вдохновения писать «К Демократии», не находясь под открытым небом. Интересно, что санскритское слово «акаша» означает небо, а также пространство, изначальную материю и, в определённом смысле, высший ум. Небо – это матрица Света. Таким образом, солнце, луна и звёзды вделаны в небо, и всё небо с перспективы земли светится. Поэтому выход из-под земли к небу символизирует оставление мрачного места созревания и вступление в Светлый Мир нового рождения. Всё тайное становится явным, всё бессознательное становится сознательным.

¹⁰ Последней мыслью перед «прорывом» было очень ясное осознание того, что *стремиться не к чему*. Ибо стремление предполагает приобретение, а приобретение предполагает изменение содержания в сознании. Но Цель – это не изменение содержания, а уход от содержания. Поэтому Осознание не имеет ничего общего с тем, что случается. Я и есть То, что я ищу, а значит искать нечего. Самим поиском я скрываю Себя от себя. Поэтому оставь поиск и не жди ничего. Таким был конец долгих исканий. Я умер и в тот же миг родился заново. Спонтанность заняла место прежнего своевольного усилия. После этого я непосредственно узнал Сознание, обладающее характеристиками, о которых мистики сообщают снова и снова. Но это не был иррациональный процесс, а, поистине, апогей логики. Это была разумная мысль, доведённая до конца с математической точностью.

¹¹ Индийские и персидские мистики разработали чувственную поэтическую образность для передачи возвышенного Смысла, которая далеко превосходит таковую представителей любой западной расы. Западному уму подобные описания кажутся экстравагантными. На деле же, они неадекватны, поскольку чувственное воображение в корне искажается своей средой. Математическое воображение, свободное от чувственных ограничений, воспаряет гораздо выше, но почти никто не способен оценить его. Поскольку читателю может быть интересен пример индийской образности, я процитирую несколько строк из введения в «Маханирвана Тантру» (в переводе Артура Авалона):

Величественная Царица Гор,
Разукрашенная драгоценными камнями,
В убранстве из цветов и деревьев,
Оглашаемая пением множества птиц,
Наполненная благоуханием весенних ароматов,
Овеваемая мягкими, прохладными, душистыми ветрами,
Укрывающая под сенью величественных деревьев,
В твоих прохладных рощах носятся сладкие голоса апсар,
А в глухих чащобах твоих сонмы кокил безумствуют в своём страстном пении,
Там, где Весна – Царица Сезонов обитает,
На Царь-Горе, Кайласе...

«Царь-Гора» – это Дверь в Трансцендентное.

¹² Читатель предупреждается, что это – всё ещё часть записи, а не более систематизированная интерпретация постфактум. Содержания, проявленные в относительном сознании в результате первого инсайта, сыграли ту или иную роль в подготовке почвы для кульминационного Осознания, произошедшего позже, и поэтому они являются частью этиологии процесса.

¹³ Под «сверхконцептуальной» я понимаю находящуюся вне форм всевозможных концепций, которые можно облечь в слова. Однако природа этого знания ближе к таковой наших чистейших концепций, чем к перцептуальному сознанию.

¹⁴ Конечно, нельзя быть столь глупым, чтобы полагать, что это «подпирающее вселенную «Я»» то же, что и личное «я». Это всё равно, что считать отражение солнца в воде самим солнцем.

¹⁵ Остаточная личность продолжает существовать в силу кармы, продолжает платить по счетам и пожинать плоды. Но всё это лежит ниже новой основы отношений.

¹⁶ Спустя несколько лет после написания этого, при чтении, я был особенно поражен упоминанием «огня» в юнговской «Интеграции личности». Д-р Юнг цитирует неканоническое высказывание, приписываемое Христу, которое звучит следующим образом: «Тот, кто близок ко мне, близок к огню». Здесь также подразумевается отождествление с «огнём», равно как и воздействие на окружающих. Огонь суть то, что сжигает, а значит трансформирует (возгоняет) всё, оставляя лишь пепел. Чтобы понять подобное мистическое употребление слов, необходимо изолировать и идеализировать сущность соответствующего физического процесса.

¹⁷ В период трансформации я назвал эту радостную силу «Потоком». Данный термин пришёл мне на ум спонтанно и не был результатом объективного рефлексивного поиска подходящего термина. «Ощущение потока» является непосредственным фактом состояния, который следует отличать от объективного интерпретативного суждения: «Это – поток». Шаг от непосредственной данности к концептуальной интерпретации порождает проблему критицизма, с которой я буду иметь дело позже. Всё, что я могу сказать здесь, следующее: существуют интерпретации, которые сразу же вызывают ощущение субстанциальной правильности с точки зрения непосредственного смысла, тогда как другие искажают его. Правильным, в

подобном ключе, было описание как «Потока» того, что я ощущал. Я написал, что это был Поток, который не следовал из прошлого в будущее, а скорее замыкался на себе, создавая непрерывное движение без нарастания или убывания. Позже я обнаружил, что данная концепция лишена вразумительного смысла для тех, кто мистически слеп. Конечно, с объективной точки зрения она бессмысленна, но, тем не менее, я продолжаю настаивать на её субстанциальной правильности с точки зрения непосредственного осознания. В то время я ещё не был знаком с аналогичными описаниями в мистической литературе, но я нашёл их позже. Так, в «Тайне Золотого Цветка» «циркуляция Света» выступает как окончательное завершение «Великой Работы». С ней, помимо прочего, приходит бессмертие. Итак, анализ этого символа очень поможет нам. «Циркуляция» означает замкнутость на самом себе, тогда как прямая линия хронологического времени имеет направление, а значит подвержена парам противоположностей. Временная линия не может нарастать без убывания. Она даёт жизнь и забирает её. В результате тот, кто видит так глубоко, становится философским пессимистом. Только благодаря «циркуляции Света» трагедия мирской жизни прекращается.

¹⁸ Когда я впервые испытал состояния благоволения, последствия были шокирующими. Тогда я находился в убогой хижине, совершенно один, на берегу одной из речушек в области Матер Лоуд, в восточной Калифорнии. Насекомые и другие твари были там очень назойливы. Пауки, скорпионы, долгоножки (в огромном количестве), сороконожки, слизни, комары и гремучие змеи попросту не давали покоя. Но когда состояние благоволения было наложено на моё личное сознание, оно включило в себя всех этих тварей, равно как и многих других. Моя добрая воля распространялась на них в той же мере, как и на более развитых созданий, и в этом не было ничего искусственного. Это не было сознательной моральной победой, а просто естественным состоянием. Подобное непосредственное состояние является преходящим, как и другие фазы мистического состояния сознания. Но его влияние на моральную оценку остаётся постоянным. Уже больше не можешь убивать кого-то, пусть даже самого отвратительного и вредного, без чувства вины. Это делает объективную жизнь существенно более проблемной. Ибо когда видишь объективные реалии ясно, то понимаешь, что в этом мире нет ни одного воплощенного существа, не связанного с убийством, а значит с виной. Фермер должен уничтожать врагов своих посевов и хозяйства, иначе последние будут уничтожены, а без фермера никто не будет есть. В нашей крови идёт постоянная война – микроскопические существа уничтожаются и пожираются непрерывно. Поэтому всякая жизнь здесь основывается на отнятии жизни. Этот мир очень уродлив, что становится очевидным, когда шоры спадают с глаз. Святые (продолжающие жить) и вегетарианцы делят вину со всеми остальными. Мера вины разнится, конечно, но разница степени – это не разница принципа. Всякий, живущий в этом мире, неизбежно разделяет вину, поэтому нет никого, кто может бросить камень первым. Нет никого, кто может осуждать других, если в то же время не осуждает себя и не разделяет приговор вместе с другими. Избавление от вины обретается только в Запредельном.

¹⁹ Были периоды спонтанного наития, приводящие к наиболее внушительным результатам, но в то же время производилась сознательная селекция и оценка со стороны ума, обучавшегося в школах. Выходящее из-под пера, таким образом, – это совместный продукт глубоких и поверхностных уровней, причём и те, и другие принадлежат мне. Могу пояснить эту совместную деятельность на примере. Если представить ментальные накопления жизни в виде хранилища книг с тусклым освещением, так что, обычно, нужную книгу довольно трудно отыскать, то состояние просветления подобно яркому свету, внезапно вспыхнувшему в этом хранилище и сделавшему всё, скопившееся там, доступным. Свет этот имеет и дополнительное свойство, указывая вполне безошибочно на необходимый для решения конкретной проблемы материал. Когда-то известное и забытое вновь всплывает в памяти, и это происходит без каких-либо усилий.

²⁰ Так, согласно манускриптам, Гаутама Будда не одобрял практику трансового состояния, хотя и не отрицал её как возможное средство. При этом самадхи является фундаментальной особенностью буддийского пути. Это говорит о том, что телесное состояние, в сущности, не имеет значения.

²¹ Исследование слова «экстаз» в соответствующем словаре проясняет многое из той путаницы вокруг этого слова, которая наблюдается в литературе, в частности, медицинского толка. Поскольку данный термин крайне важен для мистицизма, подобное исследование очень полезно. Словарь даёт четыре значения, покрывающие широкую область смысла, и я процитирую их полностью. Экстаз определяется (согласно *Century Dictionary and Cyclopedia*) как:

- a. Состояние, в котором ум экзальтирован или, как бы, освобождён от тела; состояние, в котором функционирование чувств приостановлено либо созерцанием какого-нибудь экстраординарного или сверхъестественного объекта, либо поглощённостью какой-нибудь сверхценной идеей, наиболее часто религиозной природы; захватывающий восторг или порыв.
- b. Всепоглощающая эмоция или экзальтация, когда ум подавлен, а действия контролируются возбуждающим субъектом; внезапный наплыв сильного чувства.

-
- c. В медицине – болезненное состояние нервной системы, родственное катаlepsии или трансу, в котором пациент испытывает и выражает восторг. (Синонимом этого употребления является «экстазис».)
- d. Сумасшествие, безумие.

Этимологически слово означает «нахождение в ненадлежащем месте, пребывание в стороне».

С поверхностной точки зрения все четыре смысла согласуются с этимологическим значением слова. Но если смотреть глубже, то разница в смысле столь же велика, как и разница между змеей и угрём, которые всего лишь аналогичны, но не гомологичны. Что касается первого значения, то «нахождение в ненадлежащем месте» справедливо только при допущении, что личный эгоизм является надлежащим местом. Однако главным тезисом мистической философии является то, что подобное допущение суть фундаментальная ошибка.

Основное значение санскритского слова «самадхи» гораздо глубже проникает в подлинный смысл мистического Экстаза. «Самадхи» означает «соединение, сочленение; союз; сочетание; исполнение; приспособление, установление; оправдание утверждения; доказательство; внимание, поглощённость; глубокая медитация на верховной душе, истовое поклонение». Таким образом, первое значение – это «соединение того, что было недолжным образом разъединено». Данное значение в высшей степени позитивно и превосходно, тогда как этимология «экстаза» обесценивающая. Подобное расхождение во взглядах параллельно расхождению птолемеевой и коперниковой систем, причём более прозорливая индийская мысль соответствует помещению в центр солнца. Типическая древнегреческая ориентация была не духовной, а чувственно-материалистической; такие философы как Платон и Платин являются исключениями. Греки легче воспринимали тела, чем пространство. Поэтому сознание, которое было отделено от тела, представлялось им находящимся в ненадлежащем месте. Общий греческий инсайт не так уж глубок, как представляется. Великие исключения дожили до наших дней именно потому, что они видели глубже, и хотя они вполне заслуживают того уважения, которое мы им оказываем, это не значит, что оно должно распространяться на греческую цивилизацию в целом. Наша собственная пространственно ориентированная математика ближе к мировосприятию индусов, чем типичных греков.

²² До тех пор, пока есть контраст, а не безразличие к контрастирующим элементам, состояние не является нирдвандвой – свободой от пар противоположностей. Ощущение величайшего, в конечном итоге, – это двойственное состояние. В подлинно абсолютном состоянии нет, и не может быть, никаких предпочтений. Сознание Блаженства, Всезнания, Сострадания, таким образом, имеет некий оттенок относительности, пока остаётся ощущение или знание, что есть нечто ещё, другое. Любое возможное описание состояния нирдвандвы неизбежно представляется относительному сознанию ничем вовсе. Это вполне объясняет, почему непросвещенные психологи считают высочайшее из мистических состояний сознания тождественным несознанию. Есть серьёзная ошибка в подобной интерпретации, но только тот, кто непосредственно знаком с действительностью, знает; но он не в состоянии поведать о том, что знает, тому, кто не знает. Он может только категорически утверждать: «Это – не несознание». Однако, это настолько непохоже на то, что обычно понимается под сознанием, что неотлично от несознания в относительной перспективе.

²³ Руководства обычно, если не повсеместно, настаивают на ментальном спокойствии и эмоциональной безмятежности. Здесь я не развиваю критику руководств, а лишь сообщаю о том, что действительно имело место. Но, возможно, необходимость такой критики назрела.

²⁴ Читателю следует терпеливо отнестись к подобным необычным сочетаниям концепций, чтобы достичь хоть какого-то понимания. Не существует таких слов и выражений, которые бы строго соответствовали предполагаемому смыслу, поэтому обычный посредник принуждается выражать очень необычное содержание. Во всяком случае, итак достаточно тайны в отношениях идеи и её референта, даже при обычном употреблении языка. По привычке большинство из нас не замечает этой тайны, однако ей посвящены труды многих философов.

²⁵ Когда желать значит тут же иметь, невозможно изолировать желание от обладания. Осведомлённость о желании неизбежно пропадает. Обычно мы желаем и обретаем желаемое лишь отчасти и после долгих усилий. Поэтому мы в высшей степени осознаём желание. Если же нет никакого препятствия к *полному* осуществлению желаний, то нет, и не может быть, никакого осознания желания.

²⁶ Это, явно, – случай диалектического развития, параллельный тезису, антитезису и синтезу гегелевской логики. Тезису соответствует сознание, обусловленное желанием, антитезису – Состояние Удовлетворения, а синтезу – Состояние Высшего Безразличия. Гегель прав, считая процесс автономным. Однако, на мой взгляд, мы можем проследить его логику более детально. Не может быть удовлетворения без соответствующей ему нехватки, из которой вырастает желание. Но в тот момент, когда нехватка

восполняется, удовлетворение вянет подобно дереву с отрубленным корнем. Тогда дуализм исчезает, оставляя недвойственное состояние, аффективно и конативно воспринимаемое как Безразличие.

²⁷ Здесь я должен внести радикальное исправление в тезис д-ра Юнга, приведённый в первой главе его «Интеграции личности». Юнг пишет: «В конце сознание становится безграничным, но замутнённым...». Оно такое же замутнённое, как и ясное. Это, поистине, – нирдвандва, и никакое контрастное описание, в действительности, не подходит.

²⁸ Естественно, нельзя быть столь глупым, чтобы считать эту власть личной. Великая сила солнца не вся проявлена в отражении солнца в капле воды. Внутренне *Я есть* Солнце, но как личное эго я есть *отражение* Солнца, заключенное в капле.

²⁹ Спустя определённое время после написания этого я познакомился с одним персонажем в западной истории, демонстрирующим глубину проникновения сродни таковой великого Будды. Я говорю о Мейстере Экхарте, который почитается некоторыми как величайший мистик средневековья, и, по моему мнению, является одним из величайших в западной истории. Он – единственный, кого я до сих пор нашёл на Западе, обнаруживающий знакомство с тем, что я назвал Высшим Безразличием. В других словах, нежели мои, он выражает то же самое, о чём я пишу выше: «Человек – это, поистине, Бог, а Бог – это, поистине, человек». В том же духе несколько столетий спустя поэт Ангелус Силезиус (Иоганн Шеффлер) слагает прекрасные в своей простоте строки:

Я столь велик, как Бог.
Он столь же мал, как я.
Не ниже я Его,
Не выше Он меня.

Всегда можно найти свидетельства Вечной Истины. (Цитаты взяты из юнговских «Психологических типов».)

³⁰ Смотри употребление Джеймсом терминов «плотный» и «тонкий» в «Плюралистической вселенной».

³¹ На протяжении всего этого изложения мы постоянно сталкиваемся со старой философской проблемой Иллюзии и Реальности. Она присуща всем великим монистическим философиям. Создаётся впечатление, что Уильям Джеймс на одной из стадий своей философской жизни усердно пытался разобраться с определёнными фундаментальными противоречиями, свойственными этим философиям, по крайней мере, в их западной форме. Он не преуспел в этом и оставил монизм окончательно, заменив его откровенно плюралистической философией. И хотя он не закрывал догматически двери перед возможностью спекулятивного решения проблемы, по-видимому, он очень сомневался в возможности такого решения. Джеймс вполне отдавал себе отчёт в том, что существуют различные состояния сознания, являющиеся неоспоримыми фактами. Если представить их в виде двадцати шести букв английского алфавита, то единство их всех не будет одним фактом, а будет двадцать седьмым фактом. Поэтому невозможно превращение множественности в единство.

Критический анализ Джеймса прозорлив и, возможно, правилен, если мы ограничиваемся аристотелевской логикой. Но это – не вся логика, что явствует из развития логики относительности, не говоря уже о диалектике Гегеля. Нет достаточных причин полгать, что текущее знание логики на Западе является всей логикой. Существует логический принцип, который, на мой взгляд, настолько проясняет проблему, что делает спекулятивное решение гораздо более вероятным. Я опишу этот принцип с помощью известного восточного образа.

Люди, живущие в местности, где ядовитые змеи представляют серьёзную опасность, знакомы с обманом видения змеи там, где её нет. Нам, проводившим много времени в пустынных районах дальнего Запада, этот обман известен очень хорошо. Человек быстро научается быть всё время начеку, поэтому под поверхностью своего ума он постоянно ищет змей. Часто случается, что коряга, кусок верёвки или иной длинный и тонкий объект, попадая в поле зрения, приводит к полусознательной реакции организма до вынесения рационального суждения об объекте. Человеку кажется, что он увидел змею, он испытывает шок, замирает и, возможно, отпрыгивает, ещё до вынесения рационального суждения. Через секунду он понимает свою ошибку. Подобный опыт случался со мной много раз, и, анализируя его, я понял, что он многое проясняет. Змея, якобы увиденная вначале, секунду спустя оказывается корягой, верёвкой или подобным материальным объектом. Возникает вопрос: что случилось со змеей? Стала ли змея корягой? верёвкой? Окончательное практическое суждение гласит, что змея не стала корягой, а что никогда не была ей. Однако нет сомнения в том, что, в психическом смысле, переживание змеи наличествовало. Итак, какова же природа её существования? Мы, определённо, не наделяем её субстанциальной реальностью. Она, конечно, не может укусить или как-нибудь иначе навредить в объективном смысле. Спустя секунду после

рационального осознания и суждения змеи просто нет. Далее – и этот тонкий момент является всей сутью вопроса – *змея перестает быть когда-либо*. Я знаю, что процесс протекает подобным образом, поскольку наблюдал его неоднократно. Остаётся справедливым, что наличествовало состояние психического обмана, однако жизненно важно понять, что змея перестает существовать и как нынешний, и как прошлый факт. Обман никогда не добавляет ничего нового к реальности и не убавляет ничего. Поэтому не существует проблемы интеграции его в реальность.

Итак, спекулятивное решение монистической проблемы обретается путём приложения данного принципа ко всему относительному опыту. Последний отличается от опыта змеи лишь тем, что он является массовым и обычно нелегко корректируется рациональным осознанием и суждением. Его можно рассматривать как массовое галлюцинаторное помешательство, которое следует лечить подобно проблемам сна, т.е. простым пробуждением. Человеческое страдание по природе своей аналогично страданию галлюцинирующего безумца, а найти лекарство в безумном состоянии невозможно.

Но в чём же разница между реальностью и обманом, если обман – это психический факт? Просто в следующем. Реальность субстанциальна, а обман пуст. В буддийских терминах: единственная реальность обманчивых модификаций сознания заключается в их единообразии с сущностью ума, но нет реальности содержания. Всякий опыт является просто игрой ума и не несёт в себе субстанции.

Адекватность аналогии змеи-веревки искусно оспаривается Шри Ауробиндо Гхошем в его «Жизни Божественной», с последующим сомнением в объективной правильности данного образа. Однако аналогия представляется субъективно правильной, поскольку относительное сознание стремится исчезнуть подобно змее в верёвке, когда самосознание погружается в Трансцендентное. Представляется, что Ауробиндо сделал необходимым пересмотр классических метафизических теорий, основанных на реализациях подобного рода. Далее в настоящей работе этот предмет ещё будет рассмотрен.

Часть 2. Афоризмы о Сознании-без-объекта

Глава 3. Уровни мысли

В полуэзотерической психологии буддизма, ведантизма и теософии существует разделение ума на две части или грани.¹ Хотя утверждается, что сущность ума едина, в процессе проявления ум становится подобным двугранному зеркалу, одна грань которого направлена на объективное, а другая – на субъективное. Поскольку ум в значительной степени функционирует подобно зеркалу, принимая видимость того, что он отражает, его собственная сущностная природа остаётся скрытой. Объективно ориентированная грань отражает мир и окрашена конативно-аффективной природой личного человека. Грань, направленная внутрь, подобно тому, что она отражает, отмечена неизменной бесцветностью бесстрастия.² Но поскольку обе грани по сути своей едины, между ними существует связь. В силу этого сознание человека с помощью определённых средств способно пересечь то, что, в противном случае, было бы непреодолимой пропастью бессознания. Не то чтобы эмпирический или личный человек, не владеющий умом, не имеет связи со своими корнями, а эта связь, строго говоря, бессознательна. Благодаря единой сути двойственного отражающего ума, в принципе, становится возможным для личностно интегрированного сознания познать корни. Таким образом, существует Путь, посредством которого человек может познать трансцендентное.

Для западной психологии и большей части западной философии знакомство с умом ограничивается внешне ориентированной гранью восточной концепции. Это объясняется тем, что исключительно объективные методы западной науки с самого начала исключают возможность прямого знакомства с более скрытой гранью. В этом не было бы никакого вреда, если бы признавалось, что только грань, а не целое, является объектом изучения, но очень часто применяемый метод служит оправданием частным выводам. Поэтому мы имеем широко распространённую позицию, что совокупные возможности человеческого сознания ограничены типом, который характерен для объективной грани ума. Подобное положение не является состоятельным, и его несостоятельность может быть доказана соответствующими средствами. Здесь наука, в характерном западном понимании, не руководствуется принципом «хочу всё знать», а скорее закрывает глаза на знание, а потому не может оправдывать частные выводы. НАУКА, в смысле знания всего, не может ограничиваться объективным материалом, но также должна быть открыта другим возможностям познания. Западная психология скована в своих возможностях ограничением, налагаемым на её основы методологическими предрассудками. Соответственно, ум никогда не будет познан во всей своей полноте такими средствами.

Как представляется из западных методов исследования, ум явно испытывает трудности с самоопределением. Мышление следует за хотением и не способно долго двигаться самостоятельно. Таким образом, появляется концепция, что мышление – это лишь инструмент действия, тогда как последнее является прямым результатом конативного фактора в сознании. Очевидно, подобный взгляд сильно ограничивает предполагаемую область применения мысли. Помимо прочих следствий, он исключает возможность подлинного знания трансцендентного, которое как раз является фокусом настоящей работы.

Заслугой относительной компетенции западной психологии является то, что достигнутая ей интерпретация функционирования ума находится в субстанциальном согласии с описанием восточной психологией низшей грани. Эта последняя часто называется «кама манас», но поскольку «кама» на санскрите означает «желание», мы имеем смысл «желающий ум», а это очень легко отождествить с мышлением, ведомым желанием. Желание в мышлении – это, несомненно, *часть* истины, но не вся истина.

Никто не может говорить об истинности прочитанного или сказанного только на том основании, что это было прочитано или сказано. Западная наука настаивает на этом

не более самого великого Будды. Последний был даже более категоричен. Необходимо убедиться самому или, по крайней мере, быть в состоянии убедиться, прежде чем безоговорочно признавать что-либо не как возможность. Таким образом, мы не можем говорить о существовании внутренней грани ума, пока не познаем её непосредственно, но и не можем отрицать её в невежестве. Я говорю о существовании внутренней грани на основании прямого знакомства, и далее утверждаю, что всякий, кто удовлетворяет условиям, может познать её непосредственно путём трансформационного процесса.

Существует иная разновидность мышления, бесстрастная и самодостаточная, которая противоположна мышлению, направляемому желанием. Можно сказать, что это мышление происходит само по себе или стремится к этому, в зависимости от степени своей чистоты. Оно не связывается ни предрассудками относительного сознания, ни прагматическими интересами человека. Оно стремится быть авторитарным по форме и, обладая своей собственной логикой, игнорирует или стремится игнорировать ту часть логического процесса, которая ориентирована на объективные референты. Чаще всего оно выражает себя в афористической форме с той или иной несвязностью между положениями. Но эта несвязность – лишь поверхностная видимость. Аналогичную форму можно обнаружить в группах постулатов, формирующих основу для формально развитых систем математики, которые сами по себе не являются явным логическим целым, а скорее поставляют компоненты, из которых может быть развито логическое целое. Однако подлинные афоризмы отличаются от большинства групп математических постулатов тем, что последние обычно являются изобретениями непросветлённого ума, тогда как афоризмы – это спонтанный продукт просветлённого состояния. Они вполне могут служить постулатами для создания систематизированного логического построения, в таком случае их вполне можно считать аутентичными *аксиомами*, а не просто *фундаментальными допущениями*. Нечто в характере этого мышления я способен изолировать и, как следствие, разглядеть некий источник, из которого истекает афористическая мысль.

Существует четыре явных разновидности мысли, которые я могу отличить, с различными градациями и сочетаниями. Из них три используют или могут использовать вербальные концепции с той или иной адекватностью. Четвертая не имеет никакого отношения к любому словесному концепту, если рассматривать её внутреннее содержание. Поэтому эта последняя не связана с коммуникацией между различными центрами сознания. Другие три служат коммуникации в некотором роде.

В своей низшей форме мышление неразрывно связано с телесным существованием. Здесь мысль служит органической потребности и отношениям. Это – самое обычное мышление для каждого, и оно не является совершенно непостижимым для животных. Это мышление в абсолютном рабстве у желания, которое не имеет ценности, кроме служения организму. Очевидно, у него нет вечной ценности. Его языком могут служить как хрюканье и гримасы, так и высокоразвитое слово.

За этим следует мышление культурного человека. Это мышление освобожденных или частично освобожденных концепций, и поэтому слово является его наиболее подходящим средством. Такое мышление дает начало науке, философии, математике и, во многом, искусству. Оно в высшей степени членораздельно. В некоторых своих проявлениях оно достигает чистоты высшего порядка, но может быть в той или иной степени загрязнено низшим типом мысли. Большая часть человеческого мышления является подобной смесью. Даже те, кто знаком с этим мышлением на уровнях более высокой чистоты, не могут удерживаться на требуемом уровне дисциплины в течение продолжительных периодов бодрствующего сознания. Это – сознательно направляемое мышление и достигается ценой упорного труда. Написанное здесь в настоящий момент – такой тип мышления.

На глубочайшем уровне различимой мысли существует мышление, которое протекает само по себе. В чистом виде оно не содержит никаких концепций, которые

можно было бы облечь в конкретные слова. Оно скорее флюидно, чем гранулярно. Оно никогда не изолирует отдельные части, но неразрывно связано со всем. Всякая мысль вмещает Вечность, и всё же есть различимые мысли. Неделимое Вечное протекает перед умом, но при этом бесконечно окрашивается всё новыми безграничными возможностями. В этом мышлении нет труда. Оно просто есть. Оно не связано ни с какими желаниями, ни с какими образами, ни с какими символами.

Между глубочайшим уровнем мысли и сознательной и трудоёмкой мыслью существует четвертый уровень, который, в определённом смысле, является детищем этих двух. В высшей степени это мышление протекает само, однако сопряжено с вербальными концепциями. Здесь концептуальная мысль и трансцендентная мысль сочетаются в совместном действии. Однако низшее мышление органического существа не принимает в этом участия. Эта мысль приятная и истинная, но целиком понятная лишь тому, кто обладает Видением.

Лучшее в поэзии создано этим типом мысли. Это поэзия, которая затрагивает скорее душу, а не чувства человека. Это поэзия скорее содержания, чем формы. Но, прежде всего, на этом уровне мышления рождаются афоризмы – странная разновидность мысли, которая является и поэзией, и чем-то *большим*. Ибо она затрагивает мышление, равно как и чувство, тем самым интегрируя лучшее в человеке. Мистерия является неотъемлемой частью этого мышления.

* * *

Нетрудно распознать в трансцендентальном мышлении и органическом мышлении чистейшие формы высшей и низшей граней ума. Концептуальное и афористическое мышление являются производными этих двух.

Ошибочно считать концептуальное мышление исключительно детищем органической разновидности мысли – тем, что развивается *единственно*, чтобы служить адаптации живого организма к окружающей среде по мере увеличения трудностей. Оно способно на отстранённость, которую органическая жизнь никогда не могла бы породить. В своих лучших проявлениях оно более чем слегка окрашено бесстрастной потусторонностью трансцендентальной мысли. В нём есть нечто от трансцендентального и органического, иногда больше от одного, иногда больше от другого.

Именно в царстве этой разновидности мысли Запад опередил Восток. Это специфически западная сила. Её потенциальная служба в трансформационном процессе не обнаруживается в восточных руководствах. Здесь перед нами открываются новые возможности.

Афористическая мысль – дитя трансцендентной и концептуальной. Это – высшая форма членораздельной мысли. Тот, кто понимает, не может опереться в этом только лишь на концептуальные способности. Он должен также позволить пониманию вырасти изнутри.

¹ В данном случае я употребляю слово «ум» как синоним «манаса». Хотя подобная практика является вполне обычной, она не совсем правильная. Западное определение и употребление слова «ум» гораздо шире, чем таковое слова «манас», имеющего строго определённое значение. Более подробно об этом см. в «Путях к Пространству».

² Различие между двумя гранями ума кажется почти, если не полностью, тождественным проведенному Шри Ауробиндо в его «Жизни Божественной», где он использует концепции «поверхностного ума» и «сублиминального ума».

Глава 4. Афоризмы о Сознании-без-объекта

1. Сознание-без-объекта есть.
2. До появления объектов Сознание-без-объекта есть.
3. Хотя кажется, что объекты существуют, Сознание-без-объекта есть.
4. Когда объекты исчезают, оставаясь совершенно незатронутым, Сознание-без-объекта есть.
5. Вне Сознания-без-объекта нет ничего.
6. В глубинах Сознания-без-объекта находится способность осознания, проецирующая объекты.
7. Когда объекты проецируются, способность осознания предполагается как субъект, однако Сознание-без-объекта остаётся неизменным.
8. Когда рождается сознание объектов, тогда же возникает сознание отсутствия объектов.
9. Сознание объектов – это Вселенная.
10. Сознание отсутствия объектов – это Нирвана.
11. Внутри Сознания-без-объекта находятся как Вселенная, так и Нирвана, но для Сознания-без-объекта они суть одно.
12. Внутри Сознания-без-объекта находится семя Времени.
13. Когда осознание познаёт Время, рождается знание Безвременья.
14. Осознавать Время значит осознавать Вселенную, а осознавать Вселенную значит осознавать Время.
15. Постичь Безвременье значит достичь Нирваны.
16. Но для Сознания-без-объекта нет разницы между Временем и Безвременьем.
17. Внутри Сознания-без-объекта находится семя содержащего мир Пространства.
18. Когда осознание познаёт содержащее мир Пространство, рождается знание Пространственной Пустоты.
19. Осознавать содержащее мир Пространство значит осознавать Вселенную Объектов.
20. Постичь Пространственную Пустоту значит пробудиться к Нирваническому Сознанию.

21. Но для Сознания-без-объекта нет разницы между содержащим мир Пространством и Пространственной Пустотой.
22. Внутри Сознания-без-объекта находится Семя Закона.
23. Когда рождается сознание объектов, Закон призывается как Сила, вечно стремящаяся к Равновесию.
24. Внутри Сознания-без-объекта все объекты существуют как напряжения, которые вечно стремятся перетечь в свои собственные дополнения или противоположности.
25. Окончательным следствием перетекания всех объектов в свои дополнения является взаимное упразднение в полном Равновесии.
26. Сознание области напряжений – это Вселенная.
27. Сознание Равновесия – это Нирвана.
28. Но для Сознания-без-объекта нет ни напряжения, ни Равновесия.
29. Состояние напряжений – это состояние вечного становления.
30. Вечное становление – это бесконечное умирание.
31. Поэтому состояние сознания объектов – это состояние всё новых обещаний, переходящих в смерть в момент осуществления.
32. Таким образом, когда сознание привязано к объектам, агония рождения и смерти никогда не прекращается.
33. В состоянии Равновесия, когда рождение упраздняет смерть, постигается бессмертное Блаженство Нирваны.
34. Но Сознание-без-объекта – это ни агония, ни блаженство.
35. Из Великой Пустоты, которая суть Сознание-без-объекта, Вселенная творчески проецируется.
36. Вселенная, как она воспринимается, – это сотворённое отрицание, которое вечно сопротивляется.
37. Творческий акт – это блаженство, сопротивление – нескончаемая боль.
38. Бесконечное сопротивление – это Вселенная опыта, агония распятия.
39. Нескончаемое творчество – это Нирвана, Блаженство выше всякого человеческого разумения.
40. Но для Сознания-без-объекта нет ни творчества, ни сопротивления.
41. Вечное становление и вечное прекращение суть бесконечная деятельность.

42. Когда вечное становление упраздняет вечное прекращение, постигается Покой.
43. Бесперывная деятельность – это Вселенная.
44. Нескончаемый Покой – это Нирвана.
45. Но Сознание-без-объекта – это ни Деятельность, ни Покой.
46. Когда сознание привязывается к объектам, оно ограничивается формами, налагаемыми содержащим мир Пространством, Временем и Законом.
47. Когда сознание отстраняется от объектов, достигается Освобождение от форм содержащего мир Пространства, Времени и Закона.
48. Привязанность к объектам – это сознание, ограниченное Вселенной.
49. Освобождение от такой привязанности – это Состояние безграничной Нирванической Свободы.
50. Но Сознание-без-объекта – это ни ограниченность, ни Свобода.
51. Сознание-без-объекта можно символически представить ПРОСТРАНСТВОМ, не затрагиваемым присутствием или отсутствием объектов, для которого нет ни Времени, ни Безвременья; ни содержащего мир Пространства, ни Пространственной Пустоты; ни Напряжения, ни Равновесия; ни Сопротивления, ни Творчества; ни Агонии, ни Блаженства; ни Деятельности, ни Покоя; ни Ограниченности, ни Свободы.
52. Как нельзя отождествлять ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО со Вселенной, так нельзя отождествлять его ни с какой Самостью.
53. ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО – это не Бог, но объемлет всех Богов, равно как и всех меньших созданий.
54. ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО или Сознание-без-объекта суть Единственная Реальность, от которой все объекты и все самости зависят и происходят.
55. ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО объемлет как Путь Вселенной, так и Путь Нирваны.
56. Кроме ВЕЛИКОГО ПРОСТРАНСТВА нет ничего иного.

ОМ ТАТ САТ

Глава 5. Общее обсуждение Сознания-без-объекта

Афоризмы, составляющие материал предыдущей главы, следует рассматривать как символическое выражение кульминационной стадии Осознания, о котором сообщается во второй главе части 1. Непосредственное значение этого Осознания невыразимо и непостижимо в смысле концептов, означающих лишь то, что они призваны означать, и не больше. Неизбежно, всякие концепты имеют дело с содержанием в некотором смысле, поскольку они рождены стремлением субъекта осознать объекты и соотнести себя с объектами. Сознание-без-объекта – это не объект на том уровне, на котором оно постигается. Но как только мы начинаем пытаться выразить его словами, мы получаем вместо действительности своего рода смутное отражение. Это отражение можно использовать в качестве символа, указывающего на Реальность, но оно становится обманом, как только начинает рассматриваться как полноценный концепт. Изначальный символ может послужить основой для вполне логичных заключений, однако полное постижение Того, что символизируется, требует растворения самой способности репрезентации.

Существует два подхода к афоризмам. Их можно рассматривать как семена для внедрения в медитативное состояние, в этом случае они будут стремиться породить сущностно невыразимое Значение и Постижение, которое они символизируют. Это можно назвать их мистическим свойством. С другой стороны, их можно считать первичными аксиомами, на которых строится систематическая философия вселенной и её отрицания – Нирваны. В таком случае, они будут рассматриваться как основа для оценки всякого мышления и опыта. С точки зрения строгой логики их можно считать произвольными точно в том смысле, в котором любые допущения всякой математической системы являются логически произвольными. Чтобы определить, являются ли они чем-то большим, чем просто произвольные допущения, любому человеку потребуется прямое Гностическое Постижение той Истины, которую они символизируют, но если человек не обладает подобным Постижением, он может их оценить, как обычно оценивают всякую систему чистой математики или как произведение искусства. В последнем случае они будут оправданы, если обогатят сознание человека вне зависимости от какой-либо оценки их онтологической подлинности. Я предлагаю читателю подходить к афоризмам именно в этом ключе, если он не в силах найти им более глубокого оправдания.

Фундаментальным принципом данной философии является то, что эти афоризмы не основываются на опыте. В своём понимании здесь термина «опыт» я ограничиваюсь формулировкой болдуинского «Словаря философии и психологии». Эта формулировка исключает всякое использование термина «опыт» в отношении любого состояния сознания, могущего иметь абсолютный или вневременный характер. Основным положением является то, что опыт следует определять как обусловленное временем состояние сознания, в котором происходят события или процессы. Является или нет мышление с его продуктами частью опыта, или же «опыт» следует ограничить «грубой непосредственностью» феноменов до её анализа рефлексивным мышлением – не существенно для целей настоящей работы. Важно лишь то, что «опыт» следует понимать как обусловленность временем. Это, на мой взгляд, вполне соответствует значению данного термина в различных эмпирических философиях. Таким образом, когда утверждается, что афоризмы не основываются на опыте, это означает, что они основываются на сознании, не обусловленном временем. Конечно, их формулирование было событием и процессом во времени, но только как символ они обусловлены временем. Их значение и вес принадлежат тому, что за пределами опыта.

Я вполне отдаю себе отчёт в том, что некоторые философии утверждают или подразумевают, что всякое сознание неизбежно обусловлено временем. Но поскольку это недоказуемо, то имеет значимость лишь произвольного допущения, которому можно противопоставить простое несогласие. Данное утверждение или предположение несовместимо с тем, о чём говорить здесь, какие бы формы оно ни принимало. В данном

случае я просто не соглашаюсь с подобным утверждением и заявляю, что существует Изначальное Сознание, которое не обуславливается временем. Вполне можно утверждать, что человеческое сознание, как человеческое, всегда обусловлено временем, но это было бы равнозначно частному определению того, что понимается под человеческим сознанием. В таком случае не обусловленное временем сознание можно было бы назвать сверхчеловеческим или нечеловеческим. Я вполне готов согласиться с данной точкой зрения, но добавил бы, что в человеческих силах превзойти пределы человеческого сознания и тем самым достичь более-менее адекватного понимания факторов, ограничивающих сферу человеческого сознания как человеческого. Термин «человеческое» в таком случае определял бы некоторый отрезок на шкале сознания – наподобие октавы на шкале электромагнитных волн. Таким образом, настоящая система подразумевает, что, в принципе, для сознательного существа возможно смещать сферу своего сознания вверх и вниз по шкале. Когда такое существо фокусируется на человеческой октаве, можно называть его человеком, но когда оно сфокусировано на других октавах – оно уже не человек. С точки зрения логики это просто вопрос терминологии, и я вполне готов рассматривать человеческое всего лишь как стадию в сознании при условии, что догматически не утверждается невозможность для сознания и самотождественности переходить от стадии к стадии. Исходя из подобного положения данную философию следует считать вкладом не в гуманизм, а в трансгуманизм.

* * *

«Критику чистого разума» я считаю философским трудом высочайшего значения. Наиболее значимым положением этой работы представляется то, что чистый разум, действуя сам по себе, не способен решить онтологические проблемы. Разум может трудиться над данным ему материалом, но сам не способен предоставлять материал. Если материал поставляется опытом, то разум приходит к выводам, которые действительны также в сфере опыта. Однако разум имеет под собой некую трансцендентальную основу, и поэтому является чем-то большим, чем опыт, хотя было бы невозможно распознать и изолировать разум до того, как сознательное существо получило опыт. Трансцендентальная основа – это предсуществование, определяемое после факта опыта. Итак, если рассматривать кантовский критицизм как своего рода описание определённой сферы сознания, то его вполне можно считать правильным на постоянной основе в своих основных положениях. Я склонен полагать, что это так. Но я задаюсь вопросом, покрывает ли его анализ всю сферу человеческого сознания. Очевидно, он более предназначен для той определённой фазы человеческого сознания, которой принадлежит западная наука. Во всяком случае, это – не анализ субчеловеческого сознания, такого как сознание животных, и он не подходит также к формам сознания, обнаруживаемым в различных мистических состояниях.

Со своей стороны, я вовсе не утверждаю, что чистый разум, действуя исключительно в формальном смысле или же используя материал опыта, может продемонстрировать трансцендентальную реальность. Напротив, эта реальность должна быть постигнута непосредственно, чтобы обрести более чем гипотетическое существование. Но, если предположить, что человек пробудился к трансцендентальному постижению, то для него возможно выразить трансцендентное посредством концептов, когда последние понимаются в символическом смысле. Подобные концепты могут тогда служить в качестве изначального материала, над которым разум может трудиться и делать выводы. Может оказаться, что некоторые или все эти выводы будут иметь значение в сфере относительного сознания, включая опыт. Не думаю, что такая система неизбежно окажется настолько компетентной, что сделает опыт, как таковой, ненужным. Она может дать лишь то, что опыт, сам по себе, не может дать, а именно интегрирующую структуру, способную вместить любой опыт, каким бы непредсказуемым ни было его специфическое качество. Опыт как грубая непосредственность не определяет свой собственный смысл.

Данная «грубая непосредственность», заключённая в структуру традиционной христианской теологии, имеет совершенно иной смысл, нежели тот, который определяется физической наукой. Ни одна из этих структур не создаётся и не доказывается опытом. С точки зрения логики они просто являются предположениями, служащими основой для наблюдения, анализа и интерпретации. Исторически, каждая снабдила человеческое сознание позитивными ценностями, и по этой причине смогла просуществовать значительный период времени. Но сегодня мы знаем, что обе неадекватны. Наша наука обеспечила власть над внешней природой, которую древняя теология не могла достичь, однако взамен она оставила очень существенную часть требований человеческого сознания неудовлетворённой – факт, подтверждаемый ростом психозов и парапсихозов.

* * *

Трансцендентальная реальность не может быть доказана логикой или испытана в смысле обусловленности временем, но она может быть *постигнута* мистически. Невозможно доказать существование Бога, свободы, бессмертия или любой другой предполагаемой метафизической реальности в научном смысле доказательства. Что касается этих вещей, то утверждать или отрицать их – ненаучно. В компетенцию всякого учёного как учёного не должны входить ни вера, ни неверие. Но вера или неверие могут существенно затрагивать его как полноценное человеческое существо. Есть огромная разница между человеческим сознанием богатым и полным уверенности и тем, которое жаждет и не уверено, и эта разница важна для самой относительной жизни, хотя и не влияет на техническую научную компетенцию. На практике люди допускают многое, чего они не знают, и что не может быть познано в рамках методологии физической науки. Вопреки себе люди используют трансцендентальные допущения даже тогда, когда допущением является отрицание возможности трансцендентальной реальности. И всё это оказывает существенное влияние на жизнь, как она действительно проживается.

Человек, не постигший трансцендентное, в мистическом смысле постижения, не свободен от необходимости действовать с позиции «может быть» в отношении некоторой трансцендентальной основы, формирующей его взгляды на жизнь. Опуская мистическую уверенность, об относительных выгодах одного «может быть» в сравнении с другими следует судить по тем ценностям, которое оно привносит в жизнь, как она действительно проживается. Ни один догматик, ни церковный, ни научный, не имеет права лишать любого человека свободы выбора своего исключительно трансцендентального «может быть». Подобное «может быть» никогда не будет противоречить грубой непосредственности опыта, поскольку оно относится к смыслу или значению, а это уже совсем другое измерение сознания. Например, научное определение того, что функционирование желёз внутренней секреции в случае данного индивида отличается от нормы, не доказывает ничего в отношении качества сознания этого индивида. Отклонение от нормы может быть, а может и не быть, опасным для жизни, но, в любом случае, оно неуместно при рассмотрении качества сознания. Мы попросту имеем дело с совершенно иным измерением сознания.

Афоризмы можно рассматривать как частное «может быть» для интеграции в терминах смысла всего относительного сознания. В таком случае нет нужды поднимать вопрос об их истинности или ложности в научном смысле. На самом деле, они не истинны и не ложны, если оценивать их так, как это делается в физической науке. Они лишь обеспечивают основу для интеграции относительного сознания. Их можно считать обладающими исключительно философской значимостью, хотя для меня они, несомненно, укоренены в метафизическом. Для меня они не просто «может быть», хотя я совсем не против придания им такого статуса как минимальной основы в целях нашего обсуждения. Но даже если оставить в стороне вопрос метафизической реальности, нельзя не отметить огромную практическую разницу между «я», не находящимся в гармонии с «не-я», и «я»,

достигшем гармоничной интеграции с «не-я». Путь к этой гармоничной интеграции в своих менее радикальных фазах известен как «обращение», а при большем развитии – как «мистическое пробуждение». То, что эти афоризмы имеют способность производить подобные трансформации, я уже продемонстрировал эмпирически на других. Этого факта, самого по себе, достаточно для подтверждения их пользы в качестве основы «может быть», по крайней мере, в принципе.

В своей книге «Танец жизни» Хэвлок Эллис развивает тезис о том, что и наука, и философия являются искусством, а потому имеют то же оправдание, что и всякое другое искусство, по крайней мере. Иными словами, обе являются творческими конструкциями, чем бы ещё они ни были. В этом отношении позиция Хэвлока Эллиса созвучна моей. Это попросту означает, что подлинная философия – это ещё и Путь Жизни, помимо того, что она является системой понятий. Я считаю, что афоризмы обеспечивают основу, действительную в обоих этих смыслах. Однако критицизм может дать им совсем другую оценку в зависимости от избранного смысла. В любом случае, я настаиваю на их способности определять Путь Жизни. Иными словами, прежде всего остального они определяют религиозную позицию. Но для меня лично никакая религиозная позиция не будет удовлетворительной, если она, по крайней мере, не является философски и математически адекватной, а в пределе – не объединяет должным образом все фазы сознания. Однако я прошу читателя рассматривать и, по возможности, принимать данную философию как произведение искусства, если на большее его не хватает.

* * *

Основа интеграции, закладываемая афоризмами, – это радикальное утверждение первичности Сознания. В этом отношении данный тезис противоречит позиции, занимаемой так называемыми научными философиями. В случае последних, материя, вещь или отношения считаются изначальными, и тогда сознание представляет собой проблему. «Каким образом во вселенской машине возникло сознание?» Это стало самой загадочной из тайн. Я утверждаю, что эта тайна – искусственная и возникает от принятия неправильной точки отсчёта. Ибо «материя», «вещь» и «отношение» суть творчески сконструированные понятия, но никак не изначально данный материал. Наоборот, сознание изначально и предполагается в самой способности распознавать и формулировать проблему. Есть нечто стерильное в спекуляциях относительно того, что находится совершенно вне сознания. Подобно тому, как свет никогда не постигнет тьму, по той простой причине, что тьма исчезает, когда свет проникает в неё, так же несознание исчезает, когда сознание пронизывает его. Таким образом, всякий элемент, включённый в какую-либо спекуляцию, находится, неизбежно, в сфере сознания. Вечное несознание, во всяком случае, неотличимо от абсолютного ничто, если не тождественно ему. Его просто *нет* для каких-либо практических или полезных теоретических целей. Мы знаем это, даже если больше ничего не знаем: Сознание есть. Ибо оно предполагается даже в признании невежества равно как и в агностической и скептической позициях. Но хотя каждый человек является живой демонстрацией самому себе того, что сознание есть, не каждый постигает, что сознание-без-объекта есть. Радикальное новшество моей философии заключено в этом «без объекта». Именно здесь обнаруживается разница между состоянием сознания, которое всего лишь относительно или насыщено грубой непосредственностью и ничем больше, и состоянием сознания глубокого мистического постижения. Однако сознание является общим знаменателем, лежащим в основе всякой философии, мировоззрения, религиозной позиции, искусства или науки. Поэтому я утверждаю системную первичность сознания как такового.

Когда сознание озабочено объектами, в игру вступают взаимоотношения и, соответственно, всякого рода расхождения. Удалите содержание – только Сознание-без-объекта остаётся как общий знаменатель. При рассмотрении в чисто теоретическом ключе оно имеет простое качество абстракции. Я продемонстрировал его реальность в прямом

постижении, однако считаю его достижение наиболее трудным делом, если начинать с относительного сознания. Однако, будучи достигнутым, оно представляет собой простейшую из вещей. Когда я говорю, что Сознание-без-объекта есть, я подразумеваю его независимость и самодостаточность. Всё остальное может быть только символом. Проблемы касательно генезиса специфических символов могут быть очень сложными и требовать всех сил высокоразвитого интеллекта. Но Сознание-без-объекта является непоколебимой основой и, поэтому, уверенностью, превосходящей как неподтверждённую веру, так и относительное знание.

Так же, как я утверждаю зависимость всякого содержания от Сознания-без-объекта, я утверждаю соответствующую зависимость Самости и всех самостей, поскольку существование самости подразумевает существование объектов, будь то грубых или тонких, а существование объектов, в свою очередь, подразумевает наличие самости, осознающей их. Объект и самость суть полярные экзистенции, которые взаимозависимы. Понятие сознающей самости, лишённое того, что осознаётся, никак не соответствует действительности. Объект может быть очень абстрактным, как, например, чистое сознание, рассматриваемое как объект, но анализ всегда раскрывает полярные взаимоотношения. Субъект суть обратная сторона объекта или, иными словами, его противоположность. Так, например, объектом является вся совокупность опыта, которая явно многообразна и неоднородна. В свою очередь, чистая самость, понимаемая как полярная способность *осознавания*, унитарна и однородна. Понимаемый абстрактно объект как таковой – это не вселенная, а просто множество без взаимосвязей и поэтому даже не упорядоченный набор. *Вселенная* – это результат взаимодействия самости и её объекта, то есть бессвязное многообразие, интегрированное посредством единства самости.

* * *

Техника высшей Йоги должна, на наш взгляд, означать изоляцию чистой субъективности как Самосознания, полностью лишённого содержания. Подлинным смыслом этой техники будет, однако, смещение фокуса сознания *в сторону* чистой субъективности и прочь от объективности, когда цель является своего рода пределом, к которому можно бесконечно приближаться, но которого никогда нельзя достичь, пока какая-либо самость остаётся. Окончательно достичь цели значит уничтожить субъект равно как и объект, и тогда остаётся чистое Сознание-без-объекта – состояние, которое равно является и чистым Сознанием-без-субъекта. Но пока есть движение к чистой субъективности, цель недостижима, подобно тому, как последний член бесконечно сходящегося ряда никогда не может быть достигнут пошаговым процессом.

Практикующий Йогу начинает с сознания, действующего во вселенной опыта и мысли, и в состоянии самости, вовлечённой в объекты. Это – обычное состояние человеческого сознания. Вовлечённость в объекты приводит к принятию самостью качеств, на самом деле присущих только объектам. Это состояние сродни гипнозу и является подлинным рабством – великой причиной страдания. Первый шаг йогической техники – это постепенное отвлечение самости и дегипнотизация сознания. Процесс представляет собой радикальное растождествление самости и объектов. В завершении первой стадии самость оказывается противопоставленной вселенной объектов как нечто противоположное ей. Объекты теперь попросту наблюдаются как нечто внешнее, а отождествлённость с ними исчезает. Эту стадию можно охарактеризовать суждением: «Я не это», где «это» означает все возможные объекты. Вторая стадия сопровождается радикальной реорганизацией, когда самость смещается на иную плоскость или основу, где отношения исчезают, и самость постигается как тождественная содержанию сознания. Поверхностно это может показаться возвратом к первоначальному отождествлению или вовлечению, но, на самом деле, это не так, поскольку произошло смещение основы. Содержание сознания теперь противоположно тому, с которого начинает практикующий.

Разницу можно уяснить, представив все объекты в первоначальном состоянии как завихрения или пустоты в неосязаемой и всезаполняющей среде. Сознание, с которого стартует Йога, осознаёт исключительно завихрения или пустоты – целый мир предполагаемых вещей, в то время как результирующее сознание, на данном этапе, функционирует в неосязаемой среде. Эта среда постигается как Самость, тождественная содержанию сознания – состояние, о котором постоянно сообщают мистики. Как будто «я», бывшее первоначально точкой во вселенной и окружённым объектами, внезапно стало пространством, вмещающим все объекты. Но всё ещё остаётся самость, которая осознаёт, которая сохраняет собственную идентичность и, можно сказать, имеет содержание, которое противоположно опыту, ибо такая самость определённо воспринимает такие качества, как блаженство, покой, свобода. Более известное наименование этого состояния – Нирвана.

Большая часть литературы по данному предмету считает Нирвану окончательным достижением, но это – ошибка. Нирвана – это просто противоположность вселенной, а значит не является окончательным превосхождением пар противоположностей. Есть ещё более продвинутая стадия Йоги. Чтобы понять эту стадию, необходимо пересмотреть значимость первого шага, рассматриваемого как аффективная трансформация. В аффективных терминах первый шаг часто называется отречением от вселенной, то есть устранением всякой привязанности к объектам. Успешное осуществление первого шага приносит очень высокую награду – сознание, действующее в субъективном или обратном смысле. Такое достижение чрезвычайно притягательно, но притягательность подразумевает самость, которая остаётся идентичной, а значит всё ещё находящейся под влиянием оценок. Итак, окончательной стадией Йоги является отречение и от Нирваны, что означает отречение от всякой притягательности и награды. Подобное отречение подразумевает полное уничтожение всех требований самости, которая остаётся во всех смыслах уникальной. И сознание как объект, и сознание как субъект теперь аннулируются. Остаётся просто Сознание-без-объекта, которое, в свою очередь, вмещает как вселенную, так и Нирвану в виде потенциалов. Данная стадия является завершением Йоги.

* * *

Современная физика и астрономия выработали спекулятивную концепцию, которая, в определённом отношении, является перевёрнутым отражением представленной здесь точки зрения. Эта интерпретация сделана на основании фактов, ставших известными в последние десятилетия, отчасти благодаря развитию инструментов наблюдения и отчасти благодаря прогрессу в теории. Теперь представляется вполне очевидным, что прежняя концепция материи, состоящей из неизменных и неделимых атомов, не в полной мере объясняет факты опыта.¹ Стало необходимым рассматривать атом как состоящий из ещё более мелких частиц, таких как электроны, протоны, позитроны и так далее, которые, в свою очередь, подвержены изменениям в определённых условиях. Когда происходит такое изменение, кажется, что плотная материя переходит в состояние лучистой энергии. Такой процесс, очевидно, происходит в звёздах непрерывно и является источником энергии, идущей от них к поверхности Земли. Очевидно, тогда, что звёзды являются центрами дезинтеграции в том смысле, что материя, сконцентрированная в телах в далеко отстоящих друг от друга точках пространства, трансформируется в лучистую энергию, распространяемую по всему пространству. Всё это наводит на мысль, что различные звёздные системы, в конце концов, исчезнут как массы плотной материи, а на их месте окажется пространство, равно заполненное лучистой энергией. С другой стороны, наблюдения многочисленных внегалактических туманностей показывают, очень убедительно, что как звёзды, так и системы звёзд возникают вследствие агрегации более или менее однородной и аморфной материи в концентрированную и более или менее организованную форму. Эти различные факты наблюдения, сочетаемые с теорией, приводят к следующим выводам:

- a. Если историю звёздного мира отмотать назад на достаточный промежуток времени, мы обнаружим стадию, когда не существовало звёзд, а только более или менее однородная материя и радиация равномерно заполняли пространство.²
- b. Если представить жизнь звёздных систем в далёком будущем, можно увидеть, что большая часть материи, если не вся материя, перешла в состояние радиации, заполняющей всё пространство.
- c. Два понятия сохранения массы и энергии должны быть объединены в концепцию постоянной Энергии, которая может проявляться в формах либо плотной массы, либо полевой энергии, последняя включает в себя то, что называется радиацией.

Вышеназванные концепции оставляют нам единственную константу или «инвариант», а именно Энергию, которая может представлять собой в одно время плотную материю, а в другое – переходить в состояние лучистой энергии.³ Если теперь мы заменим «Сознание-без-объекта» понятием «Энергия», «Вселенную» в смысле всех объектов понятием «плотная материя», а «Нирвану» понятием «состояние радиации», мы прочтём наши первые афоризмы следующим образом:

1. Энергия есть.

2. До появления плотной материи Энергия есть.

3. Хотя кажется, что плотная материя существует, Энергия есть.

4. Когда плотная материя исчезает, оставаясь совершенно незатронутой, Энергия есть.

5. Вне Энергии нет материи.

...

11. Внутри Энергии находятся как плотная материя, так и лучистая энергия, но для Энергии они суть одно.⁴

Данная физическая концепция имеет высший порядок теоретической красоты, и я считаю её одним из величайших творений научного искусства. Она производит очень существенное концептуальное упрощение и позволяет нам описать широкий спектр трансформаций в природе в рамках, по сути своей, простой объединительной концепции. Однако, то, что мы имеем, – это конструкция творческого интеллекта, отчасти работающего с материалом, данным наблюдением, а отчасти обусловленного этим наблюдением. Мы не имеем права утверждать, что данная теория, или любая её модификация, могущая появиться в будущем, суть природа, как она есть, отдельно от сознания всех мыслителей. Вопрос истинности или подлинной значимости всякой теории должен рассматриваться в связи с сознающим мыслителем. Далее, у нас нет права утверждать догматически, что, даже несмотря на то, что для нашей науки эта теория может оказаться окончательно верной, она неизбежно окажется таковой для любого компетентного мыслителя. На самом деле вполне возможно и даже очень вероятно, что учёные совершенно иной культуры, но сопоставимой по своему уровню с нашей и обладающей подобными средствами исследования, тем не менее, создадут совершенно иную теоретическую структуру для организации своего опыта. Однако это несколько не умаляет относительную значимость вышеназванной теории для нашей нынешней культуры.

Значимость теории или любой концептуальной формуляции заключается в том, что она даёт разумному сознанию основу для ориентации и достижения целевого контроля и интеллектуального понимания в море опыта. В строго метафизическом смысле, то есть в смысле, не связанном с каким-либо конкретным мыслителем, никакая концептуальная формуляция не является истинной или ложной. Данное просто неуместно. С другой

стороны, и опыт не может доказать истинность или ложность всякой фундаментальной теории, хотя им можно проверить различные производные теории.⁵

Если рассматривать фундаментальные теории – первичные основы или отправные точки – только как допущения, тогда вся наука оказывается основанной на неуверенности и не предоставляет никакой надёжности. Но если фундаментальные теории основаны на прозрении – мистической функции – то тогда наука отталкивается от базовой уверенности, по сути, того же типа, который присущ мистическому пробуждению. Всё это попросту означает, что наука, полностью лишённая религиозного духа, суть не более чем стерильный формализм. Фактически, многое в нашей науке далеко не стерильно, но тогда в ней действительно много подлинной религии. Этот фактор заслуживает большего теоретического признания, а его значение следует оценивать более адекватно.

* * *

Нетрудно понять, что фундаментальные теории науки имеют природу сознания, поскольку существуют для нас только как мысли, сознательные мысли. Но такие теории содержат термины, указывающие на референтов, которые, в определённом смысле, имеют объективное существование. Сначала можно подумать, что эти референты должны находиться вне сознания. Однако легко показать, что даже здесь мы не имеем дела с материалом извне сознания, хотя он находится или обнаруживается в другом подразделе сознания, чем тот, которому принадлежит интерпретирующая теория. Мы можем проиллюстрировать это, обратившись к одному из наиболее объективных понятий всей физической науки. Это понятие массы.⁶

Когда мы задаёмся вопросом, что такое «масса», мы обнаруживаем, что она, в конечном счёте, определяется двумя способами:

1. Масса измеряется инерцией в поле силы.
2. Масса измеряется весом в гравитационном поле стандартного объёма материи, то есть Земли.

«Инерция» – это название сопротивления, которое тело противопоставляет усилию («силе»), стремящемуся ускорить его движение или замедлить его движение. «Вес» – это название усилия («силы»), требуемого, чтобы удерживать тело против так называемой силы тяжести. Но что мы понимаем под сопротивлением и усилием? Здесь мы покидаем концептуальную систему и вступаем в царство данных опыта. Сопротивление и усилие суть чувственные опыты, в которых, в частности, задействовано кинестетическое чувство. Таким образом, по крайней мере, в том, что касается человека, обе эти «силы» существуют в сознании. Предполагать, что они существуют вне сознания и независимо от него, значит создавать спекулятивную догму, которая по самой своей природе никогда не может быть проверена. Ибо проверка всегда осуществляется в сфере сознания. Это попросту другой пример того, что сознание никогда не сможет познать абсолютное несознание, ибо там, где есть сознание, несознания нет. Несомненно, спекулятивная теория может допускать, что существует нечто вне сознания, но такое допущение из разряда «может быть», которое никогда нельзя проверить ни мистически, ни каким-либо иным способом. Такое допущение может иметь относительную ценность, но не будет иметь вес, а значит не сможет противостоять разумному праву всякого отрицать его.

Мы знаем непосредственно, что сознание есть, но мы не знаем, что масса есть, непосредственно. Всё, что мы знаем относительно последней, – это то, что существуют системные конструкции, оперирующие понятием массы, и это даёт человеку большую власть над природой и устанавливает большую гармонию между сознательным человеком и видимым окружением, в котором он обнаруживает себя. Но всё это – величины внутри сознания.⁷

С точки зрения Сознания-без-объекта нет необходимости предполагать существование абсолютного несознания. Остаётся лишь различие, которое следует проводить между разными типами и уровнями сознания и, в частности, между сознанием,

не осознающим себя, и сознанием, осознающим себя. Это оставляет достаточно простора для существования чего-то большего, чем «сознание-которое-осознаёт-себя» или «самосознание», а значит нечто может втекать и вытекать из рефлексивного сознания. Это, я полагаю, всё, что необходимо науке для объяснения фракционного характера данных опыта. Кроме того, моя точка зрения исключает вопрос: как возможно, что в абсолютном несознании появилось сознание. Первичное Сознание – вот всё, что есть, и только самосознание становится.

Хотя теоретически невозможно сознанию постичь то, что абсолютно вне сознания, нет теоретического препятствия для безграничного роста самосознания из Первичного Сознания, ибо самосознание сделано из того же самого вещества, что и сознание. Растущее постижение Первичного Сознания самосознанием – это, попросту, случай света, познающего Свет. Свет не может познать тьму, поскольку, где есть свет, там нет тьмы, но свет, в принципе, может познавать свет, имея с ним одинаковую природу.

Противоположным сознанию как единственному существованию выступает контрпонятие пустоты. В данном случае пустота суть то, чего нет, что не имеет субстанции. Итак, если бы ни пустоты, ничего бы не было в Первичной Среде Сознания, что стимулировало бы к появлению самосознания. Пустоты можно рассматривать как области напряжения, в которых сознание отрицает себя, тем самым затемняя себя в той или иной степени. Такие пустоты имеют свойство нарушения первоначального равновесия. Мы можем считать это нарушение действующим как раздражитель, побуждающий сознание осознать себя. Это пример *отсутствия*, пробуждающего способность осознавать *присутствие*. Здесь мы имеем основу для объяснения эволюционного развития. Вместо того чтобы считать его процессом, в котором сознание появляется из механической мёртвой природы, мы постигаем его как постепенное развитие самосознания в матрице Первичного Сознания. Игра и взаимодействие пустот, а не атомов внешней и мёртвой материи, суть изнанка вселенной объектов. Эти пустоты привлекают внимание сознания просто в силу своей болезненности. Сфокусированная сила, порождённая вниманием во времени, становится самосознанием или способностью осознавать сознание. Многообразные комбинации пустот создают всевозможные конфигурации опыта и мысли, которые, в свою очередь, имеют свойство символов, оказывающихся, в конечном счёте, всего лишь вспомогательными. Символ указывает на предсуществующий и бесформенный Смысл. Когда любым индивидуальным центром сознания⁸ Смысл постигается непосредственно, без помощи символов, тогда для этого индивидуума эволюция сознания в сфере сознания объектов заканчивается. Но до этого символы необходимы.

Теперь мы в состоянии определить метафизическую функцию науки. Она заключается в постепенном развитии системы символов, грубый материал которой поставляется опытом. Наука – во всяком случае, физическая наука – не занята изучением действительных сущностей. Её грубый материал состоит из пустот или отсутствий. Они формируются в системы отношений, имеющие значимость для расширения самосознания и формирования символа сокрытого Смысла. Таким образом, с точки зрения данной философии, труд учёных очень ценен, вне зависимости от форм рабочих гипотез, которыми они пользуются. Единственный момент, когда данный взгляд может вступить в противоречие с мышлением любого конкретного учёного, возникает тогда, когда последний применяет ненаучное объяснение к материалу, с которым он работает, и к своим выводам. Техническое назначение науки не требует, чтобы её материал был субстанциальным. Оно лишь требует, чтобы этот материал укладывался в разумную систему отношений.

* * *

Наиболее фундаментальным принципом данной философии является то, что сознание, как таковое, изначально и первично, а не является просто атрибутом чего-то

другого. Однако «сознание», как оно здесь понимается, не является синонимом «духа», поскольку обычно духовные или идеалистические философии считают дух первичным, а сознание – атрибутом духа. Это оставляет возможность, что дух, в какой-то фазе своего совокупного бытия, может быть несознательным, и поэтому сознание сводится к частному и производному аспекту. Пусть будет ясно, что здесь не предполагается первичность духовного или какого-либо ещё существа. Наоборот, Сознание *есть*, прежде чем всякое существо *становится*. Таким образом, «Бог», рассматриваемый либо как существо, либо просто как интегрирующий концепт, в любом случае, является производным. Мы можем на полных основаниях считать определённые уровни сознания, которые превосходят человеческую форму сознания, Божественными. Все термины, происходящие от понятия Божественности, определённы, имеют очень высокую психологическую значимость, по самой меньшей мере, и я пользуюсь ими. Но я не считаю их соответствующими предельным ценностям.

По давно устоявшейся философской традиции «дух» можно понимать в том же смысле, что и «Самость» или «Бог». Следуя этому обычаю, можно сказать, что когда рождается сознание объектов, дух также рождается как дополняющий его или субъективный принцип. Если считать объекты эквивалентом материи, то дух и материя выступают как взаимозависимые понятия. Ни один из них не возможен без другого, хотя дух можно считать позитивным, а материю – негативным принципом.

* * *

Предполагать, что сознание изначально и самосуще не значит, что *Бытиё* зависит от *познания*. Ибо хотя познание – это функция сознания, оно не тождественно сознанию. Так, аффективные и конативные состояния сущностно некогнитивны, хотя являются неотъемлемой частью сознания. Я предполагаю, что чистое сознание – это самосущий antecedent всех этих привычных форм сознания, равно как и не столь известных мистических состояний, а также форм сознания, характерных для других существ. С другой стороны, «знать» не значит *«быть»* в смысле antecedenta, а не следствия. Познать значит осознавать реальность – в данном случае относительную реальность – Бытия. Осознавание этой реальности суть нечто достигаемое, но достижение не создаёт реальность. Однако *быть познанным* значит *существовать*, и это действительно следственное или производное существование. Бытиё – это *antecedent*, существование – *следствие*.

Быть познанным значит быть объектом. Поскольку под «вселенной» я понимаю совокупность всевозможных объектов, следовательно *существование* вселенной зависит от её познания. Вселенная существует для того, кто воспринимает или мыслит, и ни для кого больше. Даже натуралист, считающий, что *вещи* существуют отдельно от сознания, на самом деле имеет дело только с тем, что существует в его сознании. Он не знает ничего, что лежит вне его сознания, и только дурачит себя, когда воображает, что знает. Знание – это Свет, рассеивающий тьму, а значит оно никогда не постигнет тьму. Бесполезно предполагать существование во тьме абсолютного, непостижимого несознания в каком-либо смысле, поскольку совершенно невозможно проверить такое предположение. Подобное предположение не только нефилософично, но и ненаучно, ибо наука требует от всех гипотез, чтобы они поддавались проверке. На деле, наука идёт ещё дальше, чем мистика, требуя, чтобы проверка была такого типа, который соответствует формам сознания обычного немистического человека. Таким образом, учёный, процветающий на ниве натуралистической философии, нарушает свои собственные научные каноны самым грубым образом. В данном случае именно идеалист последователен в своей методологии, а не так называемый научный философ.

Все *вещи* существуют как объекты и не иначе. В особенности это справедливо для того, кто воспринимает или мыслит. Отключить способности восприятия и мышления значит уничтожить вселенную, но это не означает аннигиляцию сознания в Гностическом

смысле. Сознание остаётся в Нирваническом Состоянии. Если самосознание развито до такой степени, что способно выстоять в процессе отключения, тогда оно осознает Нирваническое Состояние, в противном случае это Состояние подобно сну без сновидений. Но сон без сновидений следует рассматривать просто как состояние сознания, в котором самосознание – то есть сознание, осознающее себя, – не пробуждено. Все люди пребывают в Нирване в глубинах своего сознания. Нирвани, в техническом смысле, по сути, отличается от обычного человека только тем, что он перенёс самосознание в глубины.

Здесь я не утверждаю ничего, что не может быть проверено, ибо, предприняв соответствующие шаги, человек действительно способен перенести самосознание в глубины. По общему признанию, это не просто сделать. Это требует гораздо большего, чем проверка обычной научной гипотезы. Но это было сделано. Я осуществил это, и я обнаружил изобилие литературы, предлагающей свидетельства других, также утверждающих, что осуществили это. Подобная литература появлялась во все известные нам исторические периоды, и во всей ней прослеживается общая линия смысла под спудом более или менее невероятных предрассудков. Представители разных культур, народов и верований внесли свой вклад в это общее свидетельство. Они согласны в отношении сознания особого квалы, и что основой этого сознания было прямое постижение, превосходящее как веру, так и авторитет. Таким образом, настоящий тезис никоим образом не нарушает научное требование о том, что суждение о действительности или реальности должно поддаваться проверке. Однако данная проверка требует выхода за пределы обычных форм сознания, тем самым отменяя вторичное требование западной физической науки. Однако это вторичное требование ограничивает нашу науку узкой областью и имеет только прагматическое значение, поскольку нельзя доказать, что обычные формы человеческого сознания суть единственно возможные формы. Таких доказательств не существует и не может существовать, ибо самое большое, что человек мог бы утверждать, что он лично не обладает никакими иными формами сознания, но это ничего не доказывает относительно сознания *per se*.

* * *

Современная психология проводит различие между объектами, которые она называет реальными, и объектами, которые она называет галлюцинациями. С точки зрения Сознания-без-объекта нет существенной разницы между этими двумя наборами объектов. Так называемые реальные объекты воспринимаются целыми группами людей, тогда как галлюцинации, обычно, приватны. Это попросту социальный критерий реальности, и не имеет логической силы. По сути, это так же бессмысленно, как утверждать физические законы общим голосованием. Несомненно, если бы Ньютон со всеми своими прозрениями и непревзойдёнными интеллектуальными способностями был помещён в примитивное общество и судим своим окружением, его бы сочли безумцем, чьё сознание наполнено галлюцинациями. Общественное мнение о реальности противоречило бы его мнению. Наше общество достигло уровня, когда оно способно проверить прозрения Ньютона, в значительной степени, однако истинность этих прозрений не зависит от способности общества проверить их. Всё это попросту означает, что если объекты существуют для данного человека *приватно*, этого недостаточно ни для того, чтобы считать их реальными, ни для того, чтобы считать их нереальными галлюцинациями. Проблема реальности не должна решаться в такой примитивной манере. На самом деле, подобный метод суть явная интеллектуальная тирания. Вполне возможно, что общество, а не конкретный человек, более безумно. Я лично склонен так полагать.

Объекты, будь то обычного общественного типа или так называемые галлюцинации, существуют для способностей восприятия и мышления, а потому и те, и другие производны. Если под «Реальностью» мы понимаем нечто производное, тогда оба типа объектов нереальны. В более узком или прагматическом смысле один тип

объектов можно считать более реальным, чем другой, в зависимости от цели. Вполне может быть, что в более узком смысле для целей западной физической науки общественный объект более реален, но с религиозной точки зрения, по крайней мере, в определённых случаях, обратная оценка, скорее всего, окажется справедливой. Но здесь мы имеем не более чем оценку в отношении специфической цели.

Некоторые мистические состояния, возможно большее их число, включают в себя восприятие тонких объектов того типа, который психологи называют галлюцинациями. На практике это имеет следствием признание мистика психотиком, явно с намерением общего осуждения. Подобная практика свидетельствует как об интеллектуальной лени, так и об отсутствии проницательности. Поскольку «галлюцинации» попросту означают частный опыт в отличие от общественного опыта, их наличие или отсутствие не является подлинным критерием оценки. Часто существует целая пропасть между теми или иными так называемыми галлюцинациями. Состояние сознания Сведенборга отстоит от состояния сознания алкоголика в белой горячке как небо от земли. Но слишком уж часто психологи называют оба состояния галлюцинациями и ведут себя так, будто, дав имя, решили проблему. В действительности, проблема здесь – это проблема оценки, как и в случае с общественными объектами. Главный вопрос в обоих случаях таков: насколько и на каком уровне объекты способствуют постижению Смысла. Объекты, способствующие этому в большей мере и на более высоком уровне, по праву могут считаться относительно более реальными. Таким образом, в определённом случае так называемые галлюцинации могут далеко превосходить любой общественный объект по своей относительной реальности. Так или иначе, тип объекта, будь то общественный или частный, сам по себе не является мерой его значимости или реальности. Ни один тип не несёт производную Реальность или Смысл.

* * *

То, что в определённом смысле *Объект* существует, нельзя отрицать, ибо он, безусловно, является данным непосредственного опыта. Но утверждать дальше, что *Вещь* существует, значит порождать предрассудок, не обоснованный ни опытом, ни разумом. Согласно пониманию здесь этих терминов, «Объект» следует рассматривать всегда как содержание сознания, что подразумевает отношения с сознанием или в сознании. В свою очередь «Вещь» суть то, что *предположительно* существует совершенно независимо от сознания. Таким образом, Вещь следует рассматривать как своего рода вещь-в-себе, стоящую в стороне от каких-либо отношений с сознанием как источником своего существования. Я не пытаюсь доказать то, что самосущая вещь невозможна, а лишь то, что предположение о её существовании не является ни практической, ни теоретической необходимостью, а также, что её существование не может быть продемонстрировано.

То, что существование Вещи не может быть продемонстрировано, очень просто показать. Ибо демонстрация никогда не даёт нам ничего иного, кроме как существования, отношений, значения и т.д. для сознания. Поэтому, то, что демонстрируется, уже является содержанием сознания, а потому объектом. Безусловно, новое и непредсказуемое содержание может проникать в *эмпирическое* сознание. Предположение, что внезапное появление нового содержания подразумевает существование чего-то, совершенно независимого от сознания, чему просто посчастливилось вступить в отношения с сознанием, может выглядеть вполне естественным. Но с точки зрения логики такое предположение не является обязательным, а в качестве гипотезы оно не может быть проверено. Ибо в той степени, в которой опыт и логика могут полагать обратное, вполне разумно утверждать, что когда возникает новое содержание сознания, оно впервые обретает существование. Несомненно, понятие обретения существования *de novo* или *ex nihilo* пугающе для глубоко укоренившейся убеждённости в том, что все экзистенции прослеживаемы до причинных antecedentов. Но, какая бы значимость ни придавалась этой убеждённости, она всё же остаётся чем-то иным, нежели производным от опыта или

логики. То, что она не является производным от опыта, уже было вполне убедительно показано критическим анализом Дэвида Юма, и поэтому дальнейшее обсуждение этого вопроса здесь неуместно. То, что она не является производным от чистой логики, также очевидно, поскольку теперь мы вполне понимаем, что логика определяет только формальные значения того материала, над которым она работает. Собственный материал логики состоит лишь из первоначальных логических констант, и поскольку положение, что всякая экзистенция должна иметь причинный antecedent, не является одной из них, оно не является ни пререквизитом логики, ни следствием, полученным одним лишь логическим процессом.

Остаётся вопрос относительно требования убеждённости в том, что всякое существование должно иметь соответствующий причинный antecedent, то есть, что никакое существование не возникает *ex nihilo* или *de novo*. Я допускаю значимость данного притязания как компонента сознания, не зависящего ни от логики, ни от опыта. Тогда возникает вопрос: требует ли эта убеждённости того, чтобы antecedent вновь возникшего в относительном сознании объекта был вещью, существующей независимо от сознания во всех смыслах. Ответом является «нет», поскольку возможен иной приемлемый источник, который, к тому же, уже является рабочей гипотезой аналитической психологии. Мы можем считать, что antecedent вновь возникшего объекта находится в психологическом бессознательном. Данная интерпретация уже широко применяется аналитической психологией в объяснении этиологии фантастических продуктов интроверсии. В случае фантазий объекты внезапно появляются из скрытой матрицы либо в идеальной, либо в чувственной форме. Аналитическая психология не считает необходимым определять причинный antecedent подобных объектов как вещь, существующую во всех смыслах независимо от психе. Распространение данной этиологии на объекты объективных чувств не представляет ни логической, ни эмпирической трудности и попросту доводит данный принцип объяснения до логического конца.

Можно возразить, что, вводя понятие психологического бессознательного в качестве причинного antecedenta вновь возникшего объекта, мы попросту подменяем логическим эквивалентом Вещь, существующую независимо от сознания во всех отношениях. Но это не так. Ибо, как уже было до определённой степени показано, психологическое бессознательное не означает несознание в широком смысле. Это лишь то, что не осознаётся обычным бодрствующим сознанием, и совершенно не относится к сознанию в широком смысле. Ибо очевидно, что сознание, не осознающее себя, неотлично от несознания. Тогда представляется возможным философски утверждать исключительное существование всех объектов и их antecedentов в сознании и при этом использовать понятие бессознательное в *психологическом* смысле.

Исходя из вышесказанного должно быть очевидно, что демонстрация существования независимой Вещи невозможна. В то же время, в последней части приведенного аргумента показано, что её существование не обязательно ни для логики, опыта или убеждённости в том, что всякая экзистенция должна иметь соответствующий причинный antecedent. Ибо я предложил приемлемую этиологию, дающую то, что необходимо, и при этом обходящуюся без понятия вещи, существующей независимо от сознания во всех смыслах. Это дополняет формальный аргумент. Теперь давайте обратимся к экстралогическим соображениям, вытекающим из данной этиологии.

Требования физической науки предельно просты. Главные из них – следующие:

- a) Объективное содержание науки должно быть такой природы, чтобы восприниматься объективными чувствами либо непосредственно, либо посредством инструментов, а сами эти чувства должны быть именно такими, которые типичны для представителя нашей культуры или человеческой расы.
- b) Данный материал становится наукой тогда и только тогда, когда он организуется в рациональную систему, обладающую внутренней связностью,

что, вдобавок, делает возможным предсказание будущих объективных событий, поддающихся наблюдению или экспериментальной проверке.

Таковы два принципиальных требования чистой физической науки. Прикладная наука требует, помимо этого, чтобы организация грубого материала науки была таковой, чтобы осуществлялась, по крайней мере, некоторая степень практического контроля над объектом. Любая теория относительно реальной природы объектов, формирующая содержание науки, не препятствующая действию этих фундаментальных требований, предоставляет науке полную свободу, на которую наука как наука может притязать. Если бы поведение Объекта было совершенно произвольным или иррациональным в любом отношении, никакая наука, ни чистая, ни прикладная, не была бы возможна. Наука возможна только в той степени, в которой воспринимаемый объект способен вступать в отношения с рациональной системой. Необязательно, чтобы эта система была единственной или законченной и абсолютно истинной системой. Цель физической науки неполная:

- а) Она не нацеливается на познание всего. Это явствует из того факта, что она произвольно исключает весь материал, который не может быть воспринят непосредственно или опосредованно объективными чувствами типичного представителя нашей культуры или человечества. Таким образом, тот материал сознания, который может быть доступен через иные двери или благодаря иным формам сознания, является ненаучным – в западном смысле слова – несмотря на то, что он вполне может быть объектом познания.
- б) Она не включает в свою структуру те формы или аспекты сознания, которые нельзя классифицировать как знание об объективном содержании. Так, самопознание или любовь не входят в *структуру* физической науки.

В противоположность особым требованиям физической науки философия включает в свою сферу все возможные аспекты сознания. Она озабочена религиозными, этическими и эстетическими ценностями не меньше чем общими проблемами, жизненно важными для науки. Далее, она озабочена общими проблемами физической науки не более чем такими же проблемами науки любого другого типа. То, что существование наук, иных, нежели физическая наука, является более чем академической возможностью, демонстрируется развитием психологий *с психе*.⁹ Однако философия вторит физической науке в том, что стремится к систематизации.

Все философии страдают от того, что не принимают в расчёт все постижимые возможности сознания и не дают каждой возможности полную свободу в её собственной области. Современные школы философии, известные как натурализм, неореализм и прагматизм, полностью признают естественную науку. В той мере, в которой этическая проблема является частью общественных отношений, прагматизм вносит существенный вклад в этическую теорию и интерпретацию. Но все эти философии отказывают – некоторые из них совершенно – в должном признании потребностей религиозных и мистических состояний сознания. Они полезны, в таком случае, только как частные философии. Многое в сознании они либо игнорируют, либо используют с неприемлемым принуждением. Все они психологически однобоки. Они представляют, либо исключительно, либо преимущественно, экстравертную позицию в индивидуальной или социальной психологии. Они либо полностью отвергают ценности, которые непосредственно очевидны для интровертной позиции, либо относятся к этим ценностям со снисхождением экстравертной гордости, что совершенно неприемлемо для развитого интроверта. С другой стороны, системы философии, классифицируемые как идеализм, хотя и оказывают более-менее адекватное признание интроверту и религиозным и мистическим ценностям, они отказывают в этом экстравертной точке зрения. Поскольку эти четыре типа философских систем охватывают весь спектр западной философии, мы можем сделать вывод, что Западу ещё не удалось создать полноценную философскую систему.

Почему же западный ум так настойчиво наделяет реальностью материал, который является специфической заботой физической науки? Не просто потому, что этот материал дан как объективно воспринимаемый. Обычная фантазия часто создаёт объекты, которые чувственно воспринимаемы, однако по общему признанию эти объекты считаются нереальными. И не благодаря тому факту, что материал науки поддаётся логической систематизации. Существуют математические системы, созданные на основе свободно принятых фундаментальных допущениях, имеющие характер логически связного, систематического целого. Однако их обычно не рассматривают как обладающие свойством реальности. И не в силу позитивной демонстрации того, что наука оперирует знанием вещей, существующих совершенно независимо от сознания как такового, как уже было показано. Есть, по-видимому, всего лишь один факт, который объясняет это наделение реальностью материала физической науки, и он заключается в том, что данный материал является относительно общим и постоянным для подавляющего большинства наблюдателей, и поскольку он общеизвестен, ни один человек не может успешно действовать так, как будто его нет. Здесь, очевидно, есть объективное нечто, с которым сознательное существо должно считаться, если оно хочет так приспособить свою жизнь, чтобы жить успешно.

Несомненно, существует нечто, с чем человек должен считаться. Но данный факт несколько не означает, что это нечто – независимая самосушая реальность. Ибо мы можем дать этому такую интерпретацию, которая, отрицая его независимое существование, оставляла бы за ним его обуславливающий характер в отношении функционирования сознательных существ. Мы можем рассматривать это как коллективную фантазию, проецируемую из коллективного бессознательного и обладающую относительно стабильной или фиксированной формой, которая, в свою очередь, суть не что иное, как мера стабильности коллективного бессознательного. Это придаёт проецируемой фантазии качество объективного детерминанта, и потому несложно понять, почему она должна приобретать кажущееся свойство реальности.

Есть ли какое-либо отношение, в котором вышеприведённая интерпретация объективного нечто не согласовывалась бы с фактами опыта? Очевидно, что нет никаких возражений, которые оставались бы после исследования. Объективный материал сознания даётся через чувства и только через чувства. Но чувства являются просто формами одной из функций сознания, а именно восприятия. Здесь мы навеки прикованы к материалу, который сводится к восприятию, если материал от других функций сознания не смешивается с ним. Много материала, имеющего объективную видимость, даётся обычной фантазией, хотя, по общему признанию, считается, что подобный материал не является объективным существованием-в-себе. Путём гипноза аналогичный материал может продуцироваться в сознании субъекта внушения. Здесь, опять же, не возникает вопроса о соответствующей объективной вещи, которая являлась бы независимым существованием-в-себе. Если придать подобному гипнотическому материалу характер коллективного компонента всего человеческого сознания, то можно спросить: каким образом следует его отличать от материала, полученного обычным экстравертным наблюдением. Представляется, что естественная наука не утратит ни одной из своих способностей. Измениться только значимость научного продукта. Но этот уровень значимости лежит вне пределов научной области, и поэтому свобода естественной науки в собственной сфере не будет нарушена.

Мы будем вынуждены интерпретировать факты и законы науки как имеющие исключительно психическое существование, хотя и относительно стабильное. Законы, равно как и факты, найдут своё подлинное место в психологическом коллективном бессознательном.

На мой взгляд, данная философия предоставляет науке полную свободу развиваться в своём собственном направлении. Интерпретация значимости фактов, процессов и продуктов одна лишь изменяется. Я всего лишь отвергаю претенциозное

право учёного гипостазировать материал своей науки как субстанциальную и независимую Вещь. Если отказаться от подобного притязания, то вполне возможно оставить за объектом науки или восприятия определённое свойство специфической реальности. Это может быть относительная или прагматическая реальность, действительная в ограниченном секторе задействованного сознания, но только в нём. Одним словом, обвинения, что данное содержание сознания имеет источником фантазию, самого по себе, уже не будет достаточно для утверждения его подчинённой реальности в сравнении с продуктами физической науки, поскольку они имеют ту же самую основу. Таким образом, аргумент, служащий лишению реальности религиозного или мистического гипостаза, оказывается обоюдоострым мечём, который равным образом лишает реальности научный или чувственный гипостазис. Следовательно, содержание мистического инсайта может по праву притязать на свойство реальности, не подчинённое свойству реальности материала учёного или экстраверта. Короче говоря, экстраверт должен отказаться от своего высокомерного притязания на исключительное обладание реальностью. Ему отводится сектор относительной реальности, и только. никоим образом не очевидно, что данный сектор, в конце концов, даёт *большую* власть. Во всяком случае, данный вопрос остаётся открытым.

Жизненно важным следствием данного тезиса является то, что, если существует власть, могущая сознательно воздействовать на психологическое коллективное бессознательное, то эта власть будет управлять любым из продуктов фантазии, будь то религиозным или научным. Ибо это будет власть, воздействующая на источник всего содержания сознания любой природы. Теоретически, подобная власть будет способна заставлять любой материал объективной перцепции, равно как и религиозной фантазии, исчезать или трансформироваться в процессах, которые не будут объективно прослеживаемы. Такая власть, следует понимать, не означает способность уничтожать сознание как таковое, а лишь уничтожать или, скорее, трансформировать всякое содержание. Также должно быть очевидным, что такая власть ближе к предельной Реальности, чем всякое содержание сознания, которым она владеет.

Возникает практический вопрос: существует ли такая власть. Пока что я не нахожу возможным дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Для себя я подтвердил её существование, но я не нахожу возможным представить более чем предположение относительно её существования для других эмпирических центров сознания. Очевидно, существует Трансцендентное Нечто, которое необходимо вкусить, чтобы познать. И хотя я утверждаю реальность этого Трансцендентного Нечто и существование сознательной Власти, могущей воздействовать на коллективное бессознательное психологии, я не претендую на способность убеждения в этом.

* * *

Термин «Вселенная» используется здесь как эквивалент буддийского термина «Сансара». Таким образом, я не ограничиваю смысл термина «Вселенная» совокупностью объектов обычного бодрствующего сознания. Он включает в себя также так называемые галлюцинации, сны и любые другие состояния сознания, возможные во время физической жизни или после смерти, в которых есть сознание объектов. Противоположным ему является Нирваническое состояние сознания, в котором нет объектов по той простой причине, что в этом Состоянии нет субъектно-объектных отношений. Таким образом, Нирваническое Сознание не тождественно совокупности всех мистических состояний сознания, а напротив является кульминацией мистического Пути к *субъективному полюсу* сознания. Лишь немногие, даже среди мистиков, зашли так далеко, если судить по имеющимся данным. Отсюда следует, что существуют мистические состояния, которые не превосходят Сансару, и обычно они более понятны объективному сознанию.

Но чем дальше уходит мистик в своём путешествии к субъективным глубинам, тем меньше он может сказать в терминах, понятных обычному сознанию, пытаясь передать

свойство своего постижения. Чем выше достижение, тем менее эффективным становится конкретная чувственная образность в качестве символа его свойства. Абстрактные концепты остаются эффективными символами дольше, однако в любом случае всё, что может быть сказано, – всего лишь символ. Это неизбежно, поскольку передача должна происходить в терминах объектов, будь то чувственных или концептуальных, тогда как действительность – это не объект. Так называемая галлюцинация или фантазия может, в данном случае, стать более верным символом, чем тот, который сформирован из материала социального опыта, хотя и не всегда. В любом случае, главным является то, что с точки зрения Нирванического Сознания всё, принадлежащее Вселенной или Сансаре, имеет лишь символическое или инструментальное значение. В этом я соглашаюсь с эпистемологией прагматиков, но иду дальше, чем любой прагматик, известный мне, рассматривая весь опыт, равно как и интеллекцию, в конечном счёте, как имеющие лишь инструментальное значение, и даже считаю опыт не более чем каталитическим агентом, ценным в качестве побудителя самосознания.

Лишь недавно западная наука стала приходить к интеллектуальному пониманию состояния сознания, называемого «Нирвана». Недавние переводы аутентичной северной буддийской литературы многое прояснили из прежних предрассудков. Этимология термина «Нирвана» несчастливая. «Затухание» естественно кажется полным уничтожением. Но это – величайшее заблуждение. Более правильное понимание рассматривает Нирваническое Состояние как достигаемое, когда способности восприятия и мышления отключаются *без уничтожения самосознания*. Лишь *форма* сознания затухает, а не сознание *per se*. Чтобы понять идею правильно, необходимо представить все формы или объекты и все структуры мысли как ограничения, налагаемые на игру сознания. Устраните ограничения, удерживая при этом самосознание, и Нирваническое Сознание будет мгновенно достигнуто. Поскольку это состояние является освобождением от ограничений, оно традиционно называется Освобождением. Таким образом, Свобода является ключевой нотой состояния. Но по достижении этой Свободы проявляются аффективные и интеллектуальные свойства. Последние, в некоторой степени, могут озарить мышление и опыт, а следовательно являются просветляющей и благословляющей силой во вселенной. Соответственно, Нирвана – это Состояние сознания, которое может влиять и влияет на вселенную опыта. Этого достаточно для признания её прагматического свойства. Но это прагматическое свойство – всего лишь производное и видоизменённое свойство, а значит лишь часть её значения.

Критическое исследование использования терминов «Нирвана» и «Мокша» в буддийской и индуистской литературе показывает, что их смысл не всегда одинаков. Иногда создаётся впечатление, что Нирвана – это Абсолютное Сознание, тогда как в другое время сталкиваешься с градацией различных степеней или уровней Нирванического Сознания и даже с явными утверждениями того, что Нирваническое Состояние – это не абсолютное состояние. Очевидно, что некоторые авторы более точны в использовании термина, чем другие. Если мы будем рассматривать данный термин как временами используемый для обозначения рода, а временами – видов внутри этого рода, то кажущееся несоответствие во многом, если не целиком, прояснится. Главным признаком рода будет то, что это – состояние сознания, превосходящее субъектно-объектные отношения, а потому неизбежно невыразимое для относительного сознания. Разбиение этого рода на различные виды означает, что в пределах сознания, превосходящего субъектно-объектные отношения, существует градация уровней или фаз, хотя эта градация может оставаться непонятной для субъектно-объектного типа сознания как такового.

Углубление уровня Постижения, произошедшее со мной спонтанно восьмого сентября, стало для меня полной неожиданностью. До того момента я не находил ничего в литературе, что могло бы натолкнуть меня на мысль о существовании подобного состояния. Я назвал его, в рабочем порядке, по его аффективному качеству, которое было

совершенным безразличием. Казалось, что оно превосходило Нирвану в обычном понимании, ибо последняя всегда описывается как обладающая аффективным качеством неземного Блаженства. Мне уже было известно это Состояние, но на уровне Высшего Безразличия я постигал Блаженство как лежащее ниже меня, как нечто, что я могу принять, или от чего могу отказаться по своему желанию. После периода погружения в это Высшее Состояние, пребывая на уровне субъектно-объектного сознания, я начал переживать, не допустил ли я какой-либо ошибки в своей интерпретации.¹⁰ Чтобы проверить себя, я занялся изучением имеющейся литературы, но не находил чёткого подтверждения до тех пор, пока не натолкнулся на перевод тибетской книги, опубликованный Эвансом-Венцем в Англии. Там я, наконец, обнаружил упоминания о Первичном Сознании, символизируемом Чистым Светом и другими символами, как о вместилище Нирванического и Сансарического Состояний. Это давало концептуальную форму, подтверждающую мою собственную интерпретацию кульминационной стадии Постижения. Это также прояснило, что «Нирвана» иногда означает «Чистый Свет» – состояние, в котором нет ни субъективного, ни объективного, а иногда относится только к чисто субъективному Состоянию. В конце концов, я разработал символ «Сознание-без-объекта», смысл которого аналогичен, если не идентичен, «Чистому Свету», тем самым добавив интеллектуальное описание к уже имеющемуся аффективному.

Сознание-без-объекта – это замковый камень, смыкающий свод. Это – последний шаг, необходимый для создания самодостаточной системы сознания. Нирвана выступает как фаза сознания, находящаяся в контрапунктных отношениях со всей совокупностью Сансарических состояний – сознанию позади «Я», сфокусированному на объектах. Она суть противоположность всего сознания субъектно-объектного типа. Но предикация или осуществление какого-либо состояния и его противоположности в последовательности шагов – это ещё не полный цикл, ибо два подразумевают общее вместилище. Это общее вместилище обретается в Сознании-без-объекта, которое обеспечивает основу для исчерпывающего понимания Нирваны и Сансары. Сознание-без-объекта нейтрально в отношении всякой полярности, а значит, в принципе, даёт власть над всеми полярностями. Оно обеспечивает основу для философской интеграции, которая не является ни интровертной, ни экстравертной. Это означает философию, которая, в целом, не является ни идеалистической, в субъективном смысле, ни реалистической, но которая объединяет оба эти аспекта. Она должна быть равно приемлема как для религиозного, так и для научного сознания.

В действительности, активное сознание человека не является чисто Сансарическим. Человеческое рабство у субъектно-объектного сознания обязано тому факту, что анализ сознания характерным образом преуспел лишь в овладении Сансарическим элементом. У большинства людей Нирванический элемент пребывает во мраке несамосознания, подобном сну без сновидений. В нашем западном философском анализе сознания мы всегда, в конечном итоге, наталкиваемся на стену, хотя даже в этом ограниченном сознании обнаруживается поток. Откуда он течёт и куда? Для обычного субъектно-объектного сознания окончательным ответом будет Непознанное и Непознаваемое. Но это справедливо лишь для данного типа сознания. Сознание в смысле Гнозиса может идти и идёт дальше, отодвигая границы Непознанного далеко назад в Трансцендентальную Среду. И кто осмелится определить теоретический предел этой рецессии Непознанного?

Нирваническое Состояние не где-то далеко, а у нас перед носом, на самом деле, ближе, чем вселенная объектов. Нет разницы между чисто субъективным элементом субъектно-объектного сознания и Нирваной. И что может быть ближе человеку, чем его непосредственная Самость, которую он называет «я», и которая всегда присутствует, как бы ни менялось содержание сознания? Человек обладает способностью видеть, однако он постоянно проецирует себя на увиденные объекты и, соответственно, интроецирует объекты на себя, тем самым налагая на себя ограничения этих объектов. Все человеческие проблемы вырастают из этого, и нескончаемый поток нерешённых и отчасти решённых

проблем никогда не иссякнет, пока эта пагубная привычка не будет искоренена. Всякое другое средство суть лишь полумера и не больше. Возможно, что полумеры приносят больше вреда, чем пользы. Я часто склонен так полагать, ибо человек усерднее пытался бы выбраться из ловушки, ставшей совершенно невыносимой, тем самым преуспевая в решении проблемы жизни более часто, чем теперь. Делая свою западню более комфортной посредством полумер, человек лишь откладывает кризис, что увеличивает общий объем страдания. Пусть человек так изменит поляризацию своего самоанализирующего сознания, чтобы можно было увидеть своё видение, и тогда сразу же он отстранится от объектов. Конечно, это «видение видения» – выражение на языке субъектно-объектного сознания, но у нас нет другого языка. В подлинном видении видения самость и объект сливаются.

Когда человек, наконец, научится «фокусу» растождествления своего «я» или субъекта и всей вселенной объектов, он, на первый взгляд, сожмётся в простую точку сознания. Но когда он осуществит это, точка превратится в своего рода пространство, в котором Самость и содержание сознания сливаются в одно неразрывное целое. Я назвал это Пространственной Пустотой. Здесь следует понимать, что это – не состояние, в котором человек попросту обнаруживает себя *окружённым пространством*, а он и есть, как Самость, всё Пространство. Это – не сознание, функционирующее через тела и осознающее объекты, а субъективное состояние, отвлечённое от всех тел и не озабоченное объектами. Однако было бы неправильно считать это сознание однородным в смысле его фиксированности и лишённости всякого разнообразия. Ибо сознание и движение, в определённом смысле, неразделимы.

Чтобы создать символическую концепцию, могущую хоть как-то намекнуть на движение в Нирваническом смысле, необходимо проанализировать движение во вселенной объектов и затем произвести его инверсию. Сознание объектов атомарно. Под этим я подразумеваю то, что оно имеет форму последовательности дискретных состояний или представлений в том смысле, в котором Кант говорит о множестве, данном опытом. Это хорошо иллюстрируется кинематографом, где, в действительности, мы имеем последовательность неподвижных фотографий, которые проецируются на экран, быстро сменяя друг друга. Наблюдающий, в действительности, не наблюдает движения, а лишь смену неподвижных образов. Лишь часть оригинального действия, на самом деле, фотографируется. Однако воздействие на наблюдающего очень похоже на воздействие оригинальных сцен, разыгрываемых живыми актёрами. Итак, камера, по сути, воспроизводит процесс зрительного восприятия. Определённое количество времени необходимо, прежде чем образ будет увиден, и поэтому воспринимаемое движение внешних объектов, на самом деле, – не более чем последовательность образов с промежутками между ними. Всё это означает, что мы не видим непрерывность. То же справедливо и для других чувственных впечатлений, поскольку всегда существует временной фактор в любом чувственном восприятии. Опять же, когда мы анализируем движение, мы всегда придаём ему гранулярную структуру, даже если наши фиксированные элементы бесконечно малы. Таким образом, и опыт, и мышление имеют дело с множествами, и никогда – с истинными континуумами. В этой связи анализ Вейерштрасса имеет глубокое значение. Путём тщательных размышлений Вейерштрасс пришёл к выводу, что не существует такой вещи, как движение, а лишь последовательность различных состояний или положений, занимаемых объектами. В качестве суждения или интерпретации относительно вселенной объектов, взятой в чистом виде, абстрагируясь от целого, это положение, на мой взгляд, не может серьёзно оспариваться. Оно попросту означает, что нескончаемое становление и бесконечное умирание, которые знаменуют вселенную объектов, суть последовательности мгновенных состояний, а не истинные континуумы. Такой была бы строгая интерпретация бытия, каким оно представляется объективному сознанию в изоляции от других измерений сознания, и она радикально немистическая. Она превосходно демонстрирует отсутствие

глубины или субстанции во вселенной, взятой в абстракции как чисто объективная. Последовательности состояний суть не более чем мёртвые картинки, не содержащие жизнь или субстанцию, а лишь пустые термины в отношениях.

Инверсия фантазмагорической последовательности, составляющей вселенную опыта и мысли, взятую в чистом виде как абстракция, – это истинный континуум. Одно суть гранулярное множество, другое – текучее единство. Итак, справедливо, что человек формулирует понятие непрерывности, однако, как показывает Вейерштрасс, никогда реально не воспринимает её. Непрерывность – это инверсия множества и неизбежно осознаётся в тот момент, когда человек осознаёт множественность, но это осознание включает в себя нечто большее, чем деятельность сознания в объективном смысле. Непрерывность принадлежит глубинам сознания. Это попросту иллюстрирует вечный факт, а именно, что действительное сознание человека непрерывно действует как в Сансарическом, так и в Нирваническом смысле. Однако анализ существенно преуспел в отношении Сансарической фазы, но остаётся, в общем, несамосознательным в отношении Нирванической.

Всё это приводит нас к тому, что единство Нирванического Сознания лучше символизировать понятием истинного континуума, а не конечной цифрой 1 (один). Ибо цифра «один» – это фиксированная сущность, представляющая один пустой термин, который, в свою очередь, всегда подразумевает множество всех цифр. Иными словами, единство цифры «один» суть абстракция, а не конкретная реальность. Именно единство континуума по-настоящему символизирует единство Нирванического Состояния. Нирваническое Сознание не гранулярно, а текуче. Оно не имеет частей, в смысле конечных элементов, а суть нескончаемое течение и самоподдерживающий поток. Это – не поток из прошлого в будущее, подразумевающий разделение точкой, называемой «настоящее», а течение, объемлющее всё, что во вселенной объектов представляется временной последовательностью.

То, что представляется в человеке неизменным «Я», Свидетелем вселенской драмы, суть разделяющая и объединяющая точка двух миров сознания. Перед нашим сознанием лежит вселенная объектов, но позади – глубины «Я», и это – Нирвана. Но глубины «Я» – это также глубины всех объектов. В этих глубинах мы имеем не просто пустые термины в отношениях, воспринимаемые Самостью, мы имеем континуум, в котором инверсия самости тождественна инверсии всех объектов. Здесь сознание, субстанция и энергия или жизнь – взаимозаменяемые понятия. Здесь также стерильные и пустые термины-в-отношениях заменяются глубоким Смыслом. Без этого Смысла человек просто не может жить. Чем больше человек отождествляет себя с объектами или пустыми терминами-в-отношениях, тем больше он страдает, и в конце, если подобное отождествление зашло слишком далеко, может наступить настоящая смерть. Под настоящей смертью я понимаю потерю самосознания.

В действительности, человек редко преуспевает в *полной* изоляции себя от притока сознания из глубин. По большей части он просто воспринимает этот поток, не осознавая его. Сам того не зная, он получает некое питание, в противном случае, жизнь во вселенной объектов была бы невозможна. Однако, за исключением немногих из числа всего человечества, поток питания настолько скуден, что не способен в полной мере насытить человека. Велика нужда в усилении этого потока. Итак, подобное усиление осуществляется через открытие своих глубин в Постижении хотя бы некоторой степени. Это означает становление самосознательным, по крайней мере, в некоторой степени, в отношении потока Нирванического Сознания и постижение себя тождественным ему. Нам нужна философия, занятая Способом Жизни, а не построением систем пустых терминов-в-отношениях.

* * *

Я заявил, что ключом к Нирваническому Сознанию, является отключение способности восприятия и мышления, сочетаемое с сохранением самосознания. Такова суть процесса, раскрывающая его значимость. На практике процесс трансформации может не сопровождаться полным отключением. Если отключение полное, сознание вселенной объектов полностью исчезает, либо временно, либо навсегда. Это – мистическое уничтожение вселенной и Пробуждение к Нирваническому Состоянию. Со стороны человек выглядит вошедшим в глубочайшее состояние экстатического транса, в котором происходит приостановка жизненных и сознательных процессов в Сансарическом смысле. Вот всё, что физический учёный, как учёный, может наблюдать. И если наблюдатель придерживается теории Сансарического типа сознания как единственно возможного сознания, он будет утверждать, что этот транс означает полную потерю сознания во всех смыслах. Некоторые психологи занимают подобную позицию, однако поскольку они не способны проникнуть вглубь человека, то совершенно неправомочны выносить подобные суждения. Ибо в данном вопросе сторонний наблюдатель совершенно беспомощен. Постигающий может сообщать о продолжении своего самосознания, однако наблюдатель, как таковой, не способен ничего проверить. Если, в свою очередь, он станет постигающим, по собственному праву, то сможет Познать, но такое познание не будет результатом наблюдения внешних состояний или условий. Он тогда перестанет быть просто наблюдателем.

Итак, возможно, изменив технику, быть постигающим и оставаться в то же время наблюдателем, в некоторой степени. В таком случае вместо полного отключения происходит диссоциация двух разновидностей сознания. Способности восприятия и мышления остаются как бы на одной стороне, тогда как большая часть самосознания, но не всё, переносится в глубины. В таком случае нет полного угасания трансового состояния, а своего рода притухание Сансарического сознания и объективного потока жизни. Это – критическая точка равновесия, так как существует постоянная тенденция сознания «скатиться» либо в одну, либо в другую сторону. Но если удерживать равновесие усилием воли, сохраняя способность к самоанализу ясной, возможно пребывать на двух уровнях сознания одновременно. В данном случае диссоциация выполняет функцию отключения.

Последняя техника имеет явное преимущество в том, что сознательно соединяет два уровня сознания. Это способствует созданию интерпретирующих символов, а также распахивает дверь, через которую поток Нирванического Сознания может проникнуть во вселенную объектов и может быть более или менее сознательно направляем.

* * *

С точки зрения Сознания-без-объекта проблема бессмертия не возникает. Непосредственно познаваемая истина гласит: «Бессмертие есть, но не воплощённое или привязанное к объекту состояние сознания бессмертно». Это попросту означает, что Море Сознания не имеет ни начала, ни конца, совершенно не обуславливаясь временем, но различные стадии, в которых это Море поддерживает объекты, временны. Таким образом, человек как человек не бессмертен. Здесь следует понимать, что «человек», равно как и любое другое наименование объекта, – это всего лишь обозначение стадии на Пути. Бессмертность принадлежит сознанию как принципу, но не стадиям. Человек может достичь бессмертия, перенеся развитую силу своего самосознания на само Первичное Сознание, но в этом случае он попросту перестаёт быть человеком. Самосознательный Нирвани – больше не человек, хотя в его случае дифференцированный принцип сознания уже прошёл человеческую стадию. На самом деле Нирвани – это скорее Бог, чем человек. Принцип сознания – это Путник, проходящий многие стадии, вбирая на этих стадиях многие качества в терминах постепенно пробуждающегося самосознания. Когда человек преуспевает в уподоблении Путнику благодаря переносу своего самосознания, тогда его самотождественность едина с бессмертным сознанием и перестаёт быть чисто

человеческой. Иными словами, все соматические состояния временны, поток же сознания не имеет ни начала, ни конца.

Но если бессмертие перестаёт быть проблемой, возникает проблема совсем иного рода. Её можно выразить следующим образом: «Как возможно возникновение конечных состояний в безначальном и бесконечном Первичном Сознании?» Я не нацелен здесь на решение этой проблемы, а просто указываю на изменение самой проблемы. Эта новая проблема, не в пример старой, касающейся бессмертия, не несёт в себе никакой трагичности. Рефлексивное сознание, с помощью интуиции и наблюдения, может поискать решение на досуге, имея в запасе всё возможное время. Ибо такая проблема не требует немедленного решения, ни религиозного, ни психологического. Решение этой проблемы может иметь теоретическое и рабочее значение, однако ничто не принуждает рефлексивное сознание к быстрому решению.

Лишь об одном следует упомянуть здесь. Немыслимо, чтобы бесформенное и бескачественное Первичное Сознание внезапно в какой-то момент начало проецировать Себя в субъектно-объектную последовательность состояний. Легче представить безначальную и бесконечную последовательность состояний, каждое из которых является следствием предыдущего и причиной следующего. Сознание-без-объекта – это не Первопричина, это – субстрат, из которого сделаны все возможные состояния и причины.

* * *

Тому, кто знаком с развитием западной философии, начиная от греков и до наших дней, должно быть очевидно, что существуют определённые противоречия в основании и оценках, разделяющие философов на протяжении всего этого периода. Развитие научного знания, математики и эпистемологического критицизма не преуспело в преодолении этих противоречий и достижении философского согласия. Всё это лишь изменило форму, в которой эти противоречия проявляются, так что они стали более тонкими и интеллектуально изощрёнными, однако сущность их осталась неизменной, как бы ни трансформировалась их форма. Всё ещё остаются непримиримые философские школы, представленные людьми, равными по своему интеллекту, образованию и знанию. Всё это делает очевидным то, что основы этих противоречий лежат глубже, чем материл науки, с которым она в состоянии обходиться однозначно.

Некоторые психологи избрали объектом наблюдения эти философские тенденции и показали, что они связаны с различиями психологических типов. Непосредственно выбираемое основание и соответствующие оценки не одинаковы для всех людей. И этот элемент непосредственности принадлежит скорее религии, в широком смысле этого слова, а не науке. Это нечто, что предшествует, а не вытекает из науки. В действительности, само то, что делает научный взгляд на мир возможным, принадлежит этим более фундаментальным и экстранаучным установкам. Справедливости ради мы должны признать эти различные установки как относительно ценные и оставить надежду на универсальное философское единообразие. Конфликт философских школ желаем и необходим.

Два важных типа противоречий в оценках и непосредственном видении лежат в основе принципиальных различий философских систем. Первый – это различие в оценке двух принципиальных групп объектов, а именно объектов науки и объектов мысли. Второй – это различие в оценке объективности как таковой в сравнении с субъективным полюсом сознания. Эти различия я освещу кратко, чтобы отношение моей собственной системы к ним более прояснилось.

Очевидно, что подавляющее большинство людей в своём мышлении и практике большую часть времени наделяют субстанциальной реальностью объекты чувств, в частности, в терминах общественного бодрствующего сознания нашей повседневной жизни. Большинство физических учёных, хотя и не все, занимают такую позицию, равно как и большинство людей действия. Из современных философских течений натурализм

определённо, а иногда и вполне наивно, соглашается с подобной точкой зрения. Это также справедливо в существенной степени, хотя и не целиком, в отношении представителей прагматизма. Позиция неореализма более глубока в том, что, хотя она и в высшей степени объективна, она рассматривает объекты не как объекты чувств или мышления, а как независимые сущности, которые по своей реальной природе не являются ни психическими, ни физическими, хотя и способны проходить через психические и физические системы, не меняясь в своей сущностной природе. Однако неореализм откровенно и непреклонно объективен в своих оценках, а потому стоит ближе к прагматизму и натурализму, чем к идеализму.

Есть меньшее число людей, которые считают объекты мысли более реальными, чем объекты чувств. Такие представлены в философских системах рационального схоластицизма, рационализма собственно и в философских системах, в настоящее время обозначаемых как интеллектуалистические. Эти философские системы могут так или иначе сочетаться с натурализмом, неореализмом и идеализмом, хотя они явно непрагматические, поскольку последняя школа жёстко объединена принципом антиинтеллектуализма в философском смысле.

Две вышеназванные группы по преимуществу согласны в том, что уделяют первостепенное внимание объектам, в определённом смысле, и можно рассматривать одну группу как сенсационалистическую, а другую – как рационалистическую или интеллектуалистическую.

В оппозиции двум этим группам находятся те, кто придаёт больше реальности субъективному полюсу сознания. В философии они представлены идеализмом и ведантизмом. Однако данный класс, очевидно, более представлен индивидуальностями, чьё доминантное самовыражение не является осознанно философским. Более часто они выражают себя в форме мистицизма, которая скорее поэтична, чем философична. Однако внутри самой мистической группы существует дальнейшая дифференциация между теми, кто настаивает на единстве с Богом, и теми, кто настаивает на единстве с Самостью в трансцендентальном смысле. Тем не менее, всё мистическое движение имеет субъективное направление, так что если упор делается на более или менее Божественные объекты, эти объекты скорее тонкие, чем грубые.

В данной системе все объекты рассматриваются как производные, а потому обладающие, в лучшем случае, лишь производной или символической реальностью. Однако одни объекты могут иметь более высокий порядок относительной реальности, чем другие. Я уже указывал на то, что оценка здесь зависит от цели и не абсолютна. Так, обычным грубым объектам чувств, общим для бодрствующего сознания, как таковым не придаётся более высокий статус. По сути, объекты сна и мистические объекты имеют те же права. В зависимости от конкретной цели один или другой класс объектов может рассматриваться как обладающий более высоким порядком реальности. В отношении двух классов объектов, а именно объектов чувств, будь то грубых или тонких, и объектов мышления, применим тот же принцип. Объекты мысли, или некоторые классы объектов мысли, могут в определённой, обусловленной целью ситуации обладать подчинённой реальностью в сравнении с реальностью объектов чувств. С другой стороны, обратное может быть так же верно в других ситуациях. В итоге все объекты любого типа, будь то объекты чувств или объекты мысли, будь то тонкие или грубые, будь то абстрактные или конкретные, в конечном счёте, обладают лишь производной реальностью, а значит, в конечном счёте, могут рассматриваться как всего лишь *видимость*.

Теперь остаётся рассмотреть отношение данной системы к субъективному полюсу сознания. Под этим я подразумеваю то, что известно как «эго», будь то в личном или более высоком смысле, «я», «самость» или «Атман», будь то в индивидуальном или высшем смысле. На данном субъективном полюсе существует различимая дифференция, как и между различными классами объектов. Итак, в данной системе субъективный полюс, как в подчинённом, так и в высшем аспекте, рассматривается как отражение или

инверсия объекта, как такового, хотя в высшем смысле он рассматривается как сущностно высший полюс. Это означает, что «Я», в любом смысле, будь то эмпирическое или трансцендентальное, настолько же производно, как и объективный мир. Таким образом, настоящую систему не следует отождествлять ни с ведантизмом, ни с современным идеализмом, хотя она в процессе своего формирования прошла через эти школы интерпретации, а потому генетически, хотя и не во всём формально, ближе к ним.

Окончательное положение таково: Единая, непродуцируемая Реальность суть ТО, что я символизирует «Сознанием-без-объекта». Это – Базовое Сознание per se в отличие от сознания как содержания или состояния, с одной стороны, и как атрибута Самости или Атмана, во всех смыслах, с другой. Это – Сознание, которое никак нельзя определить кроме как абстрактное Бытие. На Нём всё другое основывается, хотя Оно остаётся самосущим.

Вопрос средств, которыми человек может достичь прямого Постижения Сознания-без-объекта, очень сложен, а его решение многогранно, что соответствует психическим особенностям различных индивидуумов. Со всей очевидностью можно утверждать, что оно достигается в последовательности шагов, когда низшая привязанность или отождествлённость отвергается ради высшей. Процесс повторяется снова и снова, пока из выгодного положения высокой трансценденции не предпринимается последний шаг. Помимо этого общего утверждения вопрос техники не может быть рассмотрен здесь.

Помимо прямого Постижения Сознания-без-объекта возможно принять сам этот его символ в качестве объекта размышления и использовать его в целях философской и общей мистической интеграции. Это – процедура принятия символа в качестве фундаментальной предпосылки и получения соответствующих выводов. Есть определённая причина полагать, что подобный метод возможен в условиях западной культуры, но невозможен для восточной культуры и всякой другой культуры, предшествовавшей нашей, о которой сохранились сведения. Такую возможность, на мой взгляд, даёт нам наше специфическое развитие математики. В математике мы превзошли все другие культуры, и, как мне представляется, всё наше превосходство в других областях явилось следствием этого математического превосходства. Что же касается вечных ценностей, то на Востоке существуют культуры, будь то прошлого или настоящего, которые определённо превосходят нашу. Итак, именно благодаря своей лучшей способности, а не своей слабости, человек или общность людей достигают лучшего. Поэтому я бы выбрал математический путь как путь наиболее развитой способности, если говорить о западной культуре.

Итак, достоверность математики устанавливается на основе, которая совершенно безличностна и универсальна. Её авторитет не зависит от имени какого-либо автора математического трактата. В чистом виде она имеет дело исключительно с трансцендентальными или идеальными объектами очень высокого порядка мыслимой абстрактности или универсальности. В высшей степени сознание математика как математика не озабочено ни самостью, ни объектами. Конечно, это не всегда так, но такая позиция достигается в математическом сознании гораздо чаще, чем где-либо ещё, исключая состояния Самадхи высокого порядка. Здесь обнаруживается способность чистой математики как инструмента трансформации сознания очень возвышенного уровня.

Опять же, чистая математика суть единственный подлинный инвариант, который у нас есть в вечно изменяющейся фантазмагории опыта. Когда человек стремится картографировать неизвестное море, он должен иметь точку отсчёта, от которой будет прокладывать свой курс, иначе он может безнадежно затеряться. Конечно же, чистая Самость является сходным инвариантом, но специфическая психология Запада настолько объективна в своей ориентации, что не позволяет Самости быть эффективным и общедоступным инвариантом. Иначе дело обстоит в Индии. Такое сильное психологическое различие делает непрактичной надежду привить восточный метод

западному человеку, разве что в некоторых исключительных случаях. Это было бы применением правильного метода в отношении неправильного человека, что привело бы к отрицательным результатам. И поскольку западная психология является тем, что она есть, приемлемым инвариантом представляется чистая математика.

Я не утверждаю это в наивном невежестве относительно современного философского и логического анализа чистой математики. Но я не намерен обсуждать этот сугубо технический вопрос в настоящее время. Мне хорошо известно, что инвариантный элемент не принадлежит фундаментальным допущениям или так называемым аксиомам, от которых отталкивается математическая система. Эти допущения могут быть выбраны в свободном творческом акте, но как только начинается процесс дедукции теорем, свободное творчество прекращается. Закон, управляющий потоком следствий, прочнее закалённой стали и твёрже твердейшего камня. Здесь, как нигде больше, кроме как в Самости, обнаруживается то, к чему человеческое сознание может привязаться и чему может доверять, поскольку всё остальное оказывается текучим и запутанным. И эта непоколебимая суть ведёт прямо к Сознанию-без-объекта. Лишь в самом конце логический инвариант исчезает в вечно Невыразимом, но тогда Путник уже достигает места Окончательной Безопасности и Завершённости за пределами относительности науки, искусства, религии и философии.

Но разве для Путника, наконец, достигшего этого места, не остаётся ничего кроме бесконечного сознания, лишённого содержания? Нет, перед ним открыты все возможности, как вселенной объектов, во всех смыслах, так и Нирваны, также во всех смыслах. Но успешный Путник теперь Просветлённый и защищён от всех опасностей и всех трудностей любого из царств или состояний сознания от Небес и до самого Ада. Он может продолжать действовать творчески или нет, но, в любом случае, Он выше действия и отказа от действия. Одним словом, Он переходит на более высокую ступень эволюции. Таков смысл Сознания-без-объекта.

¹ Было бы более правильным сказать, что старая концепция не объясняет факты так же *просто*, как новая концепция. Всегда возможно заставить старую концепцию работать, добавив к ней изощрённые интерпретации посредством *ad hoc* гипотез, но это делается ценой утяжеления и усложнения. Не смена фактуальной картины меняет теорию, а *большая* логическая красота и эффективность новой теории.

² Согласно новейшей теории плотность радиации на ранней высококонденсированной стадии расширения вселенной была значительно выше плотности материи. То же, что тогда представляла собой материя, было рассеяно равномерно. На более поздней стадии расширения плотность радиации сравнялась с плотностью материи, и в этой точке вступила в силу «гравитационная нестабильность», и начали формироваться галактики.

³ На самом деле, более полная концепция пространственно-временного инварианта – это направленное количество Энергии-Импulses, в которой «Энергия» – это лишь часть, лежащая в направлении увеличения времени. В целях упрощения мы используем только более известный термин «Энергия».

⁴ Данная аналогия не призвана показать, что афоризмы опираются на физическую концепцию. Физические концепции меняются, поэтому конструкции, основанные на них, недолговечны. На самом деле, целью было продемонстрировать, что афоризмы, в качестве концептов, не такие уж странные, какими могут показаться на первый взгляд. Они представляют собой концептуальный шаблон, который уже существует и используется, хотя и в совершенно ином разделе человеческого знания. Неизбежно, всякий концептуальный символ должен состоять из терминов концептуализма своего окружения, какими немислимыми ни были его корни в концептуальных терминах.

⁵ В этой связи под фундаментальной теорией я понимаю такую теорию, которая представляет собой первичное допущение интеллекта данного типа – его отправную точку для творения конструкций. Такие фундаментальные теории основываются на вере и, в действительности, составляют часть сущностных религиозных убеждений данной культуры. Чтобы мыслить, мы всегда должны начинать с чего-то, что мы не можем доказать ни логикой, ни обращением к опыту. Это определяет форму опыта по мере того, как он становится материалом мысли, но само не извлекается из опыта. Так, например, наша наука основывается на вере в единообразие природы. Лишите её этой веры, и вся наука рассыпится. Конечно, эта вера может

безоговорочно подтверждаться, но она предшествует науке, а не вытекает из науки. Говоря психологическим языком, фундаментальная теория пристокает из бессознательного.

⁶ Это, возможно, наиболее конкретный частный случай концепции энергии-импульса, описанной в предыдущей сноске.

⁷ Значение вышеприведенного в том, что физическая наука не даёт нам ноуменального, метафизического или сущностного знания. Скорее, она даёт всего лишь позитивистскую разновидность знания, но позитивизм логический, равно как и эстетический.

⁸ Возникает следующий вопрос: как понимать индивидуальный центр сознания, является ли он пустотой. Во-первых, под индивидуальным центром сознания мы понимаем здесь эмпирическое познающее существо, которое мы обычно рассматриваем как индивидуальность, не поднимая в данном случае вопрос об окончательном статусе индивидуальности. Однако второй вопрос вызывает к жизни проблему, имеющую глубокие корни, которой будет уделено серьёзное внимание в следующей книге. Эта проблема касается противостояния между Атма Видьей ведантистов и Анатмической доктриной буддистов. Коротко, можно констатировать, что выдвигаемая здесь точка зрения занимает промежуточное положение. Таким образом, можно сказать, что в относительном смысле индивидуальный центр сознания – это не пустота или нереальность, если сравнивать его с объектом, однако в абсолютном смысле его можно считать пустотой вследствие его производности. Он занимает позицию, аналогичную параметру в математике.

⁹ Старая психология без психе – просто грубая физическая наука.

¹⁰ Уверенность трансцендентальных состояний никоим образом не означает правильность их концептуальных интерпретаций. Интерпретация – это относительная функция, подверженная ошибке.

Глава 6. Комментарии к афоризмам

Вступление

Если погрузиться в глубины мышления и чувства, то можно обнаружить, что они происходят из одного и того же источника. Источник этот, по своей природе непроявленный, представляется относительно сознанию лишённым как чувства, так и концептуальной формы. Но при его постижении он обретает свойство полноты чувства и совершенства мысли. Сознание уже не ощущает себя стремящимся к недостижимой завершённости. Тогда мысль и чувство перестают быть обособленными, а потому отличимыми друг от друга. Но когда этот источник проецируется в проявленное сознание, он отчасти утрачивает свою чистоту, поскольку проявлять значит обособлять, даже на наиболее абстрактном уровне выражения. Афоризмы о Сознании-без-объекта представляют собой такую проекцию на уровень исключительной абстрактности и универсальности, посредством которой невысказанное становится, в некоторой степени, мыслимым. Но поскольку в силу этого акта вселенское вмещилище проявляется в сфере вмещаемого, мы оказываемся уже не в присутствии самой Истины, а получаем лишь символ Истины.

Переход от символа к тому, что символизируется, требует не только прозорливости мысли, но и гораздо большего. Здесь чувство, в своём высшем смысле, должно слиться с мыслью. Поэтому мыслитель должен научиться также чувствовать свою мысль, испытывать перед ней высшую степень благоговения. Здравое рассуждение не достаточно, если мыслитель стоит в стороне, не отдавая *всего себя* своей мысли. Мыслитель преуспеет, отрекаясь от себя перед Истиной, не требуя взамен ничего, кроме того, что сама Истина открывает ему. Достигнув совершенства, он не имеет мнений и личных предпочтений. Тогда Истина овладевает им, а не он Ей.

Тот, кто соединился с Вечным, должен, в первую очередь, научиться смирению. Ему следует возложить на жертвенный алтарь гордость знающего. Он должен стать нищим, не притязающим на знание или мудрость. Таково состояние мистического невежества – пустота сердца. Тот, кто добровольно стал ничем, готов к тому, чтобы сама Мудрость овладела им. Полнота самоопустошения суть условие постижения несказанной Полноты. Только так «знание о чём-то» превращается в Знание-Реальность.

Знать ТО, что символизируют афоризмы, значит быть обладаемым ТЕМ и, следовательно, быть единым с ТЕМ. С этих пор всякая мысль, всякое чувство, всякая обособленность, всякая личная заинтересованность оставляются позади. Конечно, от них никуда не деться, но они уже не притязают на Трон, им не предназначенный. Они теперь просто актёры в Божественной Пьесе, не больше.

Испытание мистической смертью предстаёт перед кандидатом как внушающее ужас привидение. Но тот, кто с храбрым сердцем принимает вызов полного уничтожения, вступает в ужасное и грозное присутствие, обретает лишь высшую Славу. Ужас оборачивается блаженством. Только обязанности утрачиваются, когда он обнаруживает себя не потерянным в Вечном, а самим Вечным. Все опасности на Пути – только призраки, не имеющие силы, кроме той, которой сам кандидат наделяет их. Но поскольку в сердце людском много тьмы и страха, привидения имеют ужасный облик. Но у них нет своей силы, и им приходится исчезнуть, разоблачённым волей бесстрашного кандидата.

Тот, кто воспринимает афоризмы как указатели на Пути, найдёт в них силу, растворяющую всех призраков, как ужасающих, так и соблазняющих. Пугающие видения тьмы оставят его, если он будет следовать по Пути. В самом конце Врата Славы предстанут пред его взором, и ужас окончательно оставит его. Тот же, кто не готов зайти так далеко, может найти в афоризмах пищу для своего ума, просветляющую ум. Ясное мышление гораздо лучше мышления на ощупь. Мыслить в Свете, пусть даже ещё не понятном, гораздо лучше, чем блуждать в потёмках. Ибо мысль должна быть освещена

чем-то, во мраке она становится неведением, бросающимся из стороны в сторону. Чтобы выбраться из этого безнадежного мрака, тот, кто ещё не стал Знанием, должен руководствоваться верой, будь то вера в Вечное, или во что-либо светлое. При отсутствии Знания человек должен обладать верой, чтобы не погибнуть.

1. Сознание-без-объекта есть.

Фундаментальным принципом, лежащим в основе всех афоризмов, является то, что Сознание – это первичная и самосушая Реальность. Это Сознание суть Субстанция и Жизнь. Можно рассматривать Первичный Принцип и как Жизнь, и как Субстанцию, но я предпочитаю рассматривать предмет как Сознание по той простой причине, что эта фаза Реальности, в которой мы самым непосредственным образом уверены. Сознание, Жизнь и Субстанцию не следует рассматривать как три обособленные реальности, а лишь как три грани недвойственной Реальности в её представлении аналитическому сознанию.

Первичное Сознание не следует рассматривать как сознание какого-то трансцендентного существа, осведомлённого о некоем содержании. В этом, возможно, заключается главная трудность в понимании символа Сознания-без-объекта. Мы привыкли рассматривать сознание как нечто производное – качество, принадлежащие кому-то, или определённого рода отношения. Следует отказаться от этого, чтобы понять афоризмы. Сознание должно считаться первичным, тогда субъект и объект становятся производными. То, что изначально и первично, представляется Великой Пустотой Сознания для всякого сознания, зависящего от субъектно-объектных отношений. Как будто Сознание – это ничто, хотя на самом деле Оно суть всё.

Абсолютное сознание с относительной точки зрения неотлично от несознания. Большая часть философии написана с перспективы, рассматривающей предельное как бессознательное, либо психической (тока зрения фон Гартмана), либо непсихической (точка зрения материалистов) природы, тем самым принимая относительное сознание за основу, но афоризмы основываются на предельном Трансцендентальном и в этой перспективе рассматривают относительное сознание. Мы следуем дедуктивному процессу, нисходя от наиболее универсального к конкретному или частному, а не индуктивному методу, столь характерному для физической науки и большей части философии, включая философию фон Гартмана.

Неизбежно возникает вопрос: каким образом можно познать это Первичное Сознание. На это отвечается: через Осознание, превосходящее Нирваническое Состояние. Полная проверка правильности афоризмов требует этого. Однако частичная или прагматическая проверка может быть осуществлена путём принятия их, *как если бы* они были подлинными символами Реальности, и дальнейшего получения выводов, из них вытекающих, с конечным наблюдением того, как они решают проблемы жизни и мышления в их практической постановке. Если исследователь обнаружит, что они упрощают проблемы и приводят «я» к более гармоничным отношениям с «не-я», тогда они докажут свою состоятельность в обогащении жизни, а значит будут прагматически оправданы.

Естественно подразумевается, что такое Осознание лежит в пределах человеческих возможностей. В противном случае афоризмы имели бы под собой одно из двух оснований: а) интеллектуальную спекуляцию, принадлежащую исключительно относительному сознанию, б) сверхчеловеческое откровение свыше, не поддающееся человеческой проверке. Обе эти основы здесь отвергаются, в особенности, последняя. Понятие сверхчеловеческого откровения свыше, подвергнутое анализу, не обнаруживает под собой никакого разумного смысла, а вера в него ведёт как к интеллектуальному, так и к моральному суициду. Подобная вера рождает позицию, ставшую знаменитой в словах Тертуллиана: «Я верю, потому что это неразумно». Подобная позиция совершенно чужда тому духу, в котором написаны данные афоризмы.

Утверждается, что афоризмы несут содержание, данное непосредственным Знанием, и что для Постижения этого содержания необходимо задействовать обычно латентный орган. Поэтому их не следует рассматривать как метафизические спекуляции, концепты которых не несут реального содержания, на что указывал Кант в своей «Критике чистого разума», касаясь вопроса метафизики. Таким образом, утверждается, что афоризмы не являются продуктом чистого разума, а значит не подпадают под критику Канта. Поэтому философский критицизм в отношении данной философии, если он действительно философский, должен признать существование этого внутреннего органа.

Критическая проблема принимает форму: существует ли этот внутренний орган или Самадхиндрия, как он известен на санскрите. Это – психологический или даже метапсихологический вопрос. Я тщательно исследовал возможности логического доказательства существования такого органа, и вынужден заключить, что подобного доказательства не существует. Но и логическое опровержение равно невозможно. Единственное возможное доказательство основывается на непосредственном опыте деятельности такого органа. С другой стороны, эмпирическое опровержение невозможно, поскольку эмпирическое опровержение любой предполагаемой психической функции или органа явно предполагает наличие полного знания обо всех психических возможностях. Не думаю, что какой-нибудь психолог притязал бы на подобное всезнание.

Итак, если какой-нибудь человек внезапно обнаружит в себе функционирование психического органа, который неактивен у большинства людей или функционирует таким образом, что неразличим для относительного сознания, то этот человек будет доподлинно, на своём собственном опыте знать, что такая функция или орган существует. Но если он захочет доказать существование данной функции тем, в ком она совершенно латентна, он столкнётся с серьёзными затруднениями. Всё, что он сможет донести до сознания последних, будет, неизбежно, в терминах функций, уже известных им. В общем, это значит в терминах так называемого пятичувственного рационального сознания. Что-либо большее, принадлежащее собственно этому органу, будет несоизмеримым, а потому невыразимым, это никак нельзя будет передать. А то, что можно будет передать, будет, как отмечалось, в терминах привычного пятичувственного рационального содержания. И это всегда будет объясняться соответствующими гипотезами, так что гипотеза о существовании некоего нового органа будет представляться непробуждённому сознанию необязательной. Изобретательность человеческого интеллекта, несомненно, не знает границ. Но если, к примеру, слепые от рождения начнут изобретать гипотезы, объясняющие всё, что зрячие могут передать им, в терминах, отрицающих всякую возможность зрения, то это может быть вполне убедительным для других слепцов, но оставит зрячих людей совершенно равнодушными. Результат окажется плачевным.

То, что концепция латентного мистического чувства, активного у некоторых, но неактивного у большинства людей, может быть *достаточным* объяснением трансцендентального знания, насколько мне известно, ещё никем не обсуждалось. Возникает вопрос *необходимости*. Итак, если предположить наличие мистического чувства в активном состоянии, то хотя содержание, передаваемое в область обычного пятичувственного рационального сознания, не обязательно требует гипотезы о наличии такого чувства, всё же остаётся несоизмеримая или невыразимая часть оригинального содержания или состояния, которая будет продолжать требовать объяснения. Как я обнаружил, гипотезы пятичувственного рационального сознания считают невыразимое содержание или свойство простой иллюзией. Для мистика это является доказательством *недостаточности* подобных гипотез, поскольку для него содержание или свойство, постигаемое посредством мистического чувства, обладает *большим* квалом реальности, чем таковое всех прочих чувств. Итак, каким образом пятичувственное рациональное сознание будет оспаривать это? По определению мистик обладает пятичувственным рациональным сознанием плюс всё то, что постигается посредством мистического чувства, а потому в состоянии давать сравнительную оценку, в то время как одно лишь пятичувственное

рациональное сознание на это не способно. Здесь менее воспитанные психологи начинают проявлять мальчишескую задиристость, обзывая своих собратьев нехорошими именами, хотя при этом, обычно, пользуются высоконаучным языком. Полагаю, что это ниже достоинства истинных учёных и джентльменов.

То, что строгий аргумент должен удовлетворять категориям как необходимости, так и достаточности, является принципом логики. Но подобное совершенство достигается только в чистой математике. Неиндуктивные, соответственно, ненаучные гипотезы удовлетворяют двум этим условиям. Не существует научных гипотез, которые необходимы в логическом смысле, поскольку могут быть изобретены другие гипотезы. Однако научная гипотеза должна пройти тест достаточности, то есть должна быть такой, чтобы объединить *все* относящиеся к вопросу факты в систематизированное целое. Итак, если в научном подходе обладателям мистического чувства и тем, кто обладает исключительно пятичувственным типом, отказаться от взаимных оскорблений, то окажется, что именно пятичувственный тип интерпретирующей теории не удовлетворяет канонам научной гипотезы. Ибо такой тип не выполняет условие достаточности.

Что касается невыразимого содержания или качества мистических состояний сознания, то можно отметить, что в них нет ничего странного. «Невыразимое» означает «несказанное» или «непередаваемое». Но непередаваемость вовсе не является странностью, ибо она характерна даже для чувственного опыта. Специфическое качество одного чувства не может быть передано в терминах, понятных другим чувствам. В действительности, есть нечто совершенно непередаваемое в отношениях перцепций и концепций. Концепции передают перцептивные свойства от одного человека другому только в той степени, в которой между двумя людьми имеется общность перцептивного опыта. Поскольку референты общие, концепты передают смысл, в противном случае это невозможно. Итак, мистику известно содержание или качество, *невыразимое для немистика*, но обычно могущее быть более-менее адекватно передано посредством концепта, знака или символа такому же мистику. Это как раз случай концептов, знаков или символов, имеющих иного рода референцию, и двух и более человек, знакомых с данными референтами.

В самом глубоком понимании Трансцендентального Сознания мы вынуждены оставить идею органа сознания, поскольку понятие органа налагает ограничения. Но пока существуют стадии в мистическом сознании, идея внутреннего органа имеет ценность.

2. До появления объектов Сознание-без-объекта есть.

Этот афоризм подчёркивает приоритет Сознания над содержанием. Но это не временной приоритет в том смысле, в котором причинный antecedent предшествует следствию. Первичное Сознание суть не более причина объектов *во временном смысле*, чем пространство – причина звёздных систем. Но без пространства не было бы и звёздных систем, и, аналогичным образом, не было бы объектов без поддерживающего их Сознания. Поэтому Сознание-без-объекта есть не в смысле настоящего, которое суть просто точка в потоке из будущего в прошлое, а в смысле Вечного Сейчас. Эта «естественность» суть отрицание времени. Сознание-без-объекта – это не причина, определяющая любую частность, а это Беспричинная-Причина, благодаря которой всякая частность возможна.

Здесь «объекты» следует понимать в наиболее общем смысле всякой модификации сознания. Это не только объекты зрения или мысли, но также любые чувственные состояния сознания. Ибо чувственное состояние может быть распознано как таковое, а значит является содержанием или объектом.

Мы не в состоянии постичь первичный объект, поскольку перед таким объектом должен быть его причинный antecedent. Поток объектов – это поток из ниоткуда в прошлом в никуда в будущем. В этом временном потоке нет субстанции, а значит миллиарды лет, по сути своей, то же самое, что и мельчайший отрезок времени, подобно

тому, как конечный отрезок прямой содержит такое же количество точек, что и вся бесконечная прямая. Временная драма разыгрывается в Море Сознания, и всё же ничего вообще не происходит.

3. Хотя кажется, что объекты существуют, Сознание-без-объекта есть.

Данный афоризм относится к тому состоянию, в котором объекты, во всех смыслах, предстают перед сознанием *сейчас*, тогда как предыдущий афоризм относится к тому, что кажется предшествующим их видимости. Всякое существование, которое объект может иметь, это только существование «сейчас», хотя мы можем различать фазы этого «сейчас», такие как существование в памяти, существование в настоящий момент и существование в воображении о будущем. Существует заметная качественная разница между этими тремя фазами «сейчас», но ни одна из этих фаз, в действительности, не может быть изолирована от «сейчас» сознания, продолжая при этом иметь существование, в каком-либо смысле, предиктируемое ей. Ибо предикация – это акт настоящего внутри самого сознания.

В первой части данного афоризма критическим словом является «кажется». Ни один объект не претендует на нечто большее, чем *видимость*, чтобы существовать для сознания. Существование, понимаемое в каком-либо ином смысле, нежели для сознания, совершенно бессмысленно. Ибо такое существование основывается на его *постижении*, а это, неизбежно, сознательный акт или состояние. Поэтому, в строго логическом смысле, все объекты имеют под собой одинаковую основу, т.е. *видимость*. Конечно, имея в виду определённую цель, можно считать одни объекты важными, а к другим относится с равнодушием. В зависимости от цели те или иные объекты могут наделяться большей или меньшей степенью реальности. Но подобное справедливо только в отношении данной цели, и если это забывается, возникает неразбериха. Так, для определённых целей объекты сна могут быть более реальными, чем объекты так называемого бодрствующего сознания. Для целей нашей науки определённый класс объектов, принадлежащих бодрствующему состоянию, является значимым. У нас сформировалась привычка называть эти объекты реальными и полагать, что они реальны в некоем абсолютном смысле. Мы забыли, что они реальны только в отношении наших специфических научных целей. Наши психологи стремятся проводить различие между этим классом объектов и всеми, или почти всеми, другими объектами, называя их фантазией. Подобная терминология является предвзятой в отношении последних, и логически не оправдана, если не делается оговорка, что они фантастичны и нереальны только в отношении определённого научного интереса. Рассматривая объекты *сами по себе*, абстрагируясь от любой цели, мы не можем определить какую-либо разницу в степени реальности одного класса объектов в отношении другого. Все объекты равны в том, что их существование – это всего лишь *видимость* для сознания и не больше. Но при одной цели или при другой, или при полном отсутствии целей сознание *per se* – это неоспоримая реальность. Это Сознание суть Реальность, которая объединяет младенца, идиота или безумца, с одной стороны, с мудрейшим и образованнейшим человеком, с другой. Различие, которое разделяет две эти крайности, это только различие содержания, а не Сознания, взятого отдельно от содержания.

Несомненно, проводить различие между разным содержанием сознания полезно. Но это полезно только в отношении цели и уровня и бесполезно, если нет цели или перспективы. Подобное различие само есть не что иное, как производное содержание сознания, подверженное развитию и упадку. Его поддерживает, будучи его субстратом, как и всего остального, чистое Сознание, лишённое содержания.

4. Когда объекты исчезают, оставаясь совершенно незатронутым, Сознание-без-объекта есть.

Объекты исчезают, когда больше не предстают перед сознанием ни в настоящий момент, ни в памяти, ни, наконец, в воображении. Факт их исчезновения никак не связан с возникновением других объектов. Таким образом, исчезновение действует как принцип, полное оно или только частичное.

Сознание-без-объекта – это связующий принцип, поддерживающий продвижение и исчезновение состояний или объектов сознания. Этот связующий принцип не развивается и не разрушается. Таким образом, он является инвариантным элементом, связанным со всевозможными вариациями. На определённой стадии анализа сознания представляется, что инвариантом является чистый Субъект или Самость, но на этой стадии анализ не видит тонкого различия между чистой Субъективностью и Сознанием как таковым. Поэтому чистая Самость представляется в виде своего рода неделимого атомного ядра, постоянного во всех состояниях. Но когда анализ идёт дальше, подобное представление упраздняется. В конечном итоге, обнаруживается, что Самость является производной, так же как и объекты сознания. Таким образом, единственным непродуцируемым принципом остаётся само Чистое Сознание.¹

Как мы рассматриваем наличие объектов только как видимость, и не больше, так же исчезновение объектов является всего лишь видимостью. Непродуцируемая Реальность в обоих случаях не затрагивается.

5. Вне Сознания-без-объекта нет ничего.

Среди многочисленных сторонников реалистического и натуралистического подхода, столь же наивного, сколь и агрессивного, существует глубоко укоренившаяся привычка считать объекты существующими совершенно независимо от сознания. В такой перспективе объекты рассматриваются как самосущие вещи. Но это – всего лишь гипотеза, причём такая, которая не поддаётся проверке ни на опыте, ни посредством логики. Ибо проверка неизбежно подразумевает наличие сознания, а значит при проверке так называемые независимые вещи низводятся до статуса объектов в зависимых от сознания отношениях. Не существует необходимости, такой как логическая необходимость, требующей предикации существования вещей, совершенно независимых от сознания во всех смыслах, чтобы объяснить возникновение объектов. Ибо объекты возникают и исчезают в отношении *состояния* сознания и просто перестают проследиваться за пределами этого состояния, но только этого состояния. То, что они существуют для другого состояния за пределами данного, не только в принципе возможно, но и поддаётся проверке соответствующими средствами. Хотя логика и принцип причинной связи могут требовать того, что возникновение объектов не должно быть исключительно *de novo*, нет необходимости предсказывать существование вещей, совершенно независимых от сознания, чтобы удовлетворить этому требованию.

Объекты состояния бодрствующего сознания исчезают с отходом ко сну, где реализуется совершенно иное состояние или система объектов. Но хотя система объектов, реализуемая в состоянии сна, совершенно иная, анализ снов часто выявляет взаимосвязь между некоторыми из этих объектов и содержанием бодрствующего состояния. Некоторые сны демонстрируют последовательность объектов из прошлых состояний бодрствования, тогда как другие являются пророческими в отношении объектов, испытываемых в будущих состояниях бодрствования. Здесь перед нами пример широко распространённого перехода сознания из состояния в состояние с объектами, наблюдаемыми в совершенно различных системах объектов. Двух этих образчиков специфических состояний недостаточно, чтобы проследить всю генетическую и дезинтегративную историю объектов. Но они представляют собой эмпирическую демонстрацию способности сознания переходить из состояния в состояние, тем самым делая в принципе постижимым более широкое распространение этой способности. Таким

образом, опять же, нет логической или эпистемологической потребности предсказать существование вещей отдельно от сознания.

Данный афоризм не просто утверждает, что предикация существования вещей совершенно вне сознания не является необходимой. Он категорически заявляет, что «вне Сознания-без-объекта нет ничего». Его можно рассматривать как первичное определение «чего-либо». Таким образом, «что-либо» есть то, что является объектом в сознании в определённом смысле. В действительности, никакой другой смысл не возможен для понятия «что-либо». Такое понятие бесполезно и ненужно. Утверждать, что вне сознания в каком-либо смысле существует то-то и то-то, всё равно, что издавать бессмысленную комбинацию слов, такую же как «сын бесплодной женщины».

6. В глубинах Сознания-без-объекта находится способность осознания, проецирующая объекты.

Чистое Изначальное Сознание следует понимать как включающее в себя субъективную способность осознания, в отношении которой существуют объекты. Субъективная способность осознания и содержание сознания находятся в отношениях взаимозависимости. В наиболее абстрактном случае, когда наличествует сознание отсутствия объектов, само это отсутствие имеет свойство содержания, поскольку находится в полярных взаимоотношениях с субъективной способностью осознания. Таким образом, не существует субъекта, для которого не было бы содержания, в каком угодно смысле, или, говоря иначе, если нет содержания, нет и субъективного полюса осознания.

Сознание-без-объекта – это не просто способность осознания, поскольку Оно охватывает и содержание наряду со способностью осознания собственно. Мы можем рассматривать способность осознания как первое видоизменение неизменного. Она имеет свой источник и черпает своё бытие в неизменном. Именно эту способность мы можем рассматривать как Первопричину – Способность, вечно Скрытую, но делающую возможным откровение и понимание.

Обычно мы представляем себе способность осознания как играющую исключительно пассивную или воспринимающую роль в восприятии впечатлений. Справедливо, что на эмпирическом уровне она, в определённой мере, функционирует как восприятие. Но даже из обычной творческой активности людей мы можем понять, что восприятие – не единственная её функция. Так, творческое произведение сначала воображается, затем проецируется в объективную форму и, наконец, рождает впечатление. В свою очередь, впечатление от творческого произведения может пробудить дальнейшую творческую активность и вести к повторению данного процесса. Однако в такой последовательности функция воспринятого впечатления – это функция каталитического агента, который просто стимулирует творческую проецирующую способность. Пассивным является впечатление от объекта, а не способность осознания. Ясность в этом вопросе очень важна, поскольку именно здесь берёт начало поглощённость индивидуума объектами. Когда индивид считает способность осознания пассивной в отношении впечатлений от объектов, он помещает себя в зависимость от объектов, тем самым обрекая себя на рабство. Вселенная объектов становится тогда огромной тюрьмой, вместо того, чтобы быть площадкой для творческой активности. В качестве тюрьмы вселенная объектов принимает видимость зла – великого врага человека, но в качестве площадки для творческой активности она суть бесценный помощник для постепенного роста самосознания.

Проецирующая способность осознания существует *a priori*, т.е. она предшествует опыту. Справедливо, что опыт, в свою очередь, реагирует на эту способность, но он действует как стимулирующий, а не как сущностный агент. Вся внешняя причинно-следственная цепочка состоит лишь из этих стимулирующих агентов. И хотя стимулирующий агент может рассматриваться как своего рода пусковой механизм

последующего творческого процесса, он не является корневой причиной. *Исключительно* творческая фаза проецирующей способности суть первопричина, рождающая следствия, но сама она не является следствием предыдущих причин. В этот момент энергия вливается во вселенную объектов. Неправильно считать, что между любыми двумя состояниями вселенной можно поставить знак равенства, поскольку может произойти либо увеличение, либо уменьшение содержания. Творческая проекция приводит к увеличению содержания.

7. Когда объекты проецируются, способность осознания предполагается как субъект, однако Сознание-без-объекта остаётся неизменным.

Проецируемые объекты становятся объектами опыта, представляющими собой ограничивающее окружение. Ограничение всегда болезненно и поэтому является основой вездесущего страдания, пронизывающего миры объективного опыта. В конечном счёте, эта болезненность побуждает скрытую способность осознания осознать себя, чего бы не случилось там, где нет иллюзии ограничения, налагаемого на свободную игру сознания. Из осознания сознания объектов, в конечном счёте, возникает понимание противоположного субъективного принципа. Таким образом, мы обнаруживаем субстрат, лежащий в основе всех объектов. Наделяя этот субстрат объективным характером, мы приходим к понятию атомического эго, аналогичного объектам, за тем лишь исключением, что мы наделяем его постоянным качеством в противоположность вечно меняющемуся характеру всех подлинных объектов. Такое эго сочетает в себе атомическую природу объектов и относительное бессмертие чистой субъективности. Но атомическое эго – это ложная конструкция, а не подлинная субъективность. Оно, в действительности, суть ещё один объект во вселенной объектов, хотя и исключительно вредный объект, к которому сознание особенно привязано.

Истинное Осознание чистого Субъекта есть нечто совершенно иное, в нём Самость понимается таким образом, что никогда не может стать новым тонким объектом. Она суть то, что лежит в основе всех понятий, но само не является понятием.

Этот афоризм ещё раз говорит о неколебимости Сознания-без-объекта. Смысл в том, что никакое развитие сознания в терминах содержания или в терминах осознания субъективного принципа не оказывает ни малейшего влияния на чистый принцип Сознания как таковой.

8. Когда рождается сознание объектов, тогда же возникает сознание отсутствия объектов.

Способность постигать любую вещь или объект подразумевает изоляцию его от всего того, чем он не является. И хотя степень её осуществления может быть различна, такая изоляция должна достичь определённой степени, чтобы объект мог существовать, будь то для мышления или для восприятия. Когда объект полностью определён, изоляция завершается. В таком случае, обсуждаемую вселенную можно разделить на два класса: то, что подпадает под ограничивающее определение, и то, что под него не подпадает. Но всегда, чтобы сформулировать определение, должно быть признание обоих классов. Данный процесс постоянно протекает во всех тех индивидуумах, чьё сознание озабочено объектами в любом смысле, даже в тех, у кого он большей частью скрыт «под поверхностью», являясь более или менее бессознательным или подсознательным.

Достичь той точки в эволюции сознания, когда признаётся наличие класса всех возможных объектов, в каком угодно смысле, означает также достичь, по крайней мере, смутного осознания *отсутствия* объектов, в каком угодно смысле, как противоположного состояния. Такое осознание отсутствия объектов, в чистом виде, это не познание объекта, а иная форма сознания, не озабоченная объектами. Однако можно представить это состояние сознания таким образом, что оно будет выглядеть как инверсия

всех объектов. Это ведёт к своего рода идеальному миру, который не является ни собственно вселенной объектов, ни Нирваной, но сочетает в себе, в определённой мере, природу обеих. Такого рода идеальное творение очень хорошо иллюстрируется математическими концепциями отрицательных, мнимых, бесконечно малых и трансфинитных чисел. Их все можно рассматривать как инверсные когнции. Однако они не являются вследствие этого когнциями, лишёнными смысла, – их смысл более трансцендентальной и неуловимой природы, нежели тот, которым наделены изначальные положительные реальные числа, в частности, целые, значимо названные натуральными. Эти инверсные числовые когнции не только полезны, но и, в некотором отношении, даже необходимы в развитии определённых аспектов западной культуры. Они, безусловно, значимы.

Итак, когда осознание отсутствия объектов воплощается в своего рода инверсную концепцию, смысл последней отличен от такового прямых когнций, её породивших. Смысл этот исключительно символический и ускользает от количественного и качественного определения, что не характерно для прямых когнций, чей смысл, в какой-то степени, поддается определению, количественному или качественному. В определённом смысле мы можем говорить, что постигаем смысл прямых когнций немистическим образом, но в случае инверсных когнций смысл постижим только в мистическом откровении. Если же мы интерпретируем инверсные когнции в немистическом смысле, тогда мы попросту создаем тонкую подвселенную объектов, в результате чего сознание-принцип не избавляется от своего рабства у объектов, а только переходит в более высокую область объектов. Тем не менее, подобная сублимация вполне может означать прогресс на пути к истинному Освобождению. Она вполне может служить своего рода трамплином, очень способствующим истинному Освобождению.

Сознание, символизируемое системой инверсных объектов, совершенно отлично от всего, попадающего в поле зрения обычного относительного сознания. Это – невыразимое Состояние, достижимое в высших мистических состояниях сознания или в Самадхи.

9. Сознание объектов – это Вселенная.

В определённом смысле данный афоризм можно рассматривать как определение того, что понимается под термином «Вселенная». Это та область сознания, в которой самость осознаёт объекты, а последние являются противоположностью осознающей их самости. В этом смысле «Вселенная» подразумевает гораздо большее, чем то, что обозначено термином «физическая вселенная», поскольку включает в себя, помимо бодрствующего физического сознания, все объекты сновидений, все объекты того, что психологи называют «галлюцинациями» или «гипногическими видениями», а также любые другие объекты, которые могут восприниматься во время объективной жизни или после смерти, какими бы они ни были. В этом смысле психические состояния, в которых переживаются так называемые фантазии, также классифицируются как часть Вселенной.

Поскольку вся область западной науки ограничивается изучением объектов сознания, она никогда не может распространиться на то царство сознания, которое отлично от Вселенной. Эта наука принимает в качестве своей первоосновы субъектно-объектные отношения в структуре сознания. Этот факт сразу же устанавливает границы её возможного распространения. Подобная ограниченность, однако, не исключает возможность неограниченного развития западной науки в определённом направлении, подчинённом субъектно-объектным отношениям, но эта наука навсегда отстранила себя от измерений сознания, не обусловленных субъектно-объектными отношениями. Такая наука также не способна на критическую оценку своей собственной первоосновы, поскольку эта первооснова является её изначальной данностью, включающей и её критицизм. Компетентная критика этой первоосновы возможна только в той перспективе, которая превосходит исключительную зависимость от субъектно-объектных отношений.

10. Сознание отсутствия объектов – это Нирвана.

Здесь необходимо использовать санскритский термин для обозначения того, для чего, очевидно, не существует западного термина. «Нирвану» особенно трудно понять западным учёным, что явствует из большей части дискуссий о ней. Отыскать причину этого несложно. Она кроется в типичной и исключительной поляризации западного ума на *объект* сознания. Даже мистики Запада редко достигали степени субъективного проникновения, достаточной для достижения подлинного Нирванического Состояния. Западная субъективность едва ли превосходит область тонких объектов даже у большинства мистиков, а эта область всё ещё находится в пределах Вселенной, как она понимается в предыдущем афоризме.

Этимологически «Нирвана» означает «угасание», а это, в свою очередь, приводит к популярному пониманию «уничтожение». Это справедливо лишь в том смысле, что уничтожается *фаза* или *образ действия* сознания, а не сам принцип сознания как таковой. Внимательное изучение буддийского канона явно указывает на то, что Гаутама Будда никогда не подразумевал под Нирваной уничтожение сознания как принципа, а лишь уничтожение сознания, действующего определённым образом.

Как явствует из данного афоризма, Нирвана означает такое состояние сознания, в котором самость не находится в отношениях с объектами как противоположная им и осведомлённая о них самость. Лишь одна сторона смысла Нирваны освещена в данном афоризме, а именно то, что Нирвана определяет сознание, в котором имеется отсутствие объектов. Однако субъект сознания не считается здесь исчезнувшим в более глубоком смысле. Подобное качество сознания, хотя обычно и не в чистом виде, можно найти даже в западном мистицизме. Оно выдает себя в тех выражениях мистиков, когда они сообщают о постижении тождества себя и содержания сознания. Этому содержанию столь часто придается объективный смысл, что подобные мистические состояния не следует рассматривать как чистые, но скорее как смесь Нирванического Сознания с обычным сознанием вселенной объектов. Однако всегда у мистика присутствует неуловимый субстрат, на который он может только лишь намекнуть в своём изложении. Часто его попытки описать этот субстрат заканчиваются выражениями, которые попросту бессмысленны, если судить по канонам субъектно-объектного языка. Как следствие, лишь мистика дано до конца понять другого мистика.

Невыразимость подлинно мистического сознания не является следствием несовершенного владения языком со стороны мистика. И хотя многие мистики владели языком очень несовершенно, вследствие чего остались непонятыми, другие не были столь ограничены. Однако в обоих случаях элемент невыразимости и неясности остаётся. Дело в том, что эту невыразимость так же невозможно облечь в слова, как и урвать иррациональное и рациональное число. Наш язык целиком и полностью основан на субъектно-объектных отношениях. Поэтому сознание, выходящее за рамки этих отношений, не может быть правильно передано языком, построенным на их основе. Следовательно, высказывания мистиков должны рассматриваться скорее как символы, а не как концепты, означающие лишь то, что они призваны означать.

Чистое Нирваническое Состояние Сознания – это Пустота, Тьма и Молчание с точки зрения относительного или субъектно-объектного сознания. Однако на своём собственном уровне – это необычайно богатое состояние сознания, которое можно назвать каким угодно, но не пустым. Его нельзя понять, но можно постичь и познать непосредственно.

11. Внутри Сознания-без-объекта находятся как Вселенная, так и Нирвана, но для Сознания-без-объекта они суть одно.

При поверхностном рассмотрении ничто не может казаться более непостижимым, чем состояние сознания, для которого такие разные состояния, как Вселенная и Нирвана, обладают одинаковой ценностью. Но, в действительности, трудность невелика, при

наличии понимания, что сознание, как таковое, не затрагивается принимаемыми им состояниями или формами. Ни Нирвани, ни человек во Вселенной не выходят за пределы Сознания, понимаемого как абстрактный и универсальный принцип. Если позаимствовать концепции из математики, то можно сказать, что Вселенная и Нирвана равны по *модулю*, но различаются по *значению*. Понятия «модуль» и «значение» означают в математике следующее: среди положительных и отрицательных чисел мы имеем бесконечное количество пар чисел, имеющих одну и ту же абсолютную величину, но различающихся по знаку.² В таком случае говорится, что члены этих пар имеют один и тот же модуль, но противоположны по значению. По аналогии модулем Нирванического Состояния и сознания во Вселенной можно назвать их общее качество *Сознания*. Разница в «значении» относится к различным направлениям поляризации – объективной в случае сознания во Вселенной и субъективной в случае Нирванического Состояния. Итак, когда важен только модуль числа, его положительным или отрицательным значением можно пренебречь, и тогда данные числа считаются равными. При наличии этой аналогии смысл афоризма должен проясниться.

Существует глубочайший Уровень Постижения, когда два состояния Вселенной Объектов и Нирваны вместо того, чтобы казаться навечно разделёнными, становятся неразрывным целым. Иными словами, на этом уровне Осознания сознание объектов и сознание отсутствия объектов постигаются как взаимно дополняющие состояния, находящиеся в зависимости друг от друга, так же как понятие отрицательных чисел зависит от понятия положительных чисел и наоборот. И точно так же, как изучающий математику очень скоро понимает, что понятие числа, как такового, включает в себя как положительное так и отрицательное значение числа, что позволяет ему отбросить мысль о двух различных областях чисел, так же и на этом более высоком Уровне Осознания Нирвана и Вселенная объектов оказываются просто фазами более полной Реальности.

Сознание-без-объекта – это не просто сознание отсутствия объектов. Это ТО, что нейтрально в отношении наличия или отсутствия объектов. Как таковое ОНО находится в положении Безразличия к их наличию или отсутствию. Сознание же отсутствия, напротив, обладает положительным аффективным квалем, точно так же как и сознание присутствия объектов не является состоянием безразличия. Наличие положительного аффективного квала как при наличии, так и при отсутствии, можно проследить на примере исполнения возвышенного музыкального произведения. Если за исполнением произведения следует период тишины и слушатель внимателен к своему сознанию, он обнаружит, что в этой тишине воздействие музыки на его сознание продолжается. В действительности, это воздействие по силе даже больше, чем воздействие музыки как звука. А эта тишина, она не похожа на обычную тишину, а, напротив, несёт аффективный квалем, тесно связанное с исполняемой композицией. Мы можем назвать это нирваническим аспектом данного музыкального произведения. Итак, Нирвана, как целое, находится в аналогичных отношениях со всей Вселенной объектов. Вселенная объектов – это аффективное обеднение, становящееся аффективным избытком в Нирване. Точно так же привязанное к формам знание Вселенной объектов становится свободно текущим Гнозисом, несущим невообразимое знание. Но Сознание-без-объекта нейтрально в отношении обоих этих аспектов.

Строго говоря, с точки зрения Сознания-без-объекта объекты не присутствуют и не отсутствуют. Присутствие или отсутствие имеет смысл только на более низком уровне. Старое представление о пространстве, которое не затрагивается ни наличием, ни отсутствием тел, может служить примером.

12. Внутри Сознания-без-объекта находится семя Времени.

Хотя сознание-как-опыт связано временем, Сознание как таковое превосходит время. Это явствует из того факта, что интеллектуальное сознание способно изолировать и постичь время и в дальнейшем разделить его на три составляющие: прошлое, настоящее

и будущее. Это также подтверждается аналитической механикой, где время является одной из концепций. Невозможно анализировать то, что превосходит тот уровень, на котором, в данном случае и в данное время, действует сознание-принцип. Основы любой формы или образа действия сознания неясны для этой особой формы или образа действия сознания. Если в какое-то время сознание начинает осознавать эти основы и преуспевает в их анализе, это неизбежно означает, что принцип сознания превзошёл данный образ действия сознания. Таким образом, хотя сознание-как-опыт связано временем, как мысль оно восходит на уровень, где способно осознать основы связывающего времени. В данном случае нам нет нужды обращаться к более глубоким мистическим состояниям сознания, чтобы достичь необходимого уровня. Всё это известно философии и теоретической механике. Это ясно показывает, что Сознание как таковое не связано временем, а лишь сознание-как-опыт.

Время, таким образом, может рассматриваться как форма, направляющая деятельность определённых типов сознания, но не как внешняя сущность, выходящая за пределы всякого сознания. Эта идея достаточно известна ещё со времен Канта, поэтому не требует дальнейшего обсуждения. Говоря языком Канта, время – это трансцендентальная форма, налагаемая на феномены. Но из этого следует, что сознание, не озабоченное феноменами, не связано временем.

«Семя Времени» можно понимать как «возможность времени». Время – это вечная возможность в Сознании-без-объекта. О времени не следует думать как о чём-то, внезапно появившимся, ибо понятие «внезапно» само предполагает время. На связанном временем уровне время не имеет постижимого начала и конца. Но в глубинах сознания время превосходится. Вполне возможно настолько проникнуть в эти глубины, что не ощущать никакой разницы между понятиями «мгновение» и «вечность». Однако на своём собственном уровне время продолжает оставаться связывающей формой. Здесь перед нами одна из величайших тайн.

Посредством времени возможно примирить суждения, которые, в противном случае, оставались бы противоречивыми. Это настолько известно, что не требует рассмотрения. Но тот, кто в своём Осознании достиг Сознания-без-объекта, обнаруживает, что логический закон противоречия больше неприменим.³ Суждения, которые, в противном случае, считались бы противоречивыми, примиряются без посредства времени. Эта тайна ещё более великая, чем тайна времени.

13. Когда осознание познаёт Время, рождается знание Безвременья.

Данный афоризм является иным приложением принципа, управляющего деятельностью сознания, который обсуждался в комментарии к афоризму номер 8. Мы способны постичь время как конкретную форму, только когда можем изолировать его от того, чем оно не является. Это применяется не только в философии, но и во многих теоретических построениях науки. В данном случае, однако, мы имеем изоляцию в мышлении. Тогда возникает чрезвычайно важный вопрос: насколько и каким образом необходимость или возможность в мышлении соответствует действительности. Вопрос настолько фундаментальный, что представляется необходимым обсудить его подробнее.

Проблема здесь, по сути, тождественна проблеме онтологического аргумента в пользу существования Верховного Существа. Данный аргумент основывается на допущении, что существование идеи подразумевает существование реальности, ей соответствующей. Поэтому идея Верховного Существа подразумевает, что такое Существо действительно есть. Анализ, которому Кант подвергает данный аргумент, является классическим в философском критицизме, и, в общем, считается, что Кант раз и навсегда разрушил силу этого аргумента. Однако, несмотря на это данный аргумент продолжает обладать психологической силой, и не раз всплывал со времён Канта.

Афоризмы и философия вокруг них не используют понятие Верховного Существа, хотя они оставляют открытой возможность существования высокоразвитых Существ,

которые вполне могут считаться Богоподобными в сравнении с человеком.⁴ Но данная философия основывается на реальности Трансцендентального Принципа. Поэтому проблема, заключенная в анализе онтологического аргумента, присутствует и здесь. Чтобы придать этой проблеме более ясные очертания, приведем цитату из Канта:

Наша концепция об объекте может, таким образом, содержать всё, что угодно, и, тем не менее, мы сами должны оставаться в стороне от концепции, чтобы позволить ей существовать. Так происходит с чувственными объектами благодаря связи с любым из наших чувств согласно эмпирическим законам; но что касается объектов чистой мысли, то не существует никаких средств их восприятия, поскольку они могут быть познаны исключительно а priori; наше сознание всего существования, однако, полностью принадлежит единству опыта, а существование за пределами этой области нельзя считать абсолютно невозможным. Но это предположение нельзя проверить никакими средствами.

Давайте, для своей цели, предположим общую правильность данного аргумента. Тогда, попросту говоря, выводом будет то, что обладание или соответствие объекта разума или мысли существованию в каком-либо ином смысле должно определяться посредством другой разновидности сознания. В случае опыта чувства выполняют эту необходимую функцию, т.е. чувственное впечатление необходимо для определения опытного существования. В конце цитаты Кант признаёт, что возможность иного, нежели опытного, существования нельзя отрицать, однако далее утверждает, что у нас нет средств подтверждения данного предположения. Итак, до тех пор, пока рассматривается сфера сознания, которая является собственно сферой физической науки, вывод Канта кажется вполне правомерным. Однако область сознания, охватываемая наукой, – лишь часть от общего возможного сознания. Признав это, в принципе, следует признать и то, что предположение о внеопытном или трансцендентальном существовании или реальности может быть подтверждено. Эпистемологическая логика не исключает данную возможность; она просто утверждает, что средствами чистых концепций и одной лишь логики трансцендентальные экзистенции или реальности не могут быть доказаны.

В данной философии всякая попытка найти такое доказательство оставляется. Логика и анализ сознания используются просто для создания разумной предпосылки, не предъявляя никакие права на исчерпывающую демонстрацию. Однако утверждается, что непосредственное сверхлогическое и сверхэмпирическое подтверждение возможно. Всё это означает, что существует способность сознания, которая не может, с одной стороны, рассматриваться как презентация посредством чувств или, с другой стороны, таковая в форме концепций. Не может она считаться и всего лишь аффективным и конативным отношением. Это, скорее, – способность сознания, которая спит у большинства людей, однако пробуждается и действует в случае небольшого меньшинства, представителей которого можно найти редко разбросанными на протяжении всей истории. Данная способность сознания известна под различными наименованиями, однако на Западе её наиболее частым названием является «мистический инсайт».

При введении данного понятия ещё одной способности сознания, называемой «мистический инсайт», возникают определённые очевидные трудности, связанные с тем, что данная способность неактивна у большинства. Человек, в ком этот инсайт спит, неизбежно неспособен оценить его непосредственно. Конечно, он может изучить феномены, связанные с этой мистической функцией, на примере исторических личностей, как поступают некоторые психологи. Но это – совсем другое дело, нежели прямая эпистемологическая оценка смыслового содержания мистического инсайта.⁵ Труд, подобный «Критике Чистого Разума» Канта, может быть написан только человеком, находящим в деятельности своего сознания то содержание, которое он анализирует. Изучение форм и процессов сознания является, неизбежно, лишь второстепенным делом при наблюдении. В данном же случае оно основывается преимущественно на

интроцептивном проникновении. Как следствие, психолог, который сам не является мистиком, не компетентен в этой сфере, ибо он неизбежно судит на основе сознания, действующего исключительно посредством чувств и форм интеллектуального понимания, в том, что касается когнитивного содержания. Признавая эту трудность, я отказался в настоящей работе от усилий достичь согласия посредством логики и обращения к общеизвестной сфере опыта.

Однако следует указать на *возможность* смыслового инсайта. Глава «Мистическое Раскрытие» представлена ранее в настоящей работе, чтобы удовлетворить эту потребность. Признаться, читатель находится в трудном положении, когда задумывается над вопросом честности и компетенции автора, формирующего свои интерпретации в этой главе. Но просто нет способа представить материал и процессы мистического инсайта в объективной форме. Ссылка на исторические примеры мистического инсайта, ведущая к формулированию смыслового содержания, добавляет веса достоверности инсайта, но не помогает читателю непосредственно, если конечно ему не присуща хотя бы малая доля мистического чувства. Следовательно, единственное, что можно требовать от обычного читателя – это поразмыслить над идеей возможности мистического инсайта, а затем оценить происходящие от неё философские выводы.

Здесь предсказывается одно очень важное положение, а именно, что существование или реальность вне сферы чувственного опыта можно подтвердить непосредственно, не допуская ошибку онтологического аргумента. Из этого следует, что «Критика Чистого Разума» Канта справедлива, в принципе, только в том, что касается отношений понимания и материала, данного эмпирически посредством чувств. Однако мистический инсайт даёт материал или точку зрения иного порядка, которая, в сочетании с пониманием, также имеет смысловую ценность. Несомненно, здесь существуют проблемы относительно возможной правильности и ложности интерпретаций, аналогичные тем, которые возникают в отношениях между пониманием и опытом посредством чувств, с которыми Кант обошёлся столь язвительно. Но только мистик, который также является критическим философом, может быть компетентен при их рассмотрении. В этой области Кант вряд ли компетентен, ибо он обладает скорее научным, нежели мистическим умом.

Если признать, что существуют две области, из которых может черпаться материал, наполняющий концептуальное сознание, а не одна – чувственная, тогда сфера познания будет иметь тройное, а не двойное подразделение. В ней будет область чистого понимания или концептуальной мысли, находящаяся в своего рода нейтральном положении, с материалом, поставляемым чувствами, с одной стороны, и материалом или точкой зрения мистического инсайта – с другой. Это, в свою очередь, приводит к некоему разделению в понимании, которое может быть названо высшей и низшей фазами интеллекции. Другое следствие заключается в том, что некоторые люди могут обладать низшей фазой интеллекции, работающей над материалом, данным чувствами, очень хорошо развитой, но при этом оставаться совершенно слепыми к высшей фазе. Чтобы пробудиться к высшей фазе, требуется больше чем блестящая образованность и превосходные научные способности. С другой стороны, имеется существенный недостаток серьёзной интеллектуальной подготовки среди тех, кто в какой-то степени пробудился к высшей фазе интеллекции, хотя история говорит нам о некоторых замечательных исключениях. Таким образом, не так уж много тех, кто постиг, что и здесь существует проблема критической философии.

В любом случае, афоризмы следует считать материалом, полученным из мистического инсайта. Следовательно, их подтверждение во всей полноте возможно только в перспективе аналогичного инсайта. Логика и опыт могут дать лишь частичное их подтверждение, в лучшем случае, и это всё, на что покушаются данные комментарии.

14. Осознавать Время значит осознавать Вселенную, а осознавать Вселенную значит осознавать Время.

Данный афоризм подчёркивает взаимозависимость сознания в форме времени и сознания объектов. Раньше, в те дни, когда наша научная мысль направлялась ньютоновой механикой, у нас существовала привычка рассматривать время, пространство и материю как три независимые сущности. Определённо, Ньютон не считал их взаимозависимыми. Однако, по мере развития знания о более тонких фазах физической природы, стало очевидно, что подобная точка зрения более не выдерживает критики. Новая относительность, которая во многом развилась благодаря инсайту и координирующей мысли Альберта Эйнштейна, определённо утверждает взаимозависимость этих трёх понятий: времени, пространства и материи. Итак, хотя данная интегрирующая концепция развилась, чтобы объединить действительно существующее знание о физическом факте, она, в то же время, стала формулированием глубокого метафизического принципа. Понятие времени бессмысленно без понятия изменения. Далее, не существует изменения, кроме как в связи с объектами. Таким образом, сразу же должно быть понятно, что осведомлённость об объектах подразумевает изменение, а следовательно, время, тогда как с другой стороны время существует только в связи с объектами.

Следует ясно понимать, что основание данного афоризма – не вышеупомянутая теория математической физики, а подлинно трансцендентальное. Однако физическая теория является прекрасной иллюстрацией сущностной идеи.

15. Постичь Безвремяе значит достичь Нирваны.

В данной работе термины «постичь» и «постижение» используются в особом смысле, который следует чётко отличать от «перцепции» и «концепции». В то время как последние два термина относятся к взаимоотношениям между самостью и объектами, будь то в форме чувственных объектов или идей, термины «постичь» и «постижение» используются для обозначения разновидности сознания, в которой существует тождество между самостью и содержанием, иными словами, состояния сознания, не озабоченного объектами в объективных отношениях. Таким образом, «постижение» означает мистическое состояние. Нирваническое Состояние не является чем-то помышляемым или чувственно воспринимаемым, хотя возможно помыслить или воспринять символ, означающий Нирваническое Состояние. Если бы последней возможности не существовало, было бы вообще невозможно что-либо сказать относительно Нирваны.

Постижение Безвременья не следует путать ни с концептом безвременья, который часто встречается в философии, ни с понятием одновременности, используемым в классической теоретической механике. В случае простого концепта безвременья, мыслящая и воспринимающая самость, в действительности, что касается её сознания, пребывает внутри временного мира объектов. Таким образом, создаваемый ею концепт – это процесс во времени. В этом случае, самость не сливается в тождестве с тем, что она помышляет. Но когда происходит подлинное постижение, самость обнаруживает себя единой с Безвременьем. Данное различие имеет чрезвычайную важность, хотя его трудно передать адекватно идеями. Это не просто «знание о», но ещё более близкое состояние, чем «знание посредством ознакомления», такое как приходит путём непосредственного опыта. Это, скорее, – состояние «знания через Тождество». Это сознание имеет специфическое качество, которое совершенно неуловимо, но на которое можно намекнуть следующим образом: если рассматривать все концепции и перцепции как своего рода «тонкое» сознание всего лишь поверхности, то состояние постижения подобно «плотному» – субстанциональному – сознанию, проникающему в измерение «глубины». Всякая презентация и репрезентация имеет дело только с поверхностью, и всякое выражение в своём прямом значении – исключительно такой природы, каким бы ни был его символический смысл. Однако постижение открывает «глубину» непосредственно. Поэтому его можно назвать субстанциальным в том смысле, что оно не может быть

представлено простыми презентациями и репрезентациями. Эта «глубина», в действительности, питает то, что некоторые современные психологи называют «психе». С другой стороны, простые опыт и интеллект не обладают подобным питательным свойством. Они могут пробуждать самосознание и обеспечивать некоторый контроль, но сами по себе не дают питания.

Достичь Нирванического Состояния значит достичь источника питания для психе. Это – подлинная цель религиозного устремления, как бы неадекватно эта цель ни представлялась в большинстве религиозных концепций и программ. Религия озабочена питанием для психе, она суть источник жизненной «Манна».

Постичь Безвремяе значит превзойти трагедию Времени. Время трагично, потому что оно разрушает любимый объект, и потому что оно постоянно аннулирует неиспользованные возможности. В Безвременном Состоянии нет такой трагедии, поэтому оно суть состояние незамутнённого Блаженства. Но незамутнённое Блаженство – это просто другое наименование Нирваны.

16. Но для Сознания-без-объекта нет разницы между Временем и Безвременьем.

Это – ещё один пример, когда смысл легче понять, если принять во внимание тот факт, что Сознание как принцип не затрагивается природой содержания или состояния. Но это – не всё, о чём говорит афоризм, ибо Сознание-без-объекта – это не просто аналитическая абстракция всей совокупности обычного сознания. Это также – символ Того, что можно постичь непосредственно. На уровне Того нет дифференциации Значимости. Иными словами, То нейтрально в отношении Смысла, равно как и аффективного качества. Это – уровень, выше всяких относительных оценок, как в аффективном, так и в интеллектуальном смысле. Говоря иначе, всякая дифференциация имеет одинаковую значимость, и эта значимость суть просто неуместность.

Сознание-без-объекта предоставляет все возможности, но не выделяет никакую особенную возможность. Если бы ОНО было особенно близко какой-либо одной тенденции, ОНО перестало бы быть совершенно нейтральным. Таким образом, всякое суждение или оценка находится на некоем более низком уровне, где действует принцип относительности. Но этот низший уровень зависит от высшего в своей возможности и существовании.

17. Внутри Сознания-без-объекта находится семя содержащего мир Пространства.

«Пространство» – это общая концепция, поскольку существует множество разновидностей пространства. Так, пространство-перспектива глаза имеет характеристики, совершенно отличные от таковых пространства, с которым работает инженер. Последнее, как правило, – это известное евклидово пространство. Но если раньше мы полагали, что евклидово пространство является единственно реальным, сегодня мы знаем, что существует множество разновидностей пространства. Большинство из них существует только для математиков, но уже сегодня мы видим, как одно из этих чисто математических пространств приспособливается к нуждам математической физики. Так что понятие множественности типов пространств уже определённо выходит за пределы чистой математики.

В данном афоризме говорится о пространстве, в котором все объекты кажутся существующими. В самом широком смысле, это – не одно пространство, а несколько видов пространств, имеющих ту общую особенность, что они содержат объекты. Два из этих пространств общеизвестны: а) обычное пространство бодрствующего сознания, в котором находятся все физические тела от звёзд до электронов, и б) пространство мира снов, в котором расстояние имеет совершенно иной смысл. Характерным для этих пространств, по крайней мере, насколько мы их знаем, является то, что расстояние и

количество там – значимые понятия. Эти понятия, однако, не существенны для пространства как такового, что явствует из математической интерпретации пространства как «степеней свободы».⁶

Пространство следует рассматривать как структуру или поле для каждого отдельного уровня дифференцированного сознания. Содержащее мир пространство – это такая структура, в которой появляются объекты. Обычная структура пространства бодрствующего сознания исчезает во время сна, и пространство, имеющее явно иные свойства, заменяет её. Последнее суть пространство, наполненное объектами, совершенно отличными от объектов, наполняющих пространство бодрствующего сознания, даже если они могут быть связаны. Здесь действуют другие законы или отношения и процессы.

Превосходство сознания над каким-либо особым пространством выявляется в том факте, что внешнее пространство бодрствующего сознания может быть упразднено простым актом отхода ко сну. Пространство сна упраздняется обратным процессом пробуждения к внешнему пространству. Данный факт, являющийся частью обычного опыта всех людей, имеет колоссальную значимость, ибо раскрывает главенство принципа сознания в отношении этих двух разновидностей пространства. Он является постоянным напоминанием о том, что человек как сознательное существо, в действительности, не связан пространством, определяющим форму его восприятия или мышления в каком-либо определённом состоянии. Иллюзия связанности, поистине, является своего рода самогипнозом, возникающим вследствие наложения человеком на себя как субъективного сознательного принципа тех пространственных зависимостей, которые применимы только к объектам, включая его собственное тело. В реальности сознательный принцип поддерживает и вмещает вселенную, а не наоборот, как обычно считается.

Содержащее мир пространство – это производная форма и зависит от Сознания-без-объекта. Последнее объемлет первое и как потенциальность, и как действительность.

18. Когда осознание познаёт содержащее мир Пространство, рождается знание Пространственной Пустоты.

Поскольку данный основополагающий принцип дополнительности или обратного осознания уже обсуждался в комментариях к афоризмам 8 и 13, мы не будем его здесь рассматривать. Внимание следует уделить значению Пространственной Пустоты.

Пространственная Пустота находится в противоположных взаимоотношениях с содержащим мир Пространством. Последнее является, в первую очередь, пространством с содержанием, подразумевающим понятия количества и расстояния. Пространственная Пустота лишена содержания и не подразумевает понятий количества и расстояния. Более качественные пространства из математики дают представление об идее. Это, в первую очередь, – Пространство как Свобода, а не пространство как ограничивающая и связывающая форма. Всякая дифференциация, которую можно применить здесь, была бы аналогична таковой, которая связывается с понятием трансфинитных чисел, а не подобна грубой дифференции конечных множеств.

Непосредственное постижение Сознания как Пространственной Пустоты имеет непостижимо высокое значение. Это – состояние, в котором одинокая самость обретает свою противоположность в самом полном смысле. Это как если бы, выражаясь символически, одинокая самость, рассматриваемая в виде безразмерной точки, внезапно превратилась бы в неограниченное пространство, в котором содержание и субъект – «я» – были бы полностью слиты и соразмерны. Обычно это выражается как единение с Богом. Последнее утверждение вполне правомерно, если понимается как символ, а не предполагает каких-либо произвольных интерпретаций. Постигнутая Реальность суть Присутствие в смысле погружения в Вечное Иное. Это – окончательное решение всех проблем трагической жизни в мире. Это – Конечная Ценность, в отношении которой всякое сознание, озабоченное объектами, имеет лишь инструментальную значимость.

19. Осознавать содержащее мир Пространство значит осознавать Вселенную Объектов.

Данный афоризм подчёркивает взаимозависимость нашего обычного пространства и объектов, содержащихся в нём. Это означает отход от прежней ньютоновой точки зрения, где пространство считалось независимым от наличия или отсутствия объектов. Хотя возможно представить себе такое пространство, смысл его отличался бы от такового содержащего мир пространства. Точка зрения, развиваемая новой относительностью, созвучна данному афоризму, ибо в этой более поздней теории материя и пространство считаются взаимозависимыми. Такое пространство – это не просто пустая абстракция, а действительно обладает тем, что можно назвать качеством субстанциальности. Так, сама форма или «свойства» пространства зависят от степени концентрации материи в различных его участках. Оно искривляется вблизи больших космических тел, так что кратчайшим расстоянием между двумя точками является уже не прямая, в старом смысле, а кривая линия, аналогичная дуге большого круга на поверхности сферы. Современные астрофизики даже выдвинули идею расширяющегося пространства, подразумевающую возможность сжимающегося пространства. Данное понятие, по самой меньшей мере, делает разумным и приемлемым в физических терминах древнее представление о пульсирующей вселенной по аналогии с великим дыханием.

Овладев понятием пространства, расширяющегося вместе с материей, которая совпадает с ним, и последующей возможности его сжатия во время другой фазы истории материи, нетрудно прийти к дальнейшему пониманию зависимости материи-пространства от чего-то ещё более предельного. Ибо пульсации подразумевают матрицу, в которой они происходят. В данных афоризмах такая матрица символизируется Сознанием-без-объекта. Объективная фаза пульсации, та, которая отмечена, в частности, расширением вселенной, – это состояние сознания, поляризованного к объектам. Противоположная фаза развивается, когда сознание постепенно отступает от объектов. Это можно рассматривать, в первую очередь, как макрокосмическую картину – процесс в огромном космосе. Тот же принцип применим к микрокосмическому или индивидуальному сознанию.

Эти два смысла, в общем, не различаются в данных комментариях, поскольку последние заняты общими принципами, которые могут применяться в обоих случаях. Таким образом, сказанное можно интерпретировать либо по отношению к индивидуализированному человеческому сознанию, либо к сознанию в более широком смысле.

20. Постичь Пространственную Пустоту значит пробудиться к Нирваническому Сознанию.

Этот афоризм далее расширяет смысл Нирваны. Последнюю можно рассматривать как пространственное сознание, но не в смысле содержащего мир пространства. Нирваническое Сознание не следует считать просто совокупным сознанием проявленной вселенной. Если возможно представить себе такое совокупное сознание, то было бы правильно назвать его Космическим Сознанием, и оно как целое было бы противоположно Нирваническому Сознанию. Эти два, Нирваническое Сознание и Космическое Сознание, находились бы в отношениях поляризации, аналогичных известной полярности субъекта и объекта. В пространственных символах – полярность между содержащим мир Пространством и Пространственной Пустотой.

Итак, более полная интерпретация пульсации, отмеченной в предыдущем комментарии, становится возможной. Расширение содержащего мир Пространства соответствует сжатию сознания в смысле Пространственной Пустоты или сокращению сознания, озабоченного Самостью, тогда как происходит расширение сознания в сфере объектов. В психологических терминах это, преимущественно, экстравертная фаза. В подобной космически расширяющейся фазе баланс человеческого сознания, как и всех прочих сознаний, вынужден быть преимущественно экстравертным, хотя отдельные

индивидуумы могут быть лишь более-менее экстравертны. В подобной обстановке так называемые интровертные индивидуумы лишь относительно интровертны и не могут быть преимущественно интровертными, пока обладают физическими телами. Стать преимущественно интровертным значит перестать существовать объективно и, таким образом, обладать сознанием, центрированным в Пространственной Пустоте или Нирване.

Для большинства людей центрирование сознания в Пространственной Пустоте подобно состоянию сна без сновидений, иными словами, это – психическое состояние, которое аналитическая психология именуется «Бессознательным». В данной философии это состояние не считается бессознательным в безусловном смысле, а рассматривается как состояние сознания, не осознающего самоё себя, а потому неотличимого от бессознательности с субъектно-объектной точки зрения. Однако возможно перенести принцип самосознания в Пространственную Пустоту, в результате чего она больше не будет состоянием, подобным сну без сновидений. Но это – не простой шаг, поскольку требует высокого развития принципа самосознания в сочетании с изолированностью от объекта. Если у данного индивида такая способность достаточно развита, выше среднего уровня человечества, для него возможно сфокусироваться на Пространственной Пустоте, опередив человечество в целом. Когда это достигнуто, индивид встречает две возможности. Либо он оказывается замкнутым в Пространственной Пустоте, в смысле, аналогичном привязанности большинства людей к вселенной объектов, либо он может обрести способность свободно перемещать своё сознание между содержащим мир Пространством и Пространственной Пустотой. В последнем случае основой человека не является ни вселенная объектов, ни Нирвана, а ТО, что вмещает в себя обеих. Последнее здесь символизируется Сознанием-без-объекта, которое не интровертно и не экстравертно, а занимает нейтральное положение между этими двумя акцентуациями.

21. Но для Сознания-без-объекта нет разницы между содержащим мир Пространством и Пространственной Пустотой.

В определённом смысле, нет разницы, поскольку Пространство или Сознание, в том или ином смысле, неуместно. С глубоко метафизической точки зрения оба неуместны, как забытый сон неуместен для сознания человека, пробудившегося ото сна. Однако, во время сна сон вполне реален для сновидца. Мы можем, таким образом, различать, когда могли бы сказать, что сна нет, т.е. с точки зрения пробуждённого сознания, которое его позабыло, и когда сон является реально существующим, т.е. для сновидца во время сна. В высочайшем трансцендентальном смысле мы можем теперь сказать, что содержащее мир Пространство и Пространственная Пустота существуют и не существуют. Т.е. на уровне Сознания-без-объекта и вселенная объектов, и Нирвана не существуют, между ними нет разницы.

Человек способен достичь состояния, в котором сознание настолько разделено, что в одном аспекте этого разделённого сознания он постигает неуместность или сущностное несуществование как Нирваны, так и вселенной объектов, тогда как в то же самое время в другом аспекте этого сознания он осознаёт относительную и взаимозависимую реальность этих двух великих фаз сознания. Синтезирующим суждением с этого уровня двойственного сознания было бы: «Вселенная объектов и Нирвана существуют и не существуют». Здесь есть нечто, что может быть постигнуто непосредственно, но что ускользает от всякой попытки интеллекта схватить и представить в действительно понятных терминах, однако, несомненно, существует высший авторитет самого Состояния Постижения для человека, знакомого с ним. Конечно, интеллектуальная диалектика может запутать и затуманить память о колоссальном авторитете Постижения, но этот процесс затуманивания не более значим, чем способность обычного сна затуманивать суждения бодрствующего состояния. Тогда как сон обычно является чем-то подчинённым относительно бодрствующего интеллектуального суждения, Постижение обладает трансцендентным превосходством в отношении последнего. Но может ли

интеллектуальное сознание человека, не испытавшего проблеска Постижения, быть убеждено этим? Определённо, сновидцу во время сна довольно трудно постичь исключительно относительное существование своего сна. Обладает ли бодрствующее интеллектуальное суждение превосходством относительно признания своих собственных Трансцендентальных Основ?

22. Внутри Сознания-без-объекта находится Семя Закона.

Сознание-без-объекта Само не связано законом и не обусловлено законом. Оно, скорее, является Источником закона, как и всего остального. Таким образом, когда посредством Осознания индивидуальная самость напрямую постигает Сознание-без-объекта, она обнаруживает, что наиболее фундаментальный из всех законов – закон противоречия – более не действует. Здесь никакое утверждение не является отрицанием своей противоположности. Также, Сознание-без-объекта является тем исключённым третьим, которое не есть ни А, ни не-А. Поэтому действительность, символизируемая Сознанием-без-объекта, немыслима, и для того, чтобы размышлять о НЕЙ, необходимо применять мыслимый символ.

Всякий закон, понимаемый как закон природы или сознания в его различных формах и состояниях, или отношений, основывается на законе мысли. В таких состояниях сознания, в которых нет мысли, в любом смысле, нет и осознания закона, а значит и существования закона в содержании таких состояний. Но для мыслящего сознания, которое содержит или ассоциируется с этими состояниями, закон действует. Таким образом, мы можем считать ограниченную законом область ограниченной мыслью областью, хотя мысль здесь не обязательно сводится к своей обычной форме, известной людям. Это означает, помимо прочих следствий, что не существует *вселенной*, кроме как для мыслителя.

23. Когда рождается сознание объектов, Закон призывается как Сила, вечно стремящаяся к Равновесию.

Школа английского эмпиризма сослужила хорошую службу философии, негативным образом, пытаясь интерпретировать ум как пустую табличку, на которой запечатлеваются бесцветные отпечатки объектов. Кульминация этой линии мысли была достигнута Кантом, когда он продемонстрировал, что единственным способом избежать абсолютный агностицизм является признание позитивного вклада самого ума, то есть, вклада, не почерпнутого из опыта, как бы ни был необходим опыт для приведения этого фактора в действие. Кант показал, что *pari passu** с развитием осведомлённости об объектах посредством чувств, возникает знание формы, в которой объекты организованы как опыт в целом. Такая «организация опыта в целом» является попросту принципом Закона в общем смысле.

Наиболее фундаментальным значением Закона является Равновесие. Ибо равновесие есть то, что отличает космос от хаоса. Сама суть понятий «закон» и «равновесие» содержится в понятии «инвариант». Противоположным понятием является «абсолютно бесформенный поток». Если мы исключим из опыта всякое представление о законе, тогда всё, что останется, будет таким бесформенным потоком, лишённым всякого смысла. Это было бы состоянием абсолютного невежества. Поэтому существование всякого знания или всякой зависимости в сознании подразумевает присутствие закона. В тот момент, когда мы называем объект объектом, мы призываем как знание, так и зависимость. Это демонстрирует тот факт, что представление об объекте подразумевает субъект, находящийся в отношении к объекту. Таким образом, Закон проявляется как субъектно-объектные отношения. Итак, фактор равновесия сразу становится очевидным, ибо в противоположность объекту выдвигается дополняющий принцип субъекта.

* Наравне (лат.) – прим. пер.

Законы не обнаруживаются в природе, понимаемой как нечто обособленное от всякого сознания. Истина, скорее, заключается в том, что организованная природа является продуктом мыслящего сознания. В глубоком смысле, Закон известен прежде своего эмпирического открытия. Это демонстрируется тем фактом, отмеченным в психологии, что формации закона развиваются в процессе «фантазии». В примечательных примерах, как в случае Римана, формообразующий принцип развился как исключительно фантастическое геометрическое конструирование, которое несколько десятилетий спустя послужило формой для эйнштейновской общей теории относительности, которой текущий физический опыт соответствует лучше, нежели любой другой предшествующей теории. Форма, которую данный закон принимает, когда прилагается в отношении определённого сегмента эмпирической детерминации, может быть и, обычно, кажется неадекватной. Однако это не следует понимать как всего лишь приблизительный или прагматический характер Закона *per se*. Это, скорее, следует понимать как несовершенное объективное восприятие Закона, «известного» до опыта. Подлинное Знание Закона кроется где-то в том, что аналитическая психология называет «Бессознательным». Человек рождается с этим тайным знанием, которое достигает поверхности в той или иной степени в качестве интуиции. Даже когда научные законы интерпретируются как продукт относительной цели, предполагается понятие Закона в более глубоком смысле. Ибо утверждение продуктивных взаимоотношений между целью и научным законом подразумевает более глубокий Закон, на котором основывается вера в эти продуктивные взаимоотношения. Даже прагматик опирается на непрагматическую Уверенность, какой бы малой она ни казалась на поверхности сознания.

24. Внутри Сознания-без-объекта все объекты существуют как напряжения, которые вечно стремятся перетечь в свои собственные дополнения или противоположности.

Принцип, подразумеваемый здесь, иллюстрируется законом психологии, известным как энантиодромия. По этому закону всякое психическое состояние стремится трансформироваться в свою противоположность. Действие этого закона наиболее очевидно в случае тех индивидуумов, которые чрезвычайно односторонни, поскольку они проявляют соответственно преувеличенную перемену фазы. Но этот принцип действует всегда, даже в наиболее уравновешенных натурах, хотя в таких случаях две фазы соединены и функционируют вместе.

Действие данного принципа может наблюдаться очень широко. Так, рост уравновешивается упадком, рождение – смертью, свет – тьмой, эволюция – обратным процессом инволюции и так далее. Особенно яркой иллюстрацией служит взаимодействие электронов и протонов при соединении. Здесь мы имеем перетекание фазы в контрфазу, результатом которого является взаимное упразднение и образование иного состояния материи. Диалектическая логика Гегеля является систематическим приложением данного принципа.

Ни один объект сознания не стабилен – не остаётся всегда тем же – а, напротив, является состоянием напряжения, которое стремится трансформироваться в своё дополнение. Сознание-без-объекта является универсальным растворителем, полем для игры центров напряжения или объектов. Всякая тенденция в этой игре уравновешивается своей контртенденцией, а суммарный эффект – выражение, равное нулю. Именно ноль символизирует неизменную Реальность или Сознание-без-объекта. В сфере Сознания-без-объекта, в принципе, может быть создано всякое творческое напряжение, но неизбежно призывается и контрнапряжение. В этом причина того, что всякое творчество вызывает сопротивление, делающее любую конструкцию чем-то большим, чем то, что изначально планировалось. Из этого вытекает положительное следствие, что всякая конструкция, какой бы фантастической она ни была, взятая в сочетании со своей контрфазой, истинна, тогда как всякая конструкция, взятая в изоляции от своей контрфазы, ложна. Так, если

первоначальная конструкция является самой фантастической и наиболее удалённой от того, что обычно считается реальностью, тем не менее, если её контрфаза полностью признаётся, результатом является твёрдая Истина. Тогда как, с другой стороны, если изначальная конструкция слагается из общеизвестного объективного материала и основана на самом тщательном наблюдении, но не рассматривается в связи со своей контрфазой, результатом будет ложная концепция, которая, будучи принятой, приведёт к состоянию настоящего обмана. Таким образом, так называемый практический и научный человек может занимать сущностно ложную позицию, тогда как некий возвышенный поэт, совершенно чуждый так называемому миру реального опыта, который даёт полную свободу своему творческому воображению, но который, в то же самое время, тщательно рассматривает и учитывает контрфазу своей фантазии, проявит глубокую и твёрдую Истину. Итак, всё это приводит к очень важному следствию, а именно, что, начав с любого состояния сознания, можно достичь окончательной и прочной Реальности и Истины при условии, что ресурсы контрфазы учтены в самосознающем сознании. Таким образом, никакой особой привилегии нет у этой особенно ценимой фазы сознания – экстравертной фазы так называемого практического и научного человека – как стартовой точки достижения Реального. Данное основание может служить эффективным началом, как и любое другое. На самом деле, вполне возможно, что некий пациент психиатрической клиники оставит позади всех обывателей в мире, гордящихся своим благоразумием.

25. Окончательным следствием перетекания всех объектов в свои дополнения является взаимное упразднение в полном Равновесии.

Иллюстрация позитрона и электрона применима здесь. Состояние каждой из этих частиц, самих по себе, может рассматриваться как состояние напряжения, поэтому одна называется позитивным, а другая – негативным зарядом электричества. Для таких изолированных зарядов не может быть покоя, поскольку каждый беспрестанно движется к своему собственному дополнению. До тех пор, пока цель взаимного слияния не достигнута, они действуют как динамические силы, лежащие в основе осязаемой материи. Но поскольку эти частицы находятся в состоянии напряжения, никакая осязаемая материя не может оставаться стабильной. Она подвержена разрушению, которое происходит, когда позитивный и негативный заряды сливаются. Стремление этих частиц достичь цели взаимного слияния может рассматриваться как один из аспектов динамической силы, которая проявляется как эволюция. Когда слияние достигается, видимая эволюция прекращается, а осязаемая материя исчезает. Результатом слияния является вспышка излучения. Последняя может рассматриваться как Нирваническое Состояние материи, ибо лучистое состояние – это состояние свободы и равновесия.

Лучистое состояние материи – это просто другое название света. Итак, хотя существует широкий спектр длин волн и частот на известной шкале световых октав, есть один постоянный элемент, который приобретает чрезвычайную важность в современной физической теории, и это – скорость света. Независимо от длины волны всякий свет распространяется с одинаковой скоростью. Здесь мы имеем факт, тесно связанный с принципом равновесия – наиболее важным инвариантом. Когда осязаемая материя, наконец, исчезает, она переходит в состояние, подчинённое этому инварианту. Длина волны так уравнивается частотой, что результат всегда один и тот же.

Итак, как явствует из современной теории относительности, постоянная скорость света становится детерминантом формы физической вселенной. Это ломает представление о конечном содержащем мир пространстве. Хотя правда, что с точки зрения сознания-привязанного-к-объектам высокая скорость выглядит как бурная активность, в сравнении с которой мир объектов кажется относительно стабильным, всё же, если мы поменяем нашу основу и поместим наше сознание как бы в море лучистой энергии, вселенная осязаемой материи предстанет перед нами сущим хаосом.⁷ Для сознания, таким образом

центрированного, высокий потенциал лучистого состояния имеет качество покоя и равновесия. Далее, лучистая энергия благодаря своему свойству постоянства скорости имеет способность ограничивать вселенную объектов.

В психологических терминах, в силу закона энантиодромии одно психическое состояние вызывает свою противоположность. Обычно, благодаря напряжению этих двух фаз поддерживается безостановочное движение воплощённого сознания. Это ведёт к развитию жизни как опыта. Самость движется проблемами, которые, по сути, неразрешимы, но, вечно стремясь достичь горизонта удовлетворительного решения, самость вынуждается этими проблемами развивать потенциальные психические способности. Когда же фаза и контрфаза психических состояний соединяются в Самости и не поддерживают больше состояние, подобное тому, когда собака гонится за собственным хвостом, состояние напряжения растворяется в Равновесии. В этом случае фаза и контрфаза перестают существовать, точно так же как исчезают электрон и позитрон при слиянии, а на их месте оказывается состояние сознания совершенно иного порядка. В мистической литературе можно обнаружить частое упоминание этого состояния как «Света». Не является ли это прекрасным дополнением аналогии с соответствующим лучистым состоянием материи?

26. Сознание области напряжений – это Вселенная.

Это следствие сразу возникает, когда постигается, что объект существует как напряжение. Хотя, в пределе, всякое напряжение уравнивается своей противоположной фазой, так что равновесие никогда, на самом деле, не нарушается, всё же сознание, взятое в частном аспекте, может объять лишь одну фазу, или может лишь несовершенно сознавать контрфазу. Для этого частного аспекта сознания равновесия не существует. Сознание вселенной объектов, взятое в более-менее полной абстракции от всей совокупности сознания, является, преимущественно, сознанием в сфере напряжений. Одним из результатов является то, что любой взгляд на сегмент вселенной объектов создаёт впечатление развития, как бы в каком-то направлении. Привычное научное наименование этого кажущегося направленным развития – «эволюция», а известная социальная интерпретация – «прогресс». Каждый из этих терминов свидетельствует о признании напряжения в области сознания или жизни, заставляющего всякое нынешнее данное состояние меняться в другое. Тот факт, что данное изменение может описываться как эволюция или прогресс, означает, кроме того, что некая познаваемая направленность заключена в перемене.

Наиболее обычным взглядом на эволюцию и прогресс является форма, которая может быть названа линейной. Под этим понимается движение, могущее быть примерно представлено прямолинейным вектором, который направлен, обычно, не только в будущее, но и вверх. Такая линейная форма интерпретации выглядит правдоподобной, когда наблюдаемый сегмент достаточно короток и выбран произвольно. Большие сегменты, такие как наблюдаемые в геологии, более-менее ясно указывают на периодичность, тем самым делая очевидным то, что линейная интерпретация должна быть скорректирована. На самом деле, более глубокий взгляд рассматривает форму изменения как пульсирующее дыхание или сердцебиение, одна фаза которого – диастолическая, а другая – систолическая. В результате, невозможно говорить о прогрессе, если рассматривать процесс целиком. Ибо если человек экстравертного типа может считать прогрессом диастолическую фазу, он же будет склонен считать регрессом систолическую фазу, и, с другой стороны, интровертный тип, скорее всего, даст обратную оценку. Ибо, чтобы говорить о прогрессе, неизбежно должна быть принята некая оценочная база, а единой оценочной базы для всех людей не существует. Следовательно, эволюцию и прогресс или деволюцию и ретрогрессию можно предсказывать только в отношении ограниченных сегментов опыта и на основе частной оценки.

Однако, независимо от того, как оценивается тенденция к изменению в любом конкретном случае, общим фактом опыта является то, что объекты и объективные состояния сознания подвержены напряжению, которое вызывает постоянную трансформацию, быструю или медленную. Иными словами, во вселенной объектов, взятой в абстракции, нет покоя или равновесия. Для людей, пребывающих в наиболее активной фазе своей жизни, в этом факте нет ничего особо разочаровывающего, но когда они начинают ощущать потребность в стабильности и покое, совокупная значимость вселенной объектов становится трагичной. Это объясняет, возможно более, чем что-либо другое, почему некоторые люди являются оптимистами в своём отношении ко вселенной объектов, тогда как другие являются пессимистами. Это также отличает общее отношение к жизни юности и зрелости. Следует отметить, что пессимизм и оптимизм суть позиции в отношении фазы сознания, и не должны пониматься как общие позиции в отношении всех фаз.

27. Сознание Равновесия – это Нирвана.

Идея «Нирваны», как она понимается в данном изложении, не несёт исключительно религиозную значимость. Безусловно, в историческом смысле этому понятию придаётся, главным образом, религиозное и религиозно-философское значение, и если принять в расчёт два следующих соображения, причина этого становится очевидной. Во-первых, данное понятие пришло на Запад с Востока, а восток сконцентрирован преимущественно на религиозном. Во-вторых, Нирваническое Состояние легче достижимо интровертным типом индивидуальной поляризации сознания, а типичный интерес интроверта скорее религиозен, чем научен. Как следствие, полное значение понятия «Нирвана» до сих пор не было развито. Оно также значимо для научного интереса, как и для религиозного, и, на самом деле, подразумевается научным развитием, хотя в этой связи оно более погружено в так называемое «бессознательное», чем в случае естественного интереса более интровертного религиозного типа. Научная важность данного понятия нигде так ясно не проступает, как в идее равновесия и в том значении, которое эта идея имеет для научного мышления. Укоренившаяся тенденция искать равновесие в гипотезе, теории или законе, столь сильно проявленная у великих деятелей науки, подтверждает данный факт. Объективный материал, с которым работает наука, никогда не даёт гипотез, теорий и законов. На самом деле, они создаются из фантазии, понимая данный термин в том смысле, в котором он применяется в аналитической психологии. Конечно, селекция формы фантастического творения направляется соответствующим исследованием данных опыта, но именно творческий акт, добавленный к чистому опыту, создаёт форму. Итак, если изучить различные гипотезы, теории и законы из всех отраслей науки, можно отметить очень важную тенденцию в селекции. Эта тенденция находит своё наиболее очевидное и совершенное выражение в математике и математической физике, но, тем не менее, распознаваема и в других науках. Эта тенденция – выражать единообразие изначальной коллекции научных данных в форме уравнений. Это получило такое широкое распространение в современной физике – самой фундаментальной естественной науке – что её основные положения всё более и более принимают вид дифференциальных уравнений, тогда как чувственно воспринимаемые модели постепенно отходят на второй план. Итак, каково психическое значение уравнения как такового? Оно попросту таково, что в уравнении мы имеем проявленным чувство или ощущение равновесия. До тех пор, пока сегмент опыта не сведён к уравнению, состоянием сознания будет напряжение и беспокойство, а не равновесие. Исследователь побуждается к своим исследованиям потому, что его текущее состояние не даёт покоя, а следовательно умиротворения. Но когда найдено адекватное уравнение, возникает чувство победы, спокойствия и мира. Ничто человек не желает столь сильно, чем это. Если бы нельзя было никак преуспеть в этом направлении, жизнь, рано или поздно, стала

бы невыносимой. Жажда уравнения – это просто одна из фаз жажды Нирваны – той внутренней Сути, которая поддерживает всю вселенную опыта.

Чем меньше в жизни постигается равновесия, тем она болезненнее, и, наоборот, чем больше постигается равновесия – тем больше радости и умиротворения. Без сознания равновесия жизнь – это всего лишь болезненная борьба и буря конфликтов, ведущая никуда. Это – Страдание, написанное с прописной «С». С другой стороны, чем полнее постижение равновесия, тем меньше страдания, вплоть до завершающего состояния чистого Нирванического Сознания, где страдание полностью отсутствует. Великая трудность заключается в том, что тогда как страдание стремится разбудить самосознание всё больше и больше, Состояние Равновесия стремится погрузить его в сон. Последнее, обычно, известно как состояние сна без сновидений, взятое в чистом виде. Но когда самосознание развито достаточно, чтобы противостоять усыпляющему воздействию Равновесия, чистое Нирваническое Состояние может быть достигнуто без потери самосознания. Это – Великая Победа, награда за вековые мучения живой формы.

Некоторые авторы рассматривают Нирвану как состояние новорожденного, в котором мало или нет вообще самосознания. Таким образом, она видится как бегство в совершенно детское сознание, которое гораздо ниже подлинно взрослого сознания. Такая точка зрения лишь отчасти справедлива, а в большей степени является ошибкой. Без полного самосознания это состояние может быть уподоблено своего рода изначальному младенческому сознанию, такому, как должно предвдварять развитие организованного сознания. Человек, чьи способности организованного сознания развиты недостаточно, вполне может снова погрузиться в это младенческое состояние. Поэтому Нирвана не может быть непосредственной целью для незрелых мужчин и женщин. На самом деле, незрелое погружение в это состояние является своего рода неудачей. Но ситуация совершенно меняется, когда жизненный долг, в самом глубоком смысле, погашен. Когда какой-либо человек достигает состояния, в котором опыт, по сути своей, исчерпал себя как источник жизненности, когда это пастбище становится пустыней со скудно разбросанными пучками травы по разным углам, и когда, помимо прочего, способность самосознания развита достаточно высоко, тогда лишь один значимый Путь остаётся – в Нирваническую Область Сознания или через неё. Нирвана тогда превращается из младенческого состояния сознания в Высшую человеческую Цель, в которой, наконец-то, неразрешимые проблемы жизни обретают окончательное решение, и величайшее богатство сознания заменяет прежнюю нищету.

Данный труд не написан для незрелых мужчин и женщин. Предполагается, что свойственная предмету трудность, если рассматривать его с точки зрения интеллекта, автоматически послужит средством селекции, так что прочитают и поймут только те, кто готов к этому. У других, незрелых, существуют другие потребности, которые часто, на время, кажутся уводящими в совершенно иных направлениях. Они не являются особой заботой данного труда. Часто инстинкт и плеть обстоятельств и амбиций выполняют ту функцию, которую незрелые заслуживают.

Те же, кто созрел в своей сути, следуя религиозным или научным путём, рано или поздно достигают тупика, когда дальнейшее развитие в прежнем направлении становится всего лишь переливанием из пустого в порожнее, когда всякая деятельность оказывается не более чем топтанием на месте. Когда такое время наступает, единственная надежда избежать жизни в полной нищете сознания заключена в смещении фокуса сознания. В конце такое смещение даст надёжные и адекватные результаты только при достижении Нирванического Состояния при полном самосознании.

28. Но для Сознания-без-объекта нет ни напряжения, ни Равновесия.

Это справедливо по той простой причине, что Сознание-без-объекта никогда не может быть охвачено какой-либо частной или фракционной фазой сознания. Всякая фаза подразумевает свою противоположность, а Сознание-без-объекта служит их общим

вместилищем или, вернее, концептуальным символом той извечно непостижимой Реальности, которая поддерживает и объёмлет все частные аспекты. Там, где нет осознания напряжения, нет никакого смысла в равновесии. Здесь мы можем считать знак равенства из математики символизирующим равновесие, а ноль символизирующим Сознание-без-объекта. При непосредственном постижении разница здесь очень тонка, но имеет жизненно важное значение. Мистику очень легко объединить эти два состояния в одно и назвать оба «Нирваной». В большей части, хотя и не во всей, литературе по данному предмету так и делается, результатом чего является путаница, по крайней мере, для западного ума. Ибо такое обхождение придаёт Реальности чрезмерно интровертный оттенок, а это естественным образом отпугивает чрезвычайно экстравертный Запад. С другой стороны, когда между Сознанием-без-объекта и чисто субъективной Нирванической фазой проводится различие, результатом является своего рода математическая ясность. Субъективное и объективное тогда представляются вовлечёнными в нейтральный и более фундаментальный принцип, тем самым приобретая более понятную перспективу. В конечном счёте, это означает, что ни специфический гений Запада, ни Востока не ближе к предельной Реальности. Оба видятся частными фазами более обширного целого. Каждый содержит полу-истину, которая неизбежно сопряжена с ошибкой, если берётся исключительно в своей частной форме. И каждый должен добавить отвергнутую половину к половине признаваемой, чтобы достичь вечного.

29. Состояние напряжений – это состояние вечного становления.

Состояние напряжения – это состояние нестабильности, поскольку оно подразумевает тенденцию становления чем-то иным, нежели то, чем оно является в настоящее время. Всякое состояние относительного равновесия, испытывающее напряжение, никогда не может быть вечно устойчивым, поскольку эта вездесущая тенденция нарушать равновесие проявляется при первой же возможности. Всякое равновесие, которое мы обнаруживаем во вселенной, – такого сорта, что легко понять, принимая во внимание то, что атом существует как состояние напряжения между ядром и окружающими электронами.

Поскольку напряжение – это тенденция становиться иным, следовательно состояние напряжения означает становление. Ничто в мирах опыта или мысли не остаётся вечно стабильным, всё всегда подвержено становлению чем-то иным. Некоторые элементы остаются относительно стабильными, тогда как другие меняются быстро. Но всякий объективный «инвариант», в конечном счёте, стабилен лишь в том смысле, в котором параметр постоянен для определённой фазы математического анализа, тогда как при полном анализе он также меняется. Всякая объективная жизнь или опыт, таким образом, является процессом становления иным и, взятая сама по себе, в абстракции, суть становление иным, ведущее никуда.

30. Вечное становление – это бесконечное умирание.

То, что становится, перестаёт быть тем, чем оно было. Вспышка излучения, рождающаяся при слиянии электрона и позитрона, подразумевает смерть частиц осязаемой материи. Жёлудь умирает, становясь дубом. Когда человек становится взрослым, ребёнка уже нет. По мере того, как новая общественная организация занимает место старой, последняя остаётся лишь на страницах истории. Ни одна форма или состояние в эмпирической области не является постоянным, а всегда развивается во что-то другое. Переход может быть незаметным, как в случае массивной геологической трансформации или рождения и упадка звёзд, или же он может быть непостижимо быстрым, как у самой нестабильной разновидности радия. Но, в любом случае, все вещи меняются. Это – неотвратимый закон всякого эмпирического существования.

В каждый момент что-то новое рождается из умирающего прошлого. Но если смерть подразумевает рождение, то в равной степени справедливо, что новое рождение подразумевает смерть. И хорошее и ценное умирает вместе с нехорошим и неценным. До тех пор, пока мы ограничены объективным сознанием, смерть является нашим трагическим концом.

31. Поэтому состояние сознания объектов – это состояние всё новых обещаний, переходящих в смерть в момент осуществления.

В силу закона становления то, что мы желаем и к чему стремимся, в конце концов, приходит. Но также, в силу этого же закона, то, что приходит, не может существовать вечно. Поскольку становление и умирание никогда не прекращаются, осуществление нового является также моментом начала его уничтожения. Возлюбленная начинает покидать нас в тот самый миг, когда она найдена, и никогда уже не будет той же самой.

С большим трудом взбираемся мы на вершину высокой горы, и в тот самый миг, когда мы достигаем её и восклицаем: «Эврика! Я достиг цели!» – в тот самый миг только бездна, уходящая во мрак, лежит перед нами. После восхождения возможен только спуск. Достижение всегда порождает упадок.

Живительный поток воплощённой жизни омывает нас, шепча: «Оглянись, увидь мои новые обещания». Мы оборачиваемся и видим именно то, чего хотели бы, чего желали бы столь страстно. И мы идём к этому. Поначалу путешествие может быть лёгким, но потом нас встречают трудности, с которыми приходится бороться. Однако видение цели преследует нас и кажется вполне стоящим усилий. Но за каждым испытанием следует всё новое и новое, пока, наконец, мы не выбиваемся из сил. И в этот самый миг видение превращается в реальность. Мы восклицаем: «Да, это хорошо» – и созерцаем трудное достижение. Но когда объект желаний уже у нас в руках, и мы наслаждаемся им, он начинает таять прямо в наших руках подобно кусочку льда. Он становится всё меньше и меньше, заставляя горевать наше сердце, и мы взываем к богам о том, чтоб столь дорогое нам не покидало нас. Но всё напрасно. Он всё тает и тает, и исчезает совсем. Это повергает нас в уныние, ненадолго, пока поток воплощённой жизни снова не воспрянет в нас и не шепнёт нам осмотреться и увидеть что-то новое. И снова мы жаждем, снова достигаем и снова теряем. Так происходит в течение всей жизни, а может быть, в течение многих жизней.

В конце концов, за многие века блуждающая душа научается оставлять всякую надежду. Но этот час глубокого отчаяния приближает душу к Вечному. Ей открывается иной Путь.

32. Таким образом, когда сознание привязано к объектам, агония рождения и смерти никогда не прекращается.

То, что рождение и смерть бесконечны, следует из афоризмов 29, 30 и 31. Но рождение и смерть – это также агония. То, что это – факт, в привычном биологическом смысле, очень хорошо известно. Создания, обычно, рождаются в страдании и умирают в страдании. Но за этим физическим или чувственным страданием есть более тонкое страдание, охватывающее всё становление, физическое или идеальное. Потеря ценного объекта – это страдание, и смерть для мира ценных объектов – это также страдание. Новые идеалы тоже рождаются в муках. С одной стороны своего совокупного смысла, вся драма становления – это одна великая симфония агонии.

Обретение желаемого объекта суть рождение объекта для ищущей самости. Но процесс этого рождения происходит в области напряжения желания. Когда есть желание, есть нужда или тоска, а это – состояние страдания. Затем, когда рождается желаемый объект, в смысле индивидуального обладания, он тут же начинает умирать как более-нежелательный. Обретение оборачивается скукой. И это опять – страдание.

Привязанность к объектам является, во всех случаях, состоянием страдания, лишь кратко освещаемым удовлетворением в момент обретения. Но удовлетворение цветёт лишь скоротечное мгновение, а затем следует долгая скука увядания. Страдание безраздельно правит сознанием, сосредоточенным на мире.

33. В состоянии Равновесия, когда рождение упраздняет смерть, постигается бессмертное Блаженство Нирваны.

Рождение и смерть нанизаны на континуум Жизни, которая не рождается и не умирает. Жизнь не возникает с рождением и не прекращается со смертью. Это живущий объект рождается и умирает. В конце концов, смерть лишь уравнивает рождение, а то, что лежало в основе, остаётся неизменным. Здесь вечно и неизменно царит Равновесие. Когда самосознание пребывает в основополагающей Жизни, рождение и смерть постигаются как взаимоупраздняющие, а потому не имеют реальности. Таким образом, страдания нет, а только вечное блаженство неумирающей Жизни. Это – Нирвана.

34. Но Сознание-без-объекта – это ни агония, ни блаженство.

Агония или блаженство суть испытываемые или постигаемые состояния, однако опыт и постижение присущи чистому Сознанию. Последнее не затрагивается тем, что содержит. Подобно Пространству Оно является универсальным вместилищем, остающимся всегда одним и тем же, неважно, какова природа того, что Оно вмещает. Когда самосознание сливается с чистым Сознанием, более никакая модификация или расцветка сознания не известна. Поэтому нет ни агонии, ни блаженства, а только вечная возможность.

35. Из Великой Пустоты, которая суть Сознание-без-объекта, Вселенная творчески проецируется.

ТО, что здесь символизируется «Сознанием-без-объекта», долгое время называлось «Великой Пустотой». Это – «Шуньята», «Пустотность» буддистов и «Ничто» Якоба Бёме. Это то, что при точном описании, а не символическом представлении, выявляется только путём отрицания всякого возможного предиката. Но то, что можно строго описать лишь отрицаниями, кажется всего лишь ничем всякому относительному сознанию. Поэтому ТО постоянно называлось «Пустотой» или «Ничем». ОНО не является возможным содержанием какой-либо концепции. Для мысли и чувства ОНО, поистине, – Ничто. Но утверждать из этого, что ОНО является ничем в любом возможном смысле, значит полагать, что всё бытие неизбежно сводится к бытию для чувства или мысли. Ни один человек не обладает знанием, позволяющим ему с уверенностью утверждать, что мысль и чувство охватывают все возможности Бытия; тогда как, с другой стороны, есть те, кто знает, что существует Бытие за пределами чувства и мысли. Кант обозначил такое Бытие как «вещь-в-себе», а фон Гартман поместил его в коллективное «Бессознательное», в то время как Шопенгауэр называл его «Волей». Мистика объявила о нём в самой древней литературе, и продолжала время от времени подтверждать его вплоть до наших дней.

«Творческая проекция», как здесь понимается, совершенно отлична от теологической концепции «творения». Здесь нет творческого акта Божества, которое сущностно и субстанциально отделено от творения, а также творческая проекция не создаёт души *de novo*. По сути, «творческая проекция» тождественна «эманации», но с тем добавлением, что эманация зависит от иницирующего акта воли, который не был необходимым. То есть, акт воли не является необходимым в том смысле, что его могло бы и не быть, но необходим в том смысле, что без акта воли не было бы вселенной. Абсолютно необходимая эманация не была бы творческой проекцией.

Наша точка зрения здесь, по сути, согласна с точкой зрения фон Гартмана, что Вселенная как *возможность* предопределена идеями, вечно пребывающими без формы в ТОМ, но как *действительность* является следствием свободного акта Воли. Поскольку

Воля свободна, Она могла бы и не проявляться. Но Она проявилась, тем самым призвав необходимость в качестве закона, определяющего форму Вселенной. Наука открывает или, вернее, разоблачает необходимость во Вселенной, но никогда не находит То, без чего вообще не было бы никакого проявления.

Эта творческая способность не превосходит человека, когда он направляет своё самосознание к своим Первоосновам. Но пока человек пребывает в состоянии сознания кажущейся изоляции от Основ, он представляется просто следствием причин, его превосходящих. Поэтому только для человека изолированного – Блудного Сына – Бог видится трансцендентным, т.е. лежащим на расстоянии. Однако когда человек направляет самосознание на Первоосновы, он по праву становится потенциальным центром творческой проекции и причём сознательно. В этом высочайшем состоянии сознания он может выбрать проявление или может отказаться от него. Если он выбирает проявление, он творчески проецирует идею, которую мыслит. Таким образом, как видно, человек является своим собственным творцом.

Как сознательный творец человек является Богочеловеком, как творимое он – тварь, в смысле, долго применяемом мистиками. На мистическом Пути отрицание человека-твари является предварительным условием постижения Богочеловека. Теистический предрассудок не позволил многим христианским мистикам понять подлинный смысл глубочайшей фазы их постижения, но схематический шаблон был воспринят ими правильно. На самом деле, в состоянии окончательного постижения нет Иного – т.е. Бога – замещающего человека, а подлинная самотождественность человека замещает ложный образ, заставляющий человека считать себя всего лишь тварью. Это правда, что мистический инсайт – это откровение Человека, а не откровение Бога, при условии, что понятие «человек» достаточно углублено. Но «Человек» в этом адекватном смысле столь же неуловим для объективной психологии, как и Бог теистов.

36. Вселенная, как она воспринимается, – это сотворённое отрицание, которое вечно сопротивляется.

Творческий акт совершенно свободен или спонтанен, но сотворённое подчинено закону необходимости. Творческий акт может быть выбран совершенно сознательно, однако вызываемая необходимость может лишь несовершенно пониматься. В таком случае, я обнаруживаю, что *Я* сотворил больше, чем знал, а потому сталкиваюсь с навязчивой необходимостью в окружении, которое *Я* творчески создал. В результате, дальнейшее творчество обусловлено этой необходимостью. Отсюда, сотворённая проекция сопротивляется мне. Я должен соответствовать её условиям, хотя *Я* был её источником.

37. Творческий акт – это блаженство, сопротивление – нескончаемая боль.

При творчестве поток Жизни течёт свободно, а свободное течение – это Радость. Блаженство мистиков – это сознание, слитое со свободным течением Жизни. До возникновения воплощённой жизни свободно текущая Жизнь есть. Хотя кажется, что воплощённая жизнь существует, свободно текущая Жизнь продолжается, совершенно незатронутая. Когда воплощённая жизнь прекращается, свободно текущая Жизнь остаётся как и всегда. Обычное сознание принадлежит соматической жизни, но мистическое сознание – неотъемлемая часть изначальной Жизни. Творчество по самой сути своей принадлежит изначальной Жизни, тогда как соматическая жизнь связана ограничивающей формой. Первая – всеохватывающее блаженство, вторая – всепоглощающая боль. Поскольку сознание конкретного человека, главным образом, но не исключительно, соматическое, в обычной жизни присутствуют краткие моменты радости, но боль доминирует, всеподавляюще. Это может увидеть каждый человек, если будет смотреть на эмпирическую жизнь объективно и реалистично, сняв розовые очки надежды.

38. Бесконечное сопротивление – это Вселенная опыта, агония распятия.

Отчаяние является самой сутью объективного существования. То, что сознание воплощённого человека не является целиком отчаявшимся, объясняется тем фактом, что в действительности обычное сознание не является *целиком* объективным. Проблески Первоосновы время от времени проявляются и обволакивают объективную сферу трансцендентальной радостью. Но обычно источник этих проблесков не известен в своей сути, и, таким образом, объективная сфера наделяется тем, чем она сама по себе, взятая в абстракции, не обладает. Чисто объективное – это верёвка или удавка, отрицающая или запрещающая устремление души. Творческий порыв изнутри может обрести место в объективном только через разрушение ограничивающей формы. Поэтому новое проявление Духа всегда даётся ценой распятия. Рождение Христа в человеке всегда сопряжено со смертью человека ветхого.

39. Нескончаемое творчество – это Нирвана, Блаженство выше всякого человеческого разумения.

Творчество, взятое в изоляции от сотворённого, – это незамутнённое Блаженство. Нирваническое Состояние, взятое в полной изоляции, – это чистое Блаженство, совершенно недоступное для понимания обычного сознания. Но это – частное сознание, являющееся обратной стороной изолированного объективного сознания. Это – не окончательное или синтетическое Состояние, а потому не является конечной Целью мистического Пути. Но это – возможное место пребывания, и мистик может достичь его и замкнуться в нём в смысле, аналогичном привычной ограниченности объективным сознанием. В определённом смысле можно говорить о рабстве Блаженства, как мы говорим о рабстве боли. Это, безоговорочно, – гораздо более желанная разновидность рабства в сравнении с рабством в мрачной области объекта, но связанный Нирвани – это ещё не полноценный Господин. Конечно, он победил один тип рабства, тем самым достигнув некоторых способностей, но проблема подлинного господства остаётся нерешённой.

Достижение Нирваны подразумевает успешное прохождение всех тёмных испытаний на Пути. Битва с личным эгоизмом оканчивается победой, привязанность к объектам исчезает, искушения и мрачные тени отступают, а решимость остаётся твёрдой, но ещё остаётся задача восхождения к Славе. Мало признаваемый факт – Самость может стать одержима Целью устремления, и нечто подобное духовному эгоизму может заменить прежний личный эгоизм.

Многим легко понять, что тёмные тенденции в душе должны быть преодолены, поскольку у многих свет совести, по крайней мере, мерцает в сознании. Но многие находят трудным преодолеть тёмные тенденции. Обычно, мы делаем то, что не должны делать, и оставляем несделанным то, что определённо чувствуем, следовало бы сделать. Нежелательность подобных тенденций мы понимаем, но испытываем трудности в обхождении с ними. Лучшая часть нас, наше врождённое моральное чувство, безусловно, поддерживает дисциплину Пути, ведущего к Нирване. Но за этим кроется неожиданная и, сущностно, более трудная проблема.

Мы можем представить Нирвану как Состояние, в котором обретается самое лучшее, чистое без всяких примесей. Это, поистине, – Божественное Присутствие христианского мистицизма. Вполне естественно считать это Окончательным, выше которого нет ничего. Но существует дефект. Ибо это – Состояние, которым я наслаждаюсь, и к которому я стремлюсь привязаться, и поэтому оно подразумевает своего рода эгоизм, хотя это и духовная разновидность эгоизма. Таким образом, я одержим, пусть даже одержим Тем, что я считаю высочайшим.

В конце концов, Блаженство – это оцениваемая модификация сознания. Но там, где есть оценка, есть и двойственность – разница между ценимым и обесцениваемым.

Высочайшее Состояние превосходит даже самую возможность оценки и сопутствующего ей обесценивания. Высшее Совершенство не делает никакого различия. Это – Состояние, в котором нет Самости какого-либо сорта, будь то личного или духовного, и в котором нет воплощения Высших Ценностей или Бога. Это – Великое Одиночество, Изобилующая Пустыня.

Отвернуться от самого лучшего – в сущности более трудно, чем отвернуться от тех вещей и качеств, которые наше моральное суждение и чувство прекрасного с готовностью отвергают. Но недостаточно достичь Места, где нет зла, нужно также превзойти Добро. Это – тёмное заявление, трудное для понимания, но это так. И всё же тот, кто достиг Нирваны, спасён.

40. Но для Сознания-без-объекта нет ни творчества, ни сопротивления.

Можно было бы сказать, что ТО является одновременно и творчеством, и сопротивлением, но, в конечном счёте, это – искажение Реальности. Конечно, ТО поддерживает обе возможности, но при непосредственном постижении ТО представляется Сознанием, настолько отличным от всего, что можно воспринять относительным сознанием, что только отрицания могут предицировать ЕГО. Творчество и творение, попросту, как бы аннулируются. С этой точки зрения будет одинаково справедливым утверждать, что вселенная есть, и что её как бы и нет, не было и никогда не будет. И равно можно утверждать, что нет, никогда не было и никогда не будет никакого творчества. Вполне бесполезно пытаться передать это, ибо нельзя подменить Прямое Постигание.

41. Вечное становление и вечное прекращение суть бесконечная деятельность.

То, что вечное становление и вечное прекращение суть деятельность, самоочевидно. Но афоризм подразумевает больше, чем это. Он определяет природу деятельности. Деятельность – это не просто перемещение отсюда туда, это – умирание «здесь» и рождение «там». Действовать значит уничтожать и порождать. Действовать значит утрачивать то, что было, и заменять старое чем-то новым.

42. Когда вечное становление упраздняет вечное прекращение, постигается Покой.

Это кажется самоочевидным, поскольку Покой – это явно противоположность всякой деятельности, в положительном или отрицательном смысле. Но можно прийти к ошибочному заключению, что Покой и Деятельность существуют исключительно в дискретные периоды времени. На самом деле, Покой и Деятельность могут осознаваться в одно и то же время. На достаточно глубоком уровне постижения Покой остаётся нерушимым, несмотря на непрерывную Деятельность. Разъединение этих двух противоположностей действительно только для частного сознания.

43. Беспрерывная деятельность – это Вселенная.

Вселенная или Космос – это активная фаза или разновидность ТОГО, что ни Деятельность, ни Покой не могут характеризовать в ЕГО целостности.

44. Нескончаемый Покой – это Нирвана.

Поскольку Нирвана, как здесь понимается, является вечной противоположностью Вселенной, она суть то, чем Вселенная не является. Поэтому относительно Деятельности Нирвана обладает качеством Покоя.

Следует ясно понимать, что в данных афоризмах концепция Нирваны необязательно тождественна восточным определениям, хотя есть, по крайней мере,

существенная степень согласия в трактовке. Данный термин выражает здесь смысл, рождённый из непосредственного Постижения, которое может не быть *целиком* тождественно какому-либо другому, которое было описано.

45. Но Сознание-без-объекта – это ни Деятельность, ни Покой.

И Деятельность, и Покой укоренены в ТОМ, но ТО, в целом, не может предидироваться ни как Деятельность, ни как Покой. ТО является всевещающим, но необусловленным. Таким образом, поскольку всякая положительная предикация является обусловливанием, так как она определяет и наделяет, в этой степени, описанием природы или характера, тем самым подразумевая Иное, противоположное, то такая предикация не может быть действительной. С другой стороны, отрицательная предикация действительна, если ясно понимать, что отрицается ограниченность, а не Способность.

46. Когда сознание привязывается к объектам, оно ограничивается формами, налагаемыми содержащим мир Пространством, Временем и Законом.

Пространство, Время и Закон обусловливают содержание сознания, но не само сознание. Но когда какой-либо центр сознания привязывается к содержанию или объектам, а значит отождествляется с ними, он кажется также обусловленным. Таким образом, в той степени, в которой человек привязан, он не свободен, а детерминирован. Доктрина детерминизма, поэтому, выражает частичную истину, т.е. истину, имеющую прагматическую, но не трансцендентальную значимость. Следовательно, тот, кто чувствует себя полностью обусловленным, привязан в высшей степени. Но конкретное сознание может находиться в состоянии, так или иначе непривязанном, а значит испытывать соответствующую свободу, что мы можем рассматривать как детерминирование Субъектом, а не обусловливание Объектом или окружением. Человечество в целом знает мало подлинной свободы и живёт обусловленным отчасти объективным окружением, отчасти психическими факторами, которые, тем не менее, объективны, хотя и тонки. Но аутентическая свобода возможна.

47. Когда сознание отстраняется от объектов, достигается Освобождение от форм содержащего мир Пространства, Времени и Закона.

Отстранённость или непривязанность к объектам необязательно означает неосознавание объектов. Но она означает устранение вовлечённости в смысле ложной идентификации с объектами. Можно действовать на объекты и с объектами и при этом оставаться настолько отстранённым, что человек не связывается. Таким образом, деятельность вполне совместима с Освобождением. Тот, кто достиг и удерживает такое состояние сознания, может достичь аутентически свободной деятельности.

48. Привязанность к объектам – это сознание, ограниченное Вселенной.

Что касается ограниченности сознания, то речь здесь идёт об индивидуальном центре сознания, а не о сознании в абстрактном или универсальном смысле. Далее, здесь не утверждается, что привязанность к объектам создаёт Вселенную, а просто, что сознание – в смысле индивидуального центра сознания – ограничивается Вселенной. Таким образом, данный афоризм не подразумевает, что Вселенная, как таковая, неизбежно является иллюзией, лишённой всякой реальности, а, скорее, утверждает, что привязанность ведёт к фазе рабства, что касается индивидуального сознания. Несомненно, это приводит к состоянию обмана, но это – не более чем фаза индивидуального сознания,

в отношении которой суждение, что Вселенная, как таковая, суть нереальна, было бы неоправданной экстраполяцией.

49. Освобождение от такой привязанности – это состояние безграничной Нирванической Свободы.

То, что Нирваническое Состояние Сознания является состоянием Освобождения или Свободы, давно стало традиционным учением. Афоризм подчёркивает тот факт, что эта свобода зависит от непривязанности к объекту, но не подразумевает, что подобная непривязанность является всем смыслом Нирванической Свободы. Он подразумевает, что, хотя достижение Нирванического Состояния зависит от непривязанности к объекту, оно не зависит от невосприятия Объекта. Ибо простое восприятие Объекта необязательно привязывает к нему. Таким образом, постижение Нирваны, в принципе, совместимо с продолжающимся восприятием Мира, при условии непривязанности к нему.

Нирваническое Состояние Сознания, достигаемое в чистом виде, подразумевает невосприятие равно как и непривязанность к Вселенной Объектов. Возможно, это является наиболее частой формой постижения, и существует точка зрения, что это является единственно возможной формой постижения. Но это – ошибка. Если бы это было так, то Нирвана достигалась бы только в полном трансе объективного сознания или после физической смерти. Однако, более интегральное постижение возможно, когда Нирваническое Состояние известно наряду с восприятием мира и даже с деятельностью в нём, при условии непривязанности. Подтверждение этому можно найти в некоторых северных буддийских сутрах и в трудах Шри Ауробиндо.

Непривязанность является отрицательным условием постижения, но есть ещё и положительное, необходимое для проникновения постижения в относительное сознание. Должна быть задействована новая способность восприятия, иначе постижение будет неполным. Эта новая способность рождается спонтанно, хотя может потребоваться время для приспособления относительного сознания. Однако данный афоризм не озабочен психологическими деталями подобного рода, независимо от их прикладного значения. На самом деле, афоризмы являются своего рода духовной математикой, занятой сущностными взаимоотношениями, а не человеческими особенностями.

50. Но Сознание-без-объекта – это ни ограниченность, ни Свобода.

Прежде всего, это справедливо по той причине, что чистое Сознание не обусловлено или детерминировано каким-либо или обоими членами любой пары противоположностей. Но без чистого Сознания не было бы ни рабства, ни Освобождения. Только зная опыт рабства, можно постичь Освобождение; также, не зная Свободы, невозможно постичь состояние рабства. Движение, развитие или процесс предстают перед нашим относительным сознанием либо детерминированными законом, либо как проявление свободной спонтанности, но это – всего лишь альтернативы относительного сознания, а не онтологические формы. Любому данному центру сознания Бытие может представляться либо абсолютно обусловленным, либо свободной игрой спонтанности, но тот факт, что оно тем или иным образом представляется такому центру, говорит нам нечто об индивидуальной психологии последнего, но не раскрывает нам природу Предельного в её сущности.

51. Сознание-без-объекта можно символически представить ПРОСТРАНСТВОМ, не затрагиваемым присутствием или отсутствием объектов, для которого нет ни Времени, ни Безвременья; ни содержащего мир Пространства, ни Пространственной Пустоты; ни Напряжения, ни Равновесия; ни Сопротивления, ни Творчества; ни

Агонии, ни Блаженства; ни Деятельности, ни Покоя; ни Ограниченности, ни Свободы.

Данный афоризм, наряду с последующим, вводит альтернативный символ для Сознания-без-объекта, а именно символ ПРОСТРАНСТВА. Ни одна форма, будь то концептуальная или эстетическая, не может быть адекватным представлением всеохватывающей Предельной Реальности, поскольку такая форма является содержимым. Но форма может служить указателем на смысл позади себя, тем самым служа человеческому сознанию в смысле ориентирования его на самопревосхождение. Эффективный символ должен иметь двойной характер: а) быть в определённой степени постижимым для человеческого сознания и б) выходить за пределы человеческого понимания. В литературе о Постижении можно найти много символов, служащих этой цели. Но символы имеют свойство утрачивать свою эффективность со временем, по мере того, как эволюционирующее человеческое сознание приходит к их всестороннему пониманию. Тогда должны быть найдены новые и более глубокие символы, чтобы заменить старые. Сознание-без-объекта – это такой символ для более субъективной ориентации человеческого сознания, тогда как ПРОСТРАНСТВО – это соответствующий символ для более объективной ориентации. Ранее использовалось понятие «Пустоты» или «Пустотности», однако оно имеет тот недостаток, что внушает многим умам полное уничтожение, поэтому здесь используются более позитивные символы Сознания-без-объекта и ПРОСТРАНСТВА.

Ранее символ «Пространства» уже использовался, и одно из лучших его объяснений можно найти в «Тайной Доктрине»:

«Родительское» Пространство – это вечная, вездесущая Причина всего – непостижимое Божество, чьи «Невидимые Одежды» суть мистический Источник всей Материи и Вселенной. Пространство суть *единственная вечная вещь*, которую мы можем с лёгкостью вообразить, непоколебимая в своей абстракции и не затрагиваемая ни наличием, ни отсутствием в ней объективной Вселенной. Оно лишено измерений, во всех смыслах, и самосуще. Дух есть первая дифференциация «ТОГО», Беспричинной Причины Духа и Материи. Как учит Эзотерический Катехизис, оно не есть ни «безграничная пустота», ни «обусловленная полнота», а суть обе. Оно было и всегда будет». ⁸

«Пространство», используемое в качестве символа, не следует отождествлять ни с каким из наших перцептуальных или концептуальных пространств, которые воспринимаются как обладающие определёнными свойствами, таким как трёхмерность, «искривлённость» и т.д. Это понятие следует понимать в самом абстрактном смысле, как корень или основу всякого специфически воспринимаемого пространства. Не следует также понимать его как «полноту» или как «пустоту», но скорее как объёмлющее обе концепции. Таким образом, оно является лучшим символом, чем «пустота» или «среда».

Однако, хотя интерпретация ТОГО либо как пустоты, либо как среды, не является, в конечном итоге, правильной, всё же относительно потребностей различных типов человеческого сознания данный символ оказывается более эффективным, когда берётся в том или ином своём аспекте. Когда подход преимущественно негативный в отношении относительного сознания, данный символ естественно принимает форму Пустоты, как в случае Шунья буддизма. Но в данной работе акцент положителен, и поэтому «ПРОСТРАНСТВО» или «Сознание-без-объекта» условно считается субстантивным с оговоркой, что данная ориентация не является абсолютно правильной.

Поскольку различие между этими двумя аспектами или подходами имеет существенное значение, некоторое их обсуждение представляется полезным. Технически данное различие можно обозначить как субстанциализм против нонсубстанциализма. Так, цитируя из Гамильтона: «Философы, утверждающие или отрицающие способность сознания обеспечивать субстратом или субстанцией проявления Эго и Нон-Эго,

подразделяются на реалистов или субстанциалистов и нигилистов или нон-субстанциалистов».⁹ Нетрудно понять, что к нонсубстанциализму принадлежат также философии, классифицируемые как позитивизм, феноменализм, агностицизм и эстетизм.¹⁰ В качестве примеров субстанциалистической философской ориентации можно привести философии Спинозы и Шри Ауробиндо Гхоша¹¹; тогда как примерами нонсубстанциалистических философий могут послужить таковые Огюста Комптэ, даосские и большинство буддийских, в особенности, дзен-буддизм.

Один знаменательный факт – контрастирующие взгляды, представленные, что вполне понятно, различными спекулятивными философиями, также обнаруживаются среди философий, основанных на постижении. Это может показаться совершенно неожиданным. Ибо если постижение является аутентическим инсайтом в Истину, не должно ли оно вести к фундаментальному согласию при проявлении в качестве философских символов? Новичок вполне может ожидать этого, однако глубокое изучение литературы показывает, что расхождения настолько широки, что кажутся противоречиями. Поскольку это может стать камнем преткновения для ищущего, представляется полезным рассмотреть данный вопрос.

Одной из реакций на данное кажущееся противоречие со стороны ищущего, достигшего некоторой степени постижения, может быть рассмотрение тех формулировок, которые наиболее созвучны его собственному инсайту, как раскрывающих аутентическое Просветление, тогда как несовместимые утверждения рассматриваются как сущностная ошибка, а значит как не выражающие подлинное Просветление. В результате возможно развитие, в значительной степени, разделяющей нетерпимости на относительно высоком уровне. Хотя всё это может быть вполне понятно в качестве субъективного феномена и может служить определённым психологическим потребностям, тем не менее, при объективном рассмотрении, данный подход далёк от интегрального. Или, даже если ищущий не занимает такой крайней позиции, он может считать своё собственное выражение и сходные с ним по форме, неизбежно, более полными, тогда как противоположные выражения – низшими инсайтами. В общем, подобные подходы попросту неразумны, ибо даже значительная степень Просветления совместима с неспособностью превзойти свою собственную индивидуальную психологию. В самом деле, Трансцендентальное Сознание неизбежно низводится со своего уровня и видоизменяется психологическим темпераментом садхака,¹² и если он не осознаёт относительность своей собственной психологии, то вполне легко может допустить ошибку проецирования своей собственной позиции как объективно универсальной. В действительности, противоположные интерпретации могут быть столь же правильными, и даже более правильными, и, в любом случае, достаточно глубокое Просветление обнаружит относительную или частную истину во всех аутентических формулировках.

Философские выражения, будь то субстанциалистические или нонсубстанциалистические, являются, в любом случае, лишь частными утверждениями, выражениями той или иной грани, и справедливы, если принимаются условно. Это нужно знать и признавать, и следовать тому, что лучше соответствует собственному Видению. Тогда никакой фундаментальный конфликт противоречивых и всё же, по сути, взаимодополняющих воззрений невозможен. Всякая формулировка неизбежно обречена быть частной и неполной, каким бы широким ни был её охват.

52. Как нельзя отождествлять ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО со Вселенной, так нельзя отождествлять его ни с какой Самостью.

ПРОСТРАНСТВО здесь названо ВЕЛИКИМ, чтобы подчеркнуть тот факт, что его следует понимать как пространство в предельном или обобщённом смысле, в противоположность специфическим пространствам перцепции и концепции. Далее, ОНО ни объективно и ни субъективно, а потому не может описываться ни как Самость, ни как Вселенная.

53. ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО – это не Бог, но объемлет всех Богов, равно как и всех меньших созданий.

ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО превосходит и вмещает всех созданий, даже величайших. В определённом смысле мы можем говорить о Божественной Личности, но позади, выше и вокруг даже Этого, лежит ТО, что символизируется ВЕЛИКИМ ПРОСТРАНСТВОМ.

54. ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО или Сознание-без-объекта суть Единственная Реальность, от которой все объекты и все самости зависят и происходят.

Самым главным в данном афоризме является то, что ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО суть *единственная* Реальность. Это выражение представляется вполне очевидным, но если задуматься, сразу возникают трудности с обоими понятиями: «единственная» и «реальность». Прежде всего, «единственная» несёт смысл «одного», который явно абстрагирован от матрицы, также охватывающей понятия «множества» и «разнообразия». В этом смысле единственная реальность исключала бы возможность многообразия, и мы по-прежнему оставались бы в дуалистической сфере. На самом деле, ТО следовало бы понимать ни как множество, ни как единство, говоря в строго метафизическом смысле, но если мы не оставляем попыток создать вразумительный и психологически позитивный символ, мы должны идти дальше исключительно негативного определения. В действительности, символ является психологической величиной, служащей ориентации индивидуального сознания, а значит чем-то меньшим, нежели метафизическая истина. Следовательно, акцентировка на единственности должна считаться корректной для состояний сознания, пребывающих в рабстве у чувства множественности. Таким образом, это – не предельная концепция. Однако единственность может пониматься в смысле, имеющем высшую, равно как и в смысле, имеющем низшую, относительную значимость. Поэтому нам следует воспринимать единственность скорее как единство, которым обладает математический континуум, чем единство простой цифры «один». Ибо континуум – это понятие единства совокупности, сложенной из бесконечного множества, но не подразумевающее отношений между дискретными элементами. Данный афоризм для меня является лучшей положительной концепцией, которая может указать на Реальность, скрывающуюся за негативным определением «ни одно, ни много».

Что касается понятия «Реальности», у нас возникают ещё *большие* трудности, ибо используемое в философском или прагматическом смысле, оно имеет, исторически, несколько значений. Чаще всего, по крайней мере, в западной мысли, это понятие используется в отношении предполагаемых объективных сущностей, и это, очевидно, – не тот смысл, который вкладывается в понятие «ВЕЛИКОГО ПРОСТРАНСТВА», которое ни объективно, ни субъективно. Поэтому нам следует приложить некоторые усилия, чтобы определить смысл, подходящий для данного афоризма.

Обычно, мы думаем о «реальности» в противоположность понятию «иллюзия», но это вряд ли ведёт к ясному пониманию, ибо каждое понятие негативно определяется через другое, и мы мало, если вообще, продвигаемся к подлинной концепции того, что мы *чувствуем* в отношении этих понятий.¹³ Прагматически, у нас, обычно, не возникает проблем в различении многих иллюзий и относительных реальностей, таких как озеро-мираж и реальное озеро, но этого недостаточно для определения того, что мы понимаем под этими терминами метафизически. Ибо очевидно, что как голое, визуальное, чувственное восприятие озеро-мираж столь же аутентично, как и реальное озеро. Можно сказать, что в качестве эстетической модификации сознания одно так же реально, как и другое, но различие между реальностью и иллюзией возникает, когда к чисто эстетической модификации добавляется некое суждение. Но суждение не приводит к реальности, оно приводит либо к истине, либо к ошибке. Если суждение приводит к ошибке, мы одержимы иллюзией, в противном случае иллюзии нет.

Представляется, что такое отождествление иллюзии и ошибки ведёт к заключению, что противоположностью иллюзии является не реальность, а истина, и это открывает двери анализу, который гораздо более плодотворен. В поддержку такого положения говорит следующая цитата из Иммануила Канта: «Ещё меньше видимость и иллюзия могут считаться тождественными. Ибо истина или иллюзия не обнаруживаются в объектах интуиции, но в суждениях о них, по мере их обдумывания. Поэтому вполне справедливо утверждать, что чувства никогда не ошибаются, не потому, что они всегда судят правильно, а потому, что они вообще не судят».¹⁴

Если противоположностью истины является иллюзия, тогда сразу становится очевидным, что противоположностью реальности является видимость, последнее понятие не несёт в себе иллюзии, пока относительно него не выносится ошибочное суждение, и в таком случае иллюзия создаётся неправильным суждением, а не является свойством видимости как таковой. Теперь мы можем определить смысл «реальности», соответствующий данному афоризму. «Реальность» становится тождественной «Ноумену», а её противоположность – «видимость» – «феномену». Такое различие является эпистемологически оправданным и привносит большую ясность.

В истории западной мысли противоположные концепции «Ноумена» и «феномена» получили наиболее существенное развитие в греческих философиях и в философии Иммануила Канта. И хотя они фундаментально связаны в обоих этих случаях, они не являются тождественными – результат развития критического мышления более поздних времён. Платон, в частности, под ноуменом понимает мыслимое или вещи мысли, которые не являются объектами чувственности. Последние суть феномены и обладают подчинённым и даже небожественным порядком. Для Канта ноумен, в общем, эквивалентен вещи-в-себе, взятой в абстракции от интуиции чувств, тогда как феномен остаётся, как и для греков, чувственно данным объектом. Но в отличие от греков Кант не считает ноумен сущностью, данной посредством чистого разума. Чистая мысль может находить его необходимой или полезной концепцией, но сама по себе не может наделить его существованием. То, что Кант хочет здесь выразить, очень ценно в качестве указателя на концепцию, имеющую фундаментальную значимость в данной работе, и поэтому следующая цитата заслуживает особого внимания. В «Критике» он говорит:

«Если бы я допускал существование вещей, которые были бы объектами только понимания и, тем не менее, могли бы быть даны как объекты интуиции, хотя и не чувственной интуиции... такие вещи были бы названы Ноуменами. Но чтобы не блуждать по замкнутому кругу, мы должны признать, что само слово «феномены» указывает на отношение к чему-то, непосредственное представление чего, несомненно, чувственное, но что, тем не менее, даже без этой квалификации нашей чувственности (на которой основывается разновидность нашей интуиции) должно быть чем-то самим по себе, то есть объектом, независимым от нашей чувственности. Отсюда возникает концепт ноумена, который, однако, не является позитивным, а также определённым знанием чего-то, но который означает лишь мышление о чём-то без принятия в расчёт формы чувственной интуиции. Но чтобы этот ноумен означал *реальный* объект, который можно отличить от всех феноменов, *недостаточно, чтобы я освободил свою мысль от всех условий чувственной интуиции, но я помимо этого должен иметь причину признавать другую разновидность интуиции помимо чувственной*, в которой такой объект может быть представлен, в противном случае моя мысль окажется пустой, пусть даже и свободной от противоречий.»¹⁵

Существенным дополнением Канта к греческой концепции является утверждение, что для постижения ноумена как реального, а не просто как формальной концепции, должна существовать интуиция, иная, нежели чувственная. Это, явно, – интеллектуальная

интуиция Шеллинга и прочих последующих философов. В данной системе такая функция признаётся, но названа «интроцепцией» по причинам, которые будут обсуждаться в следующей книге.

Наконец, мы в состоянии определить «Реальность» как ноумен, непосредственно воспринимаемый Интроцепцией или Знанием через Тождество, тогда как «феномен» означает чувственную видимость. Третьей формой восприятия является концептуальная репрезентация, занимающая промежуточное положение между феноменом и ноуменом. Но мы должны сделать следующий шаг, поскольку Субъект или Самость, которая не рассматривалась греками и считалась постоянной Кантом, становится для нас компонентом, который постоянен и первичен только в отношении объекта, а в отношении Чистого Сознания – произведен. Мы можем рассматривать такой Субъект как своего рода трансцендентальный феномен, т.е. трансцендентальный в отношении к объекту, но состоящий в некоем подобии феноменальных отношениях с Чистым Сознанием.

55. ВЕЛИКОЕ ПРОСТРАНСТВО объемлет как Путь Вселенной, так и Путь Нирваны.

По сути, данный афоризм является повторением прежних формулировок в терминах Сознания-без-объекта. Два Пути Субъективного и Объективного охватываются одним Путём универсального и трансцендентального вместилища. Сознание, которое достаточно пробуждено, найдёт Нирвану и Вселенную сосуществующими и могущими постигаться одновременно.

56. Кроме ВЕЛИКОГО ПРОСТРАНСТВА нет ничего иного.

¹ Субъект или Самость занимает позицию, аналогичную параметру в математике. В простых и общих терминах параметр можно представить как локальный инвариант, который изменяется, когда переходит в большую область. В отношении частного случая данной кривой он остаётся неизменным, однако в отношении всего семейства кривых данного типа он меняется. Окончательный инвариант – это плоскость или пространство, в котором лежат кривые. Это даёт нам мыслимую аналогию.

В отношении конкретного существа Самость является инвариантом, однако в отношении всех созданий и всех форм сознания Самость является параметром, который подвержен изменениям. Поддерживает этот параметр окончательный инвариант – само Чистое Сознание. Здесь мы имеем ключ к примирению атмической доктрины Шанкары и анатмической доктрины Будды. Эзотеризм утверждает, что атмическая доктрина являлась «упрощённым изложением» буддистской доктрины, а потому легче воспринималась относительным сознанием, тогда как буддийская доктрина собственно оставалась практически непостижимой без предварительной переориентации человеческого сознания.

² Знаки «плюс» и «минус».

³ Всякий, читающий много мистической литературы, не может не поразиться частыми отрицаниями ранее делавшихся утверждений. Часто какое-либо утверждение отрицается тут же, или делается другое утверждение, которое логически предполагает отрицание первого. Следствием этого, естественно, является путаница, которая, что вполне понятно, заставляет читателя усомниться в здравомыслии автора. Но, в действительности, мистик ищет выражение, верно отражающее его постижение, и обнаруживает, что его первое утверждение, пусть и отчасти верное, также является фальсификацией. Отрицание или новое утверждение тогда исполняют роль коррекции. Слишком часто читатель остаётся без каких-либо разумных объяснений и вынужден делать собственные выводы, которые практически всегда оказываются не в пользу данного мистика и мистицизма в целом. В самом деле, какая польза от утверждения, если оно не приводит к выводам, отрицающим противоположные идеи? Или же, если авторитет мистика не подвергается сомнению, читатель может прийти к заключению, что реальность, о которой сообщает мистик, является каким-то иррациональным хаосом, чем-то, совершенно несовместимым с понятиями гармонии, порядка и равновесия, чем-то, не только отвергающим возможность познания, но и совершенно ненадёжным.

В действительности, Гностическая Реальность не является беспорядочным хаосом, но имеет такую природу, что её невозможно адекватно описать в наших обычных концептуальных формах. Эти обычные формы подчинены логике тождества или, иными словами, логике противоречия. Основным принципом классификации здесь является дихотомия, т.е. все вещи являются либо А, либо не-А. Это подразумевает

исключение всего, что не является ни А, ни не-А, или является и А, и не-А. Это известно в логике как принцип исключённого третьего, который широко применяется в отношении конечных классов. Но это никоим образом не является единственным логическим принципом, применяемым в науке. Так, математика требует применения логических форм, которые не могут быть сведены к логике тождества, неприменим этот принцип и в решении проблем, связанных с органической эволюцией. Как следствие, есть логики, серьёзно оспаривающие универсальность принципа исключённого третьего. Он оказывается ненадёжным, если применяется к бесконечным классам, как в случае трансфинитных чисел. В результате, мистик может быть вполне оправдан в своём стремлении «включить исключённое третье», а все вопросы о его здравомыслии или отсутствии порядка в описываемой им Реальности могут быть сняты.

На самом деле, нетрудно увидеть, как логическая дихотомия оказывается несостоятельной. Так, два класса А и не-А, которые, как считается, должны охватывать всё, в действительности, не охватывают мыслителя, выполняющего классификацию. Это справедливо, даже когда двумя классами являются «Я» и не-«Я». «Я» в такой классификации – это проецируемое «Я», а потому является объектом, а не действительным познающим свидетелем. Последний объемлет оба класса, но не содержится в каком-либо из них. Поэтому он может быть только исключённым третьим.

⁴ Реальность Бога как Высшей Ценности здесь не оспаривается. Высшая Ценность существует в человеческой душе и может быть постигнута непосредственно. Она суть Иное, дополняющее одинокую самость. Высшая Ценность – это Присутствие в мистическом постижении. Ошибкой многих мистиков-нефилософов является интерпретация этого Присутствия как существования *in re*, то есть как объективной вещи. Что касается истинного понимания подлинной природы Бога, то здесь Мейстер Экхарт является одним из наиболее ясно видящих мистиков. Для Экхарта Бог суть противоположность самости, и эти двое находятся в отношениях взаимной зависимости. Поэтому Бог – это не безотносительный первичный принцип. Этот первичный принцип Экхарт называет «Божеством» – понятие, используемое им в смысле, аналогичном буддийской Шуньяте.

⁵ Этот мистический инсайт является источником знания – это главный тезис настоящей работы. Правильность данного тезиса может оспариваться как с эпистемологической, так и с психологической точек зрения. Оправдание этого тезиса, поэтому, состоит из двух частей: а) оправдание против философской критики и б) оправдание против психологической критики. Оправдание против философской критики встречается во многих местах настоящей работы. Во втором оправдании нет нужды на уровне самого Осознания, оно необходимо только для строго относительного типа сознания.

⁶ См. раздел LX «Символ Четвёртого Измерения» в «Путях к Пространству».

⁷ Такая смена положения кажущийся активности иллюстрируется известным примером, когда человек смотрит из окна отъезжающего от станции поезда, и ему кажется, что движутся окружающие объекты.

⁸ «Тайная Доктрина», третье издание, стр. 67.

⁹ Цитируется по болдуинскому «Словарю философии и психологии», том II, стр. 614.

¹⁰ Убедительное описание эстетизма как доминирующей формы восточной философии приводится Ф. С. К. Нортропом в его «Встрече Востока и Запада».

¹¹ См. «Жизнь Божественная» Шри Ауробиндо, Глава IX «Чистое Существование», стр. 68.

¹² Ищущий или тот, кто практикует Йогу.

¹³ Блестящее описание иллюзионизма см. в «Жизни Божественной» Шри Ауробиндо, Книга II, Главы V и VI.

¹⁴ «Критика чистого разума», перевод Макса Мюллера, стр. 293.

¹⁵ «Критика чистого разума», перевод Макса Мюллера, стр. 217, 219. Курсив мой.